

Российская академия наук
Институт психологии

В.А. Соснин, Т.А. Нестик

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Социально-психологический анализ

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2008

УДК 159.9. 316.6
ББК 88
С 66

Рецензенты:
доктор психологических наук
В.Е. Семенов,
доктор психологических наук, профессор
Н.П. Рапохин

Введение, главы 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9 написаны В. А. Сосниным;
главы 7 и 10 написаны Т. А. Нестиком;
глава 6 и заключение написаны совместно.

С 66 Соснин В. А., Нестик Т. А.
Современный терроризм: Социально-психологический анализ.— М.:
Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. — 240 с.

ISBN 978-5-9270-0137-8

Книга посвящена острой проблеме современной цивилизации — терроризму как социокультурному и социально-психологическому феномену. Осуществлен системный теоретико-методологический анализ исследований проблемы терроризма, рассмотрены социальные и социально-психологические основания его возникновения, проанализирована социально-психологическая специфика глобализации и ее связь с проблемой терроризма. Особое внимание уделено анализу мотивации терроризма, социокультурному идентификационному подходу для объяснения детерминации террористической деятельности.

Книга адресована, в первую очередь, специалистам в области социальной психологии, социологии и политологии, она будет полезна преподавателям и студентам психологических и социологических факультетов вузов.

УДК 159.9. 316.6
ББК 88

© Институт психологии Российской академии наук, 2008

ISBN 978-5-9270-0137-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А.Л. Журавлев. Предисловие</i>	7
ВВЕДЕНИЕ	9

РАЗДЕЛ I ОСНОВАНИЯ И ИСТОКИ ТЕРРОРИЗМА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

ГЛАВА 1

Исторические истоки терроризма:

состояние и тенденции, феномен терроризма в России	15
1.1. Проблема терроризма: исторические параллели	17
1.2. Социальные и социально-психологические индикаторы коллективного насилия как детерминанты террористической деятельности	25
1.3. Феномен терроризма в современной России.....	31

ГЛАВА 2

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

И КЛАССИФИКАЦИИ ФЕНОМЕНА ТЕРРОРИЗМА	37
2.1. Концептуальный анализ терминологического языка описания проблематики терроризма	38
2.2. Проблема концептуализации и типологизации феномена терроризма.....	45

ГЛАВА 3

СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ

ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕРРОРИЗМА	53
3.1. Психологическое состояние общества как базовый источник терроризма.....	53
3.2. Психологические концепции, релевантные для понимания феномена терроризма	54
3.3. Социально-психологические основания терроризма	58
3.4. Социально-психологические аспекты глобализации	62

ГЛАВА 4

ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА: ХРИСТИАНСКИЙ И ИСЛАМСКИЙ МИР, ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	67
4.1. Типичные ошибки представлений о мусульманском мире в христианских странах	69
4.2. Развитие отношений христианского и исламского миров: краткий исторический экскурс	71
4.3. О духовно-религиозных представлениях мусульман в исламской культурной парадигме	76
4.4. Понимание фундаментализма и возрождения религиозной воинственности ислама: современная геополитическая ситуация	91

РАЗДЕЛ II ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МОТИВАЦИИ ТЕРРОРИЗМА

ГЛАВА 5

МОТИВАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ	105

ГЛАВА 6

МОТИВАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА НА ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОМ УРОВНЕ: СИМТОМОКОМПЛЕКС ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА.....	112
6.1. Личность террориста: объяснительные модели.....	112
6.2. Эмпирические исследования личности террориста.....	115
6.3. Феномен терроризма с использованием смертников: социально-психологическая интерпретация.....	125

ГЛАВА 7

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК СУБЪЕКТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВНУТРИГРУППОВЫЕ ПРОЦЕССЫ И ОБРАЗ МИРА.....	131
7.1. Особенности внутригрупповой динамики в террористической организации.....	131
7.2. Феномен лидерства в террористической организации	137
7.3. Ролевая структура и вторичная социализация в террористических группах	144
7.4. Механизмы самооправдания и террористический образ мира.....	147
7.5. Перспективы исследования групповых процессов в террористических организациях.....	152

ГЛАВА 8

МЕЖГРУППОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: МЕЖГРУППОВОЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ УРОВНИ АНАЛИЗА.....	154
8.1. Международный терроризм и социокультурная идентичность.....	156
8.2. Терроризм и поиск идентичности: мотивационная функция социокультурной идентичности	162
8.3. Нормативная структура доминантных внешних групп и формирование коллективной идентичности террористической организации	169

РАЗДЕЛ III СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

ГЛАВА 9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АКТОВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ	177
9.1. Психологическая травма: посттравматический синдром и его последствия	178
9.2. Основные посттравматические состояния и расстройства, связанные с массовыми террористическими событиями	180
9.3. Классификация жертв террористических актов и их основные потребности.....	185
9.4. Проблема психологического реагирования: обзор основных методов психотерапевтического вмешательства, текущая практика.....	190
9.5. Современное состояние оказания психологической помощи жертвам терактов: оценка и тенденции.....	198

ГЛАВА 10

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ	205
10.1. Социально-психологические особенности борьбы с современным терроризмом.....	205
10.2. «Психология мира» как новое направление психологической науки XXI в. и ее потенциал в борьбе с терроризмом.....	207

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	211

ЛИТЕРАТУРА.....	217

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данной монографии авторы развивают новое направление отечественной социальной психологии — «Социальная психология терроризма». Необходимость разработки этой отрасли психологической науки вызвана насущными потребностями человеческой цивилизации — необходимостью осмысления, анализа и противодействия грозной проблеме международного терроризма, вставшей перед мировым сообществом на пороге третьего тысячелетия.

Терроризм как системный социокультурный и социально-психологический феномен по своему содержанию и последствиям — это одновременно преступное, политическое, социальное, психологическое и морально-нравственное явление. Из числа этих факторов и детерминант психологические изучены менее всего, и они менее всего понятны, хотя, несомненно, принадлежат к числу важнейших.

До последнего десятилетия проблема терроризма исследовалась, прежде всего, историками, социологами и политологами, а социальные психологи этой проблеме уделяли меньшее внимание. Однако, начиная с середины 1990-х годов, в мировой исследовательской практике (в том числе и отечественной) наблюдается резкая активизация психологических и социально-психологических исследований по этой проблеме.

В отечественной социально-психологической литературе появились работы, в которых предпринимаются попытки осмысления и разработки подходов к анализу этого феномена с позиций социальной психологии (Ю.М. Антонян, С.Н. Ениколопов, А.П. Назаретян, А. Налчаджян, Д. В. Ольшанский, М.М. Решетников, Н. П. Фетискин, С.В. Цыцарев, А.И. Юрьев и др.).

В данной монографии, посвященной в первую очередь изучению социально-психологических аспектов терроризма, авторы осуществили системный теоретико-методологический анализ проблемы терроризма в мировой и отечественной исследовательской практике и тем самым заложили основы нового направления в отечественной социальной психологии.

Оригинальность анализа проблемы терроризма, осуществленного авторами данной книги, состоит в комплексном рассмотрении со-

циокультурного идентификационного подхода для объяснения мотивации и детерминации террористической деятельности с учетом социокультурного контекста. Этот подход проработан и использован авторами для анализа проблемы на трех уровнях: индивидуально-психологическом, внутри- и межгрупповом. Именно такой комплексный подход к анализу феномена терроризма заложил основы нового направления в отечественной социальной психологии.

Монография охватывает широкий спектр социально-психологических аспектов терроризма, некоторые из них постепенно становятся предметом отдельных исследовательских направлений. В частности, предлагаемый авторами социокультурный подход оказывается перспективным при изучении таких проблем, как мотивация терроризма на индивидуально-личностном уровне, формирование групповой идентичности и вторичная социализация террориста, внутригрупповые процессы в террористической организации, развитие психологической травмы в результате терактов, оказание психотерапевтической помощи непосредственным и косвенным жертвам.

Помимо уже сформировавшихся новых самостоятельных парадигм в психологии терроризма, таких как психология мира, особенно многообещающими оказываются перспективные исследования, намеченные авторами на внутригрупповом и межгрупповом уровнях социально-психологического анализа (внутригрупповая динамика, социокогнитивные процессы и лидерство в террористической организации, кооперация и соперничество между террористическими группами, психологические аспекты антитеррористической деятельности и др.).

*Член-корреспондент РАН,
доктор психологических наук,
профессор А.Л. Журавлев*

Психологическая наука как отрасль знания, предметом которой является изучение поведения и психологических характеристик индивидуальных и групповых субъектов, по своей социальной сущности ориентирована на формирование нравственно зрелой личности и организацию стабильного и продуктивного функционирования социума. В этом состоит ее основная *гуманистическая* направленность и вклад в решение проблем сохранения мира.

Можно выделить два аспекта реализации психологией ее миротворческой функции. Первый аспект связан с *опосредованным вкладом* психологии в борьбу за мир путем формирования гуманистических ориентаций, позитивного восприятия и установления отношений на основе принципов понимания и принятия, через осознание личностью своей ценности. Второй аспект — непосредственное решение психологией научных и практических задач, направленных на предотвращение угроз стабильному и мирному существованию человеческой цивилизации (Кольцова, Нестик, Соснин, 2006).

В этой связи на пороге третьего тысячелетия перед мировым социумом встала грозная проблема международного терроризма. Трагические события 11 сентября 2001 г., а также другие многочисленные атаки террористов в последние годы продемонстрировали, что нельзя игнорировать возрастающие риски и последствия терроризма.

Даже беглый взгляд на статистику криминальных ситуаций в России свидетельствует об угрожающем росте преступлений террористического характера за последнее десятилетие. Их динамика, по статистическим отчетам, выглядит следующим образом:

- терроризм (ст. 205 УК РФ): 1997 г.— 32 преступления; 1998 г.— 21; 1999 г.— 20; 2000 г.— 135; 2001 г.— 327; 2002 г.— 360; 2003 г.— 526; 2004 г.— 265;
- организация незаконного вооруженного формирования, участие в нем (ст. 208 УК РФ) в указанные годы составляют (соответственно) — 9, 2, 9, 340, 165, 135, 267, 212 выявленных фактов.

В 1993 г. выявлено 15 лиц, совершивших преступления террористического характера, а в 2004 г. их число составило 1019 человек (Гришко, Сочивко, Гаврина, 2006).

«Успех борьбы с современным терроризмом во многом зависит от знания причин, условий и предпосылок его возникновения и активизации. События последнего десятилетия в мире и в России привлекают повышенное внимание ученых и политиков к проблеме выяснения этих причин» (Иванов, 2004, с. 3). Основания терроризма имеют комплексный характер, как системный феномен он включает исторические, политические, экономические, социальные и психологические факторы и детерминанты. Из числа этих факторов и детерминант психологические изучены менее всего, и они менее всего понятны, хотя, несомненно, принадлежат к числу важнейших.

Ясно, что всестороннего, исчерпывающего понимания этого феномена можно достичь с помощью мультидисциплинарного и мультикультурного подхода. В конце концов, террористический акт направлен на изменение психологического состояния людей, его цель — создание психологической атмосферы террора у широких масс населения. Терроризм по своему содержанию и последствиям — это одновременно преступное, политическое, социальное, психологическое и морально-нравственное явление. Жертвами террористов являются, как правило, невинные люди, которые, не подозревая того, предстают в виде «расходного материала» в воспаленном сознании и расчетах террористов, воспитанных на идеях ненависти, нетерпимости и насилия, несправедливости, унижения и жестокого обращения. И даже когда террористический акт осуществляется одним лицом, его мотивацию можно понять, только используя психологический подход, который содержит базовую идею: человеческая психика опирается на широкий социальный контекст.

Термин «психологический» относится к тесному, близкому и интерактивному взаимоотношению между человеческой психикой и различными социальными контекстами. В этой связи необходимо подчеркнуть важность понимания культурных различий в мировоззрении и ориентациях людей, что не влечет за собой ни апологии, ни осуждения какой-либо нации или этнической группы в свете последних событий нарастания террористической активности в мире. Это означает, что понимание причин и сдерживание терроризма не может быть достигнуто посредством «демонизации» или очернения конкретных индивидов и групп. «До тех пор пока мы не поймем перспективы на будущее различных культур на земном шаре, мы как человеческие

существа и как сообщества будем ограничены в своих способностях жить успешно. Мир, наши общие цели смогут одержать победу только через углубленное психологическое понимание тех сложностей, в которых человеческие существа, побуждаемые и характеризующиеся различными мотивациями, установками и восприятиями, придут к одобрению и предпочтению одних форм поведения над другими» (Moghaddam, Marsella, 2004, p. 3).

Все культуры имеют свою теорию поведения (даже если они имплицитны) и представления о связях между поведением и мировоззрением, картиной мира, в котором они живут. Эта картина мира (сконструированный мир) одновременно и формируется, и поддерживается посредством процесса социализации, который объединяет людей во взаимосвязанных институциональных образованиях (сообществах, организациях, учреждениях), включающих семью, школу, а также различные политико-экономические и религиозные образования. В конечном счете именно через изменения в этой институциональной матрице сама человеческая психика может изменяться и структурироваться в направлении более широких и менее этноцентричных взглядов на реальность окружающего мира.

То, что сегодня поставлено на карту в связи с процессом глобализации, для многих наций, государств и социально-культурных групп — *это культурная идентичность, смысл существования, сохранение статуса в мировом социуме, благополучие и выживание*. Проблема выживания стала «ключевым аргументом», оправдывающим непосредственные действия даже тогда, когда создаются новые прецеденты в международных отношениях, дипломатии и способах ведения войны.

Правительства ряда стран (США, Великобритании, Израиля) считают, что терроризм можно победить посредством проявления бдительности, жестких контртеррористических мер и путем уничтожения террористических ресурсов. Однако эти меры сами по себе никогда не смогут оказаться достаточными, чтобы остановить «поток терроризма», который проистекает из человеческой неудовлетворенности и возмущения существующим неравенством и безразличием, из широко распространенных убеждений о том, что насилие — это приемлемое средство подавления и нанесения ущерба (применение принципа «Цель оправдывает средства»). Социальные изменения, вызываемые во всем мире глобализацией по западному образцу, ведут к возникновению серьезных угроз и проблем для многих стран и народов «незападной цивилизации». Эти проблемы игнорируются западными странами в их

стремлении получить «сиюминутные» временные выгоды для себя. Возникающие гнев и раздражение направляются против «вестернизации» с акцентом на потребление и расточительство, эксплуатацию и достижение прибыли любой ценой.

Западная ценностно-цивилизационная парадигма существования делает акцент на индивидуализме, прагматизме, потребительстве, конкуренции и поэтому находится в конфликте с традиционными культурными ценностями коллективистических культур, для которых главными являются коллективизм, духовность, стабильность, иерархия фиксированных ролей и сотрудничество.

Терроризм можно сдерживать, но его невозможно победить до тех пор, пока существуют реальные факторы, несущие угрозу справедливости, которые питают ненависть, жажду мести и способствуют их широкому распространению. В борьбе с терроризмом возможны военные успехи, но неизбежно наступает момент, когда необходимо понять сильные и слабые стороны человеческой психики и культурной среды, в которой они формируются и поддерживаются.

Следует отметить, что до последнего десятилетия проблема терроризма исследовалась, прежде всего историками, социологами и политологами, а социальные психологи этой проблеме уделяли меньшее внимание. Однако начиная с 1990-х годов в мировой исследовательской практике наблюдается резкая активизация именно социально-психологических исследований по данной проблеме. В целом в психологической науке указанная проблема изучается в рамках таких направлений, как психология конфликта, политическая психология и психология межгрупповых отношений.

В данной работе, посвященной в первую очередь анализу социально-психологических аспектов терроризма, нет необходимости вдаваться в подробный обзор исторической динамики этого феномена. Заинтересованный читатель может обратиться к многочисленным источникам, «покрывающим» все аспекты проявления этого феномена в истории человеческой цивилизации. Социально-психологический анализ проблемы терроризма в мировой исследовательской практике, прежде всего, проблем мотивации и причин возникновения терроризма в современном мире, которые в содержательном плане дают возможность размышлять о путях и способах противодействия этой «чуме третьего тысячелетия», представляется и оправданным, и актуальным.

РАЗДЕЛ I

Основания и истоки терроризма: историческая динамика и эволюция представлений

ГЛАВА 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ТЕРРОРИЗМА: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ, ФЕНОМЕН ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ

Когда произносится слово «терроризм», у разных категорий людей возникают свои индивидуальные представления о содержании и понимании этого социально-политического, этно-религиозного и индивидуально-психологического феномена. Определенные и далеко не всегда совпадающие представления о нем сложились у политологов, историков, юристов, социологов и социальных психологов. Можно говорить и об обыденных представлениях о терроризме, которые преобладают у населения конкретных стран. Это свидетельствует о том, что феномен терроризма имеет системные, многоуровневые корни (Кива, Федоров, 2003; Лунев, 2004; Виктук, 1993; Паин, 2002; Blumberg, 2002 и др.).

Основная цель данной главы — обозначить на отдельных исторических примерах сущность данного феномена, его истоки и — главное — социально-политический и социокультурный контекст .

В научной литературе по проблемам терроризма ведутся споры о том, когда данный феномен возник в истории человеческой цивилизации. По этому вопросу существуют две крайние позиции. Первая позиция: возникновение этого явления как инструмента идейно-политической борьбы конкретных групп людей за власть, выживание и сохранение своей этно-культурной самобытности с периода возникновения цивилизации. Вторая крайняя позиция: феномен терроризма фактически возникает как идейно-политический и этнокультурный компонент социально-группового сопротивления в начале XIX в. Наиболее четко обе эти точки зрения отражены в работах известного отечественного специалиста по истории терроризма О.В. Будницкого (Будницкий, 2000, 2004).

По данным О.В. Будницкого, одни историки и политологи приравнивают к терроризму любое политическое убийство и находят корни терроризма в античных временах и даже раньше (Laquer, 1979);

другие ученые относят феномен терроризма к концу XIX в. (Alexander, Maxwell, 1979; Чаликова, 1989.); третьи — возводят терроризм к специфической исламской традиции XI–XII вв.; четвертые — связывают происхождение современного терроризма с эпохой постнаполеоновской Реформации.

«Нам представляется справедливым, — отмечает Будницкий, — мнение историков, относящих возникновение явления, именуемого терроризмом, к последней трети XIX века... Возникновение революционного терроризма современники событий относят к рубежу 70–80-х годов девятнадцатого века, справедливо усмотрев в нем явление новое и не имеющее аналогов. Разумеется, политические убийства практиковались в Европе и ранее... Однако говорить о соединении идеологии, организации и действия — причем носящем публичный характер — мы можем говорить лишь применительно к последней трети XIX века. В это время террор становится системой действий революционных организаций в нескольких странах, найдя свое классическое воплощение в борьбе «Народной воли» (хотя сами народовольцы не рассматривали свою организацию как исключительно или даже преимущественно террористическую» (там же, 2004, с. 7).

В целом, склоняясь к позиции О.В. Будницкого, по-видимому, следует признать, что идейные истоки современного терроризма, по крайней мере, в ряде типичных исторических примеров, можно найти и в древние времена (см., например: Marsella, 2004).

В этой связи сразу определимся с основными исходными положениями анализа. Мы будем отталкиваться:

- во-первых, от концепции исторического сознания народов и групп о «справедливом» государственном устройстве и функционировании социума;
- во-вторых, от понимания терроризма как «двустороннего» феномена, т.е. государственного терроризма властных структур для сохранения своих властных полномочий, с одной стороны, и, с другой — «терроризма низов», не согласных с политикой властных структур;
- в-третьих, от проблемы сохранения социокультурной идентичности группового образования как внутри государственного устройства, так и в условиях межгруппового социокультурного развития;
- в-четвертых, от понимания терроризма как противоправного или экстремального использования насилия против мирного

населения для достижения своих политических целей (Laqueur, 1987);

- в-пятых, от важности социально-психологических условий и детерминант, обуславливающих функционирование этого геополитического феномена.

1.1. ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Терроризм с древних времен до Второй мировой войны. В исторической ретроспективе группа людей, которая однозначно с современных позиций рассматривается как террористическая, — это зилоты первого века от рождения Христа в Иудее. Они противостояли римскому владычеству и стремились освободиться от него. Отдельные зилоты-экстремисты убивали римлян и иудеев, сотрудничавших с римской властью. Цель их сопротивления состояла в том, чтобы «катализировать» сопротивление среди гражданского населения и повлиять на освобождение от римского владычества в долговременной перспективе. Что превращало эти убийства в акты террора и в инструмент социального влияния — это выбор места их совершения: публичные места с большим скоплением людей. В отсутствие средств массовой информации в те времена единственно правильный путь быстрого оповещения о шокирующем акте насилия состоял в том, чтобы совершить его в массовых публичных местах. Зилоты понимали, что их акты насилия никогда не окажут какого-либо разрушительного влияния, не станут военным потрясением для оккупационных властей Рима. Но они надеялись, что эти акты, тем не менее, смогут привести к желаемым политическим изменениям. Кроме этого, террористы обычно стремились оказать влияние не только на непосредственных «зрителей» совершения террористического акта. Насилие зилотов выступало как средство для «сообщения» определенного послания конкретной целевой аудитории — римской власти, прямым и потенциальным еврейским коллаборационистам и другим евреям — о возможности освобождения от имперского ярма (Gerwer, Hubbard, 2007).

Для римлян это было выражением целенаправленного сопротивления и отказа от повиновения; для реальных и потенциальных коллаборационистов — угрожающим предупреждением; для рядовых евреев — приглашением к объединению и сплочению, чтобы совершить священный акт восстания.

Исторический пример террористической активности зилотов во многих аспектах может выступать прототипом современного терроризма и террористов:

- по своему содержанию — это форма экстремального насилия;
- с точки зрения инструментальной, это способ идейно-политической борьбы в условиях противостояния государства и «населения», отдельных социокультурных групп государства;
- по целям — направленность борьбы на достижение независимости, сохранение и защиту своей социокультурной идентичности и/или справедливого государственного устройства;
- по информационному аспекту это устрашающий инструмент «убеждающей коммуникации»;
- по отношению к психологии субъектов террористической деятельности это либо борцы за свободу, либо преступники, подрывающие устои государства (т.е. понимание терроризма содержит в себе неустрашимый элемент идейно-нравственной оценки явления).

Другой исторический аналог современного терроризма и террористов прослеживается в деятельности «Народной воли» в царской России в последней четверти XIX в. (подробнее см.: Будницкий, 2000). «Народная воля» объединяла часть анархистов, которые следовали по стопам известных анархистов-революционеров, таких, как Михаил Бакунин и Сергей Нечаев. В то время как многие социалисты и анархисты верили в «мирное» революционное изменение, Бакунин и те, кто за ним следовал, считали, что насилие является ключевым элементом начала мощной волны политического хаоса, который расшатывает устои государственного управления.

Как справедливо отмечает О.В. Будницкий, «...в переходе народников от пропаганды к террору в конце 1870-х годов решающую роль... сыграли факторы не логического, а скорее психологического порядка. Настроение революционеров, отчаявшихся вызвать какое-либо движение в народе, толкало их к более решительным действиям... Народовольцы, признавшись в безрезультатности пропаганды в крестьянстве, стыдливо объявили террор одним из пунктов своей программы» (Будницкий, 2004, с. 15–16).

Народовольцы совершили ряд громких политических убийств, включая убийство царя Александра II, которые произвели колоссальный психологический эффект как на широкие массы населения, так и на государственные структуры, что и являлось их объективной целью. Цареубийство 1 марта 1881 г. стало не только поворотным моментом в истории терроризма в России, но и колоссальным сдвигом в со-

знании лидеров и членов многих террористических групп в Европе и других регионах мира с точки зрения подтверждения «эффективности» терроризма как инструмента идейно-политической борьбы.

Цареубийство «...доказало, что хорошо организованная группа обыкновенных людей может достичь поставленной цели, какой бы невероятной она ни казалась. Убить «помазанника Божия» в центре столицы, объявив ему заранее приговор! И вся мощь великой империи оказалась бессильной перед «злой волей» этих людей. Сообщения газет о раздробленных ногах божества сделали для подрыва «обаяния» правительственной силы больше, чем тысячи пропагандистских листов, вместе взятых» (там же, с. 16).

Террористическая идея надолго стала господствующей в умах и душах русских революционеров, а также приобрела привлекательность с психологической точки зрения для террористов в других странах мира. Идея революционного насилия, попав на благоприятную почву нищеты и озлобленности, воплотилась в наиболее жестокие и безнравственные формы, привела к народжению «нового типа революционера». Произошло «освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек» (Струве, 1911, с. 516). На смену «разборчивым убийцам» пришли люди, стреляющие без особых раздумий — и не обязательно в министров и карателей, а в тех, кто подвернулся под руку и не вовремя (Камю, 1990, с. 249).

«Жизнеспособность» терроризма в России объяснялась не только тем, что он оказывался временами единственным возможным средством борьбы революционной интеллигенции за осуществление своих целей. Терроризм оказался наиболее эффективным средством борьбы при ограниченности сил и средств. Катастрофические события 1917 г. продемонстрировали возможность очень быстрого распространения насилия при благоприятных обстоятельствах. «Государственный террор, унесший в 1917 году миллионы жизней, — отмечает О. Будницкий, — имеет генетическую связь с террором дореволюционным — как лево- и правозкстремистским, так и правительственным. И если мы хотим понять, каким образом политические убийства государством своих граждан стали нормой на десятилетия, необходимо обратиться к идейным истокам политического экстремизма в истории России» (Будницкий, 2004, с. 17).

Специалисты, занимающиеся проблемой насилия как способа коммуникации (см., например: Schmid, de-Graf, 1982; Schmid, Jongman, Stohl, 1988 и др.), отмечают, что маргинальные группы, стремящиеся к ускорению политических изменений, с появлением средств массовой

коммуникации получили новые возможности для совершения актов «экспрессивного насилия». В этом «коммуникационном акте» крайняя жестокость и немедленные последствия являлись непосредственным инструментом для достижения цели. В случае терроризма цель — это всегда экстремальная форма социального влияния: радикальное изменение установок и поведения социальных объектов, на которых направлено это влияние. Исторические примеры зилотов и «Народной воли» являются хорошими иллюстрациями того, что терроризм является выразительным компонентом «экспрессивного насилия», превращающим его в акты «убеждающей коммуникации» или «пропаганды действием».

Антиколониальный и международный терроризм: с окончания Второй мировой войны до 1980-х годов. Терроризм стал обычным явлением на десятилетия после Второй мировой войны. Главными силами и процессами, обусловившими эту эволюцию, явились холодная война, антиколониализм и интенсивное развитие средств массовой информации, особенно телевидения.

В результате холодной войны открытой конфронтации между супердержавами восточного и западного блоков удалось избежать по простой причине — необходимости предотвращения прямого столкновения, которое могло превратиться в глобальный ядерный конфликт. Это привело к росту замещающих кровавых конфликтов на всем земном шаре с массивными потоками материальных и военных ресурсов. Кроме насаждения, поддержки и вооружения авторитарных деспотических режимов, способных осуществлять государственный террор (например, поддержка Соединенными Штатами шаха Ирана и других деспотических режимов на Ближнем и Дальнем Востоке), это привело также к возникновению мятежных вооруженных групп на территории Латинской Америки, Африки, Европы и Азии (например, «Красные бригады», «Фракция Красной армии» и др.*). Многие из этих групп стали использовать в своей борьбе весь спектр террористических действий, поскольку они стремились разрушить взаимоотношения существующих правительственных режимов со своими сторонниками среди широких слоев населения и в то же время создать свою базу социальной поддержки и подобие легитимности в глазах населения.

---

* Обзор и характеристика ряда подобных террористических движений в Европе и других регионах мира, описание их групповой психологической динамики см. в главе 6 настоящей монографии, а также другие источники (напр., Reich, 1998).

Будучи замещающими проводниками столкновения двух мировых сверхдержав, эти группы были способны генерировать волны международного шока и получать «политические дивиденды» психологического одобрения от простых людей как действенное средство постоянной поддержки.

Близко связанным с холодной войной было крушение колониальных империй и возникновение националистических групп, стремящихся прогнать иностранных хозяев из своих стран. В своих колониальных бастионах-анклавах в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и Юго-Восточной Азии империалистические государства внезапно обнаружили «беспокойное» и непокорное население. Для националистических, антиколониальных групп, стремящихся к восстановлению суверенности или достижению власти в своих собственных странах, назрело время радикальных перемен. Однако их ресурсы были ограничены, и обычная война против стран, победивших во Второй мировой войне, была бессмысленной. Отсюда обращение к терроризму как неадекватному, но единственному средству «слабого» против «сильного». По представлениям этих групп, террористические акты можно было использовать как эффективное средство, чтобы заставить колониальные державы переосмыслить цену колониального владычества и одновременно «бросить» объединяющую идею широким народным массам о поддержке их целей в освободительной борьбе.

Важным фактором роста террористической активности в послевоенный период вплоть до окончания холодной войны явилось бурное развитие средств массовой информации. Дело в том, что с развитием радио и телевидения в XX в. возникла возможность информировать большие массы населения очень быстро. Более того, побудительной силой, лежащей за фасадом массмедийного сообщества, являлся мотив наживы и прибыли и связанная с ним потребность «завоевать» и «удерживать» в фокусе своего внимания массовую аудиторию (см.: Грачев, 2004). По известной журналистской поговорке: «Плохие новости — это хорошие новости, хорошие новости — это плохие новости, а отсутствие новостей — это также плохие новости». Террористические акты — это эмоционально возбуждающие и определенно плохие новости, поэтому, говоря на журналистском жаргоне, — это «хорошее пастбище для продажи», для читателей, слушателей и выразителей различных точек зрения.

Важным примером терроризма в этот период была террористическая активность сионистских групп в Палестине. Как вспоминает

в своей автобиографии «Восстание» М. Бегин (Begin, 1972), сионистские группы, изучая опыт Великобритании в борьбе против ирландского сепаратизма, пришли к выводу, что кампания террора ослабит внутреннюю поддержку Британии, ее колониальному присутствию в Палестине. Более того, эти акты террора смогут одновременно побудить как еврейскую часть населения к образованию независимого еврейского государства, так и повергнутое в страх палестинское арабское население — к уходу с этих территорий. Сионистские группы правильно рассчитали, что кампания террора будет широко освещаться по британским СМИ, аудитория которых устала от продолжающегося конфликта в отдаленном форпосте своей империи и готова была от него избавиться как имеющего незначительную ценность для государства. Сионисты были убеждены, что общественное мнение Великобритании однозначно окажет давление на правительство, чтобы разрешить ситуацию в «нужном направлении». В итоге действительно британское правительство обратилось в ООН за вынесением окончательного решения, которое освободило бы его от возрастающих затрат на сохранение колониального контроля «...и тем самым стало повивальной бабкой гражданской войны, возникшей в Израиле» (Gerwer, Hubbard, 2007).

Другими примерами терроризма в поствоенное время являются боевые действия Алжирского фронта национального освобождения против французского колониального господства (1954–1962), борьба Вьет-Конга против вмешательства США во время Вьетнамской войны (1962–1975). В обоих случаях небольшие группы мятежников, бросающие гранаты в скопления военных и мирное население, стремились добиться наибольших человеческих жертв.

Целью этих террористических актов, по-видимому, было не нанесение какого-то осязаемого военного ущерба оккупационным властям. Скорее цена человеческих жизней, приносимых на «алтарь» террористической активности, была средством коммуникации для населения Франции и США, которое, в свою очередь, по представлениям террористов, будет оказывать нужное давление на своих лидеров и правительства.

Рост религиозного терроризма в период с 1980-х годов до настоящего времени. Светский терроризм — это форма насильственной коммуникации, направленная как на соответствующие сегменты населения, имеющего право голоса, так и на население противника в целом. Религиозный терроризм привлекает для обоснования своих деяний другую «аудиторию» — Бога. В этом случае террористическая актив-

ность рассматривается как священная, осуществляемая от имени религиозной преданности, призванная удовлетворить нормам религиозных законов или вызвать к жизни апокалиптические сценарии. Это существенно изменяет оценки терроризма: многие секуляризированные ограничения и критерии обоснования действий нерелигиозной «аудитории» теряют свое значение и фактически не принимаются во внимание. Они полностью замещаются доводами абсолютизма и «чистотой» религиозных догм. Как отмечают многие отечественные и зарубежные исследователи (см., например: Антонян, Белокуров, Боквинов, 2006; Hoffman, 1995 и др.), секулярные или националистические группы действуют преимущественно в рамках международной политической основы и стремятся изменить существующий порядок другим, более «справедливым» со своих идейно-политических позиций*. Поскольку их террористическая деятельность объективно рассчитана на секуляризованную, атеистическую аудиторию, нерелигиозный (светский) террор обуславливает необходимость в большей или меньшей степени придерживаться международных норм, связанных с пропорциональностью и допустимой оправданностью применения насилия. Однако эти нормы не действуют в случае религиозного террора. Победа в этом случае не измеряется в земных нормах и представлениях (политических, социальных или экономических), но может рассматриваться в телеологических понятиях и критериях, которые тяготеют к абсолютным, бескомпромиссным категориям и не являются предметом нормативных ограничений. Для религиозных террористов убийство, как священный акт, не является политическим актом. Вместе с тем религиозный терроризм включает в себя компонент социального воздействия и влияния, хотя цель политического и социального влияния редуцируется до простой дихотомии — объединяющего принципа или вдохновляющей идеи, а элемент религиозного изменения становится доминирующим: жертвенность на религиозной почве, апокалиптические состояния сознания.

Другими словами, риторика религиозного терроризма является бескомпромиссной и вызывающей рознь и разногласия, основанной на догматах веры и упрощенной в терминах «добра — зла». Для верующих или потенциальных религиозных сторонников религиозный терроризм — это возможность присоединиться к силам «добра», для

---

* Необходимо отметить, что на практике националистический терроризм зачастую трудно отделить от религиозного, так как первый обычно выступает под лозунгами последнего.

колеблющихся — это только конфронтация или молчаливое согласие и подчинение, поскольку компромисс невозможен.

В этой связи показательной является разница между двумя большими террористическими группами — Тамильскими тиграми освобождения (Шри-Ланка) и движением Хамас (Палестина). Первая группа, будучи изначально секулярным этнонационалистическим движением, стремилась к переговорам с правительством Шри-Ланки. Группа Хамас, будучи жестко религиозной и антисионистской, почти никогда не находила общих оснований для переговоров с израильским правительством. Эта группа, исходя из религиозных оснований, редко была способна или даже стремилась найти общий язык с израильскими властями.

Еще одним примером религиозного терроризма в настоящее время явилась деятельность террористической группы Аум-Сенрике (1989–1995), которая распространяла свою активность на территорию и России, и бывших республик Советского Союза. Эта японская террористическая организация осуществила убийства порядка ста человек и нанесла увечья тысячам людей с намерением начать священную войну с использованием химического, бактериологического и ядерного оружия, которая уничтожит миллионы. Их целью было возвестить людям о начале новой эры, включающей крах современной цивилизации и строительство с «чистого листа» нового «утопического» успешного общества. Однако японские власти энергично взялись за организацию противоборства этой религиозной террористической организации и получили поддержку тысяч простых людей, финансовую помощь бизнес-структур и средств массовой информации во многих регионах мира. Акты терроризма, осуществленные членами Аум-Сенрике, не ограничивались никакими социальными или идейными нормами, кроме «воли и одобрительной санкции» Бога (Lifton, 1999.)

Естественно, обсуждение религиозного терроризма не может упустить из вида деятельности организации Аль-Каида и ее сторонников. Чтобы понять поляризованную идеологию, язык и действия Аль-Каида, необходимо проанализировать пространные высказывания и полемику, «озвученные» бен Ладеном и его сообщниками, включая его «Декларацию джихада против Соединенных Штатов» (см., например: Atwan, 2006; Mohamedou, 2007; Rabasa, 2006).

Пример религиозного языка бен Ладена, взятый из его послания «Фетва» (bin Laden, 1998), иллюстрирует принципы религиозного терроризма, главным образом, для понимания того, что секуляризи-

рованная мировая аудитория и ее нормы не являются руководящими принципами и ориентациями для террористических действий:

«Право убивать американцев — гражданское население или военнослужащих — это личная обязанность для каждого мусульманина, способного это делать в любой стране, где это возможно делать. Мы с Божьей помощью призываем каждого мусульманина, верящего в Аллаха и стремящегося получить вознаграждение во исполнение Божьего миропорядка, убивать американцев и грабить их деньги там, где это возможно» (цит. по: Gerwer, Hubbard, 2007, p. 96).

Аль-Каида и ее сторонники используют «священное насилие» как инструмент социального влияния. Тем не менее, их «послание» миру является предельно жестким и сеющим распри и разногласия. Их деятельность исходит и базируется на основных принципах ислама, представители которого «принимают власть Ладена» и ее обоснование террористической деятельности. Население «враждебных стран» всегда будет объектом террористических атак, большинство из которых демонизированы или «обесценены», с точки зрения религиозной идеологии Аль-Каиды. Другая аудитория Аль-Каиды — священная — характеризуется теологией Аль-Каиды, имеющей право именно на такие дихотомичные мировоззренческие представления и неограниченные насильственные действия.

1.2. СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ КОЛЛЕКТИВНОГО НАСИЛИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Поскольку категория «насилие» является ключевой в понимании истоков терроризма, идентификация социальных условий, культурных детерминант и психологических процессов межгруппового взаимодействия, вносящих вклад в проявление коллективного насилия, представляется оправданной.

Общей социальной базой для возникновения массового насилия являются такие социальные условия в обществе, как тяжелые экономические проблемы, затяжные этнополитические конфликты, быстрые социально-культурные изменения или совокупность этих факторов. Они имеют колоссальное фрустрирующее психологическое воздействие: блокируют удовлетворение витальных базовых потребностей людей. Конфликты могут касаться материальных, объективных про-

тиворечий, как, например, в случае Палестино-Израильского конфликта, трудностей разделения территории и потребностей наличия жизненного пространства. Но более важно то, что эти противоречия неизбежно проявляются в психологии взаимодействия групп. Территория — это часть социокультурной идентичности группы. Это может быть история взаимного недоверия, «неприятия» и «обесценивания» и взаимного страха. Доминантные группы, сталкиваясь с требованиями подчиненных групп, защищают не только свои привилегии и права, но и свою безопасность, идентичность и свое мировоззрение, «правильность» порядка вещей. С точки зрения исторической практики, социальная позиция доминантных групп представляет «правильное» видение социального устройства общества. Основные различия между группами в обществе — во власти, в привилегиях — могут длительное время сохраняться без конфликтов и использования насилия. Однако, когда группы начинают осознавать и испытывать депривацию своих базовых потребностей и воспринимать ситуацию несправедливой, конфликт может превращаться в актуальный.

В настоящее время возможности коммуникации позволяют людям не только сравнивать себя с другими людьми, но и сопоставлять свои условия с другими образцами благополучия и хорошей жизни. Поэтому переживание своего угнетенного положения и беспомощности может приобретать доминирующий характер и становиться особенно интенсивным. Когда потребности людей в положительной идентичности, в индивидуальной и групповой эффективности и контроле блокируются, возникает состояние переживания несправедливости и формируется один из базовых социальных мотивов — стремление к справедливости, который детерминируется этими базовыми потребностями.

Одним из значимых «трудных условий жизни» в настоящее время являются быстрые и глубокие культурные изменения во всех сферах жизни людей в условиях глобализации. Эти изменения требуют основательной психологической адаптации. Традиционные общества, в которых свобода выражения или обмена мнениями граждан в западном смысле сильно ограничена, сталкиваются со специфическими трудностями, с которыми приходится справляться современному человеку во всех сферах жизни — в знаниях, технологиях, досуге и культурных традициях, которые проникают в эти общества, даже преодолевая установленные барьеры (Staub, 1996).

Индивидуальный интерес — другой побудительный фактор возникновения мотива справедливости. Сочетание интенсивной девальвации и угнетения какой-либо подчиненной группы в обществе и ее

вызов доминантной группе могут приводить к таким ответным действиям с ее стороны, которые вызывают деструкцию подчиненной группы. Массовые убийства и геноцид местного населения часто оказываются обусловлены стремлением приобрести территорию или расширить свои ресурсы на землях, где проживали эти группы (Hitchcock, Twedt, 1997). Личный интерес способствует проявлению насилия в межгрупповых отношениях.

С позиций социальной психологии можно выделить ряд психологических и социальных процессов, мотивирующих индивидов и группы к использованию насилия друг против друга. В идеальном варианте группы могли бы реагировать на провоцирующие условия совместными усилиями для улучшения условий жизни или пытались бы разрешать конфликты путем переговоров, идя на взаимные уступки. Однако возникающие групповые психологические и социальные процессы способствуют обострению противоречий и, в конечном счете, подталкивают группы к применению насилия.

Один из способов, к которому прибегают люди, чтобы справиться с трудными жизненными условиями или групповыми конфликтами, — это обращение за помощью и поддержкой к какой-либо другой группе для сохранения своей безопасности, идентичности и переосмысления реальностей изменяющегося или изменившегося мира. Это может быть своя этническая группа, нация, доминантная группа, частью которой они являются, какое-либо политическое, идеологическое движение или религиозная группа. Кроме того, люди могут защищать себя, укрепляя свою группу, расширяя ее ресурсы, отстаивая свои групповые ценности, идеалы и действия (Журавлев, Соснин, Красников, 2006; Tajfel, Turner, 1986). Они могут также поддерживать себя, нанося моральный или физический ущерб другим людям и группам.

Другим групповым психологическим процессом, который способствует индивидуальной и групповой защите и формированию психологической основы для оправдания насилия, является превращение другой группы и ее представителей в «козла отпущения» с тотальным приписыванием ей вины за возникновение жизненных проблем и трудностей или конфликта. Этот процесс дает группе возможность объяснить возникшие трудности жизни и, в конечном счете, сформировать образ врага, ответственного за все беды, по отношению к которому оправданно применение любого насилия.

Естественно, группа, превращенная в козла отпущения, может в той или иной степени быть ответственна за возникновение трудностей жизни, но в реальности обычно не в той абсолютной степени или

не в той форме, в которой ее обвиняют. Иногда эта группа в действительности может вообще не быть причиной возникшей жизненной ситуации и трудных жизненных условий. В этом отношении особенно показателен пример евреев, на которых нацисты возложили ответственность за поражение Германии в Первой мировой войне и подвергли геноциду в преддверии и во время Второй мировой войны. В наше время действие этого психологического механизма проявляется в тенденции тотального обвинения русских со стороны ряда других этнокультурных групп бывшего Советского Союза во всех бедах и трудностях, возникших после развала страны.

Однако это не означает, что действие этого социально-психологического механизма в возникновении группового насилия и терроризма не имеет объективной основы и целиком связано с «рационализированным» вариантом психологической защиты. Это видно на примере отношения к Соединенным Штатам Америки со стороны граждан многих арабских стран, которые считают американцев виновными в возникновении своих проблем и трудностей (подробнее см. главы 4–7 настоящей книги). Однако арабы являются не единственными, кто рассматривает современный терроризм против США как ответную реакцию на проводимую ими международную политику. Так, телефонный опрос 275 общественных деятелей высокого ранга в 24 странах мира, проведенный газетой *«International Herald Tribune»* совместно с одним из исследовательских центров спустя месяц после событий 11 сентября, показал следующие результаты. Около 76% опрошенных в исламских странах считают США ответственными за возникновение терроризма в мире. Такое же мнение об ответственности американцев высказали 36% опрошенных в Западной Европе и еще больше — в странах Азии, Латинской Америки и Восточной Европы — приблизительно по 50% (McCaeley, 2005).

Использование идеологий является еще одной групповой реакцией на провоцирующие условия жизни. У разных людей есть свои представления об идеальном социальном устройстве, о лучшей жизни либо для своей группы, либо для всего человечества: капиталистическая демократия, социализм-коммунизм или нацизм. Идеологические представления могут быть позитивными, однако те идеологические концепции, которые возникают как реакция на трудные условия жизни или групповые конфликты, зачастую носят деструктивный характер. В подобных идеологиях содержится тенденция идентификации врагов, которых необходимо победить, что, в конечном счете, означает их насильственное уничтожение, исходя из догматов идеологии.

В практике идеологического противоборства идеологии, по-видимому, как правило, включают возможность использования насилия. И идеологические представления обычно играют центральную роль в терроризме. В случае геноцида и массовых убийств идеологии зачастую имеют секулярный, светский характер.

Однако религия сама по себе также может рассматриваться как определенная идеология, как совокупность представлений для достижения лучшего мира через создание устройства и образа жизни, соответствующего нормам и предписаниям конкретной религии. Религия часто использовалась и используется как средство идентификации других как врагов, даже в тех случаях, когда идеологии сами по себе являются секулярными. Так, албанцы в Югославии и Боснии со своей националистической идеологией идентифицировали сербов как врагов. Очевидно, что бен Ладен и его сторонники выработали такую идеологию, в которой религия играет центральную роль. Аналогичные идеологические концепции используются террористическими группами и в России, в регионе Северного Кавказа, и на пограничных территориях. Однако, как и в случаях с секулярными идеологиями, социальные условия и возникающие из них потребности и мотивы являются важнейшими факторами, использующими религию для обоснования насилия и разрушения, включая и террористическую деятельность.

Механизм формирования образа внешнего врага в соответствии с социально-психологической динамикой развития конфликтных отношений приводит к экстремальности противостояния и враждебности групп друг к другу с использованием насилия и развития конфликта по деструктивному руслу (Соснин, 1979; Deutsch, 1969). Параллельно усиливается процесс «моральной экскатегоризации» — исключения враждебной группы из категории *homo sapiens*, т.е. из «морального пространства», в котором ценности и стандарты применяются для регуляции взаимоотношений. В конечном счете, происходит полное исключение моральных регуляторов: уничтожение врага любыми средствами превращается в доминирующий принцип, который начинает восприниматься как правильный, оправданный и моральный.

Аналогичная эволюция происходит и в террористических группах. Например, идеологические движения, которые со временем превращаются в террористические, и те, которые приходят к оправданию использования терроризма, могут «стартовать» как чисто идеологические. Террористическая группа Бадера—Мейнхоф в Германии может

служить ярким примером (подробнее см.: Reich, 1998). Один из ее лидеров, Ульрика Мейнхоф, начинала с участия в студенческих демонстрациях против размещения Соединенными Штатами ядерного оружия в Европе (Demaris, 1977). После формирования группы ее лидеры первоначально пытались использовать чисто политические акции. Однако, поняв, что их попытки изменить политические и социальные условия трудно осуществить, группа стала крайне радикализироваться и превращаться в террористическую организацию. Внутренняя динамика функционирования террористической группы способствует усилению радикализации. Для достижения определенного социального статуса она вынуждена прибегать к радикализации убеждений и использованию более экстремистских действий (McCauley, Segal, 1989). Поскольку группа все более и более прибегает к использованию насилия, в групповом сознании ее членов идеологические постулаты «сжимаются» до одной точки — нанесение ущерба врагу становится высшей и единственной целью. У членов группы может формироваться фанатическая приверженность достижению главной цели — реализации постулатов идеологии путем разрушения оппонента. Фанатизм, по существу, означает, что конкретная цель приобретает высшую ценность, которая требует тотального подчинения и привязанности, а все другие цели становятся второстепенными.

Террористы-самоубийцы являются экстремальным примером того, как сама жизнь ставится в подчинение «величественной» цели, доминирующей в головах преступников. Процесс жертвования жизнью ради высшей цели усиливается и «психологически облегчается» тогда, когда общество в целом начинает высоко ценить и идеализировать жертвенность ради высшей цели. Религиозные убеждения могут вносить свой вклад в формирование установки жертвенности жизнью, когда лицо, совершающее самоубийство в процессе нанесения ущерба врагу, подкрепляется убеждением в том, что оно получит награду на небесах. Мистические убеждения могут доходить до такой степени, что человек, совершающий самоубийство, уверен в том, что он останется живым и не умрет. Таким образом, убеждения и идеология психологически объединяются в единый симптомокомплекс, который формирует динамику функционирования как больших, так и малых групп, совершающих акты насилия.

Молодых палестинских террористов-самоубийц (как и многих их сверстников из ряда этнических групп в регионе Северного Кавказа), по-видимому, привлекала внушенная им идея освобождения своей этнокультурной группы и достижения лучшей жизни, идея оказания

поддержки своему более широкому культурному сообществу и даже своим семьям. После того как они принимают решение стать террористами-самоубийцами, они постоянно остаются в окружении других членов террористической группы, которые оказывают им психологическую поддержку и ограждают от внешних влияний, которые могли бы побудить их изменить принятое решение (подробнее о психологии террористов-самоубийц см. главу 6).

1.3. ФЕНОМЕН ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Терроризм в России имеет историческую традицию, проявившуюся в деятельности радикальных политических групп и движений царской России в XIX — начале XX в. (Будницкий, 2000, 2004); в межэтнических конфликтах, так называемых еврейских погромах (Кожин, 2001); в исторических формах этнорелигиозного экстремизма и терроризма на Северном Кавказе в ходе Кавказской войны и после ее завершения (Добаев, 2003), а также в практике государственного терроризма после 1917 г.

Естественно, проблему терроризма в современной России нельзя отделять от общих тенденций современного цивилизационного развития: от изменения глобальной геополитической социально-экономической ситуации в мире после поражения Восточного блока в противостоянии двух сверхдержав мира и распада Советского Союза, что, несомненно, дало мощный толчок к обострению межэтнических, этнорелигиозных противоречий и конфликтов во всех регионах мира, включая Россию.

Представляется оправданным обозначить и суммировать некоторые основные положения/параметры проблемы терроризма в современной России, опираясь на данные отечественных исследователей: социологов, историков, юристов, философов и отчасти социальных психологов, принимая во внимание особенности нашей страны (Виктюк, 1993; Кива, Федоров, 2003; Кудрявцев, Лунев, Петрищев, 2005; Лунев, 2004; Паин, 2002; Психологи о терроризме (круглый стол), 1995; Терроризм в современной России, 2001; Терроризм в современном мире, 2005; Антонян, 2006; Добаев, 2003 и др.).

Прежде всего необходимо отметить единодушие отечественных исследователей в вопросе о комплексном, междисциплинарном характере проблемы терроризма и о причинах его активизации в России.

«Причин террористической деятельности называется много: политические, идеологические, националистические, сепаратистские, этнические, религиозные, психологические, территориальные, географические, социальные, экономические и т.д.,— отмечает В.В. Лунев.— Многие из них могут порождать различные, нередко непримиримые, противоречия и конфликты в обществе, разрешение которых определенные лица, слои, группы, партии и даже целые народы видят только в насильственном переустройстве жизни и даже мира в целом... Главными детерминантами терроризма были и остаются социально-экономические причины, выраженные в представлениях значительных масс населения о величайшей социальной несправедливости собственного положения, на которую потом наслаиваются многие другие обстоятельства. Социально-экономические причины при этом окрашиваются в тот или иной политический, идеологический, национальный, религиозный или психологический «цвет», что еще больше усиливает террористическую направленность различных групп и слоев населения и его отдельных представителей» (Лунев, 2004, с. 3–4). С этим положением по существу соглашаются В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунев, В.Е. Петрищев, отмечая: «И все же главные причины роста экстремизма и терроризма на постсоветском пространстве имеют экономическую природу» (Кудрявцев, Лунев, Петрищев, 2005, с. 4).

Участники круглого стола «Терроризм в современной России: состояние и тенденции» (2001) выделили основные условия воспроизводства терроризма в современной России как общественно опасного явления, имеющего конфликтологическую природу и выражающего серьезные социальные противоречия. Был выделен ряд факторных блоков, способствующих воспроизводству терроризма в российском обществе.

Прежде всего, это социальный блок, в особенности его материальная составляющая — обнищание масс и передел собственности. Второй блок связан с Чечней, где был создан прецедент преступного квазигосударственного образования, ставшего рассадником терроризма в России. Следующий узел факторов — огромные масштабы незаконного оборота оружия в стране. Эти факторы, безусловно, расширяют возможности терроризма, провоцируют усиление террористической активности.

В этой связи показателен анализ проблемы чеченского терроризма, проведенный А.В. Кива и В.А. Федоровым (2003). Они отмечают, что чеченский терроризм нельзя считать феноменом национально-освободительной борьбы ни с юридической, ни с политической, ни

с какой-либо другой точки зрения. Во-первых, Чеченская республика не была ни колонией, ни полуколонией. Как и Татарстан или соседние Дагестан, Кабардино-Балкария и Северная Осетия, она была и остается субъектом Российской Федерации. Во-вторых, когда нелегитимный с юридической точки зрения «Общенациональный конгресс чеченского народа» объявил о суверенитете Чечни, это было не чем иным, как мятежом. В-третьих, установленный Дудаевым режим сразу же проявил себя как террористический. Сразу же последовало массовое насилие по отношению к русскому и нечеченскому населению. В результате из республики бежала большая часть 200-тысячного русского населения. В-четвертых, под влиянием политической конъюнктуры (президентские выборы 1996 г.) поспешно были заключены Хасавюртовские соглашения, и Чеченская республика стала независимой *de facto*, что не изменило ситуацию к лучшему, но, как показали последующие события, резко ее усугубило.

Кроме того, при оценке угроз для всего мирового сообщества, исходящих от терроризма и иных проявлений экстремизма различного идеологического толка, нельзя ограничиваться анализом только внутренних причин и так называемых «субъективных» факторов, целей и мотивации организаторов и исполнителей террористических акций внутри России. В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунев и В.Е. Петрищев отмечают: «Факторы, определяющие детерминационный комплекс международного терроризма и транснациональной преступности, в основном носят объективный характер и формируются под воздействием происходящих в мире процессов, в том числе — и далеко не в последнюю очередь — процессов глобализации» (Кудрявцев, Лунев, Петрищев, 2005, с. 5)*. Поэтому терроризм в современной России — это «...явление, касающееся не только внутригосударственных условий и процессов, но и отношений государства с внешним миром» (Терроризм в современной России: состояние и тенденции», 2001, с.10). «Трагические события, взорвавшие в 1999 году ситуацию на Северном Кавказе, последствия которых Россия переживает до сих пор, наглядно продемонстрировали объективную заинтересованность ряда государств дальнего и ближнего зарубежья в ослаблении нашей страны» (там же, с. 4).

Это хорошо иллюстрируется многочисленными попытками оказать давление на Россию в плане прекращения контртеррористических

* О социально-психологических аспектах глобализации и ее связи с проблемой терроризма см. главу 3.

операций на Северном Кавказе, активно муссировать проблему прав человека, а также имевшими место фактами ведения переговоров представителей властей Грузии, Латвии, Турции и других стран с лидерами террористов в самопровозглашенной Ичкерии.

На динамику современного терроризма в России большое влияние оказывает и религиозный фактор, поскольку террористическая деятельность ведется под знаменем ислама. Рост исламского радикализма в современном мире обусловлен рядом глобальных социополитических тенденций, о которых речь шла выше.

Особенность современного терроризма, с которым столкнулась Россия на Северном Кавказе,— это сращивание на основе радикального ислама религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого международными структурами. Поэтому, отмечает И.П. Добаев (2003, с. 16), разрешение проблем политико-институционального строительства в Северокавказском регионе, связанных с экспансией идеологии исламского экстремизма и террористической практикой ваххабитов и их зарубежных покровителей, требует доработки и развития политико-правовых принципов федерализма, а также концепции защиты национальных геополитических интересов России, в том числе и в области противодействия исламскому радикализму. Это противодействие заключается в использовании различных стратегий разрешения конфликтов, в локализации и устранении ключевых факторов, провоцирующих сепаратистские тенденции, а также в реализации системы мер по снижению уровня агрессивности собственно исламского радикализма.

Приведем насколько замечаний о специфике условий современного терроризма в России (Виктюк, 1993). Автор соглашается, что по основным характеристикам терроризм на землях бывшего СССР вполне вписывается в параметры, определяющие современный этап мирового развития этого феномена. Вместе с тем по некоторым принципиальным аспектам он не укладывается в рамки типовой модели в связи с тем, что разворачивается в период коренного поворота развития страны, отвергнутого в начале XX в. Этот процесс обусловил коренную ломку господствующих экономических структур, политических форм, идеологических установок, нравов, обычаев и традиций. Это вызвало острейшее столкновение социальных интересов различных социокультурных групп общества, усугубляемых тем, что они проходят непоследовательно и сумбурно. Поэтому, отмечает автор, «Социальные корни отечественного терроризма в принципе более глубоки и мощны, а его скрытые возможности значительно больше, чем на

Западе. В наших условиях неизбежны и незнакомые Западу жанры ... Процесс возвращения на столбовую дорогу цивилизации сопровождается у нас беспрецедентным распадом огромной империи» (Виктук, 1993, с. 47)*. Как следствие обостряющихся отношений между утверждающими свою государственность республиками и автономиями, а также между ними и федеральным центром на первое место выходит терроризм националистический, которому порой сопутствует терроризм религиозный.

В обстановке осуществления общественно-экономических преобразований и становления независимой государственности лозунги социальной справедливости используются националистическим терроризмом, поскольку все беды и трудности рассматриваются воинствующими сепаратистами как производные от национальной ущемленности. Некоторые особенности современного отечественного терроризма обусловлены геополитическими характеристиками СНГ и собственно России. Эти характеристики включают следующие параметры: огромные территории, многонациональность населения, неравномерности социально-экономического развития регионов, своеобразие исторического наследия, традиций и обычаев наций и народностей страны. Это означает, что в рамках одного политического образования — России — сосуществуют и переплетены все основные террористические направления, которые в иных странах существуют изолированно либо при приоритете одной тенденции и незначительности других разновидностей (Виктук, 1993, с. 48).

В целом отечественные исследователи терроризма выделяют несколько стратегических тенденций развития современного терроризма, в том числе в России (Авдеев, 2000):

- расширение социальной базы терроризма в изменившихся условиях (вовлечение разных слоев населения и формирование у них устойчивых политических устремлений тех или иных террористических организаций);
- превращение терроризма в долговременный фактор современной жизни;

---

* В этой связи автор отмечает «специфику» экономического терроризма в стране, находящую проявление в поджогах фермерских хозяйств, торговых киосков, нападений на предпринимателей и их убийств, противоправных трейдерских захватах собственности, за которыми в целом проступают социальная позиция, легко улавливаемые экономические и политические интересы.

- рост организованности и управляемости террористических формирований;
- создание сетевых блоков террористических организаций в рамках отдельных стран и мира в целом; смыкание терроризма и организованной преступности;
- усиление взаимосвязей между государственным, международным и внутренним терроризмом.

ГЛАВА 2

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КЛАССИФИКАЦИИ ФЕНОМЕНА ТЕРРОРИЗМА

События 11 сентября 2001 г. резко активизировали научную дискуссию о содержании терминов «терроризм» и «международный терроризм». Несмотря на многообразие точек зрения на содержательную природу этого явления и классификацию его разновидностей, в научном сообществе, как представляется, есть общий взгляд на **сущность** терроризма.

Главное — это противоправные насильственные действия для устрашения, подавления конкурентов, навязывания определенной линии поведения. Причем конечными целями могут быть социально-экономические, территориальные, идейно-политические, религиозно-этнические и даже глобальные цели, которые условно можно обозначить как цивилизационные (Соснин, 2005).

Вопрос о морально-нравственной оценке этого явления более противоречив, и это вполне понятно: все зависит от идейной, мировоззренческой позиции исследователя или принадлежности оценивающего к субъекту или объекту террористических действий. Так, взрыв машины с солдатами — для одной стороны это акт террора, для другой — акт «возмездия» агрессорам и оккупантам. Фактически террор как явление, по сути, не оценивается, это просто инструмент социально-политической борьбы. Оцениваются мотивы совершения террористического акта и его приемлемость, полезность для своих сторонников, «одобряемость своими» нормами и правилами. Именно это и является реальным объектом идейно-нравственной оценки (Ольшанский, 2002). Многие западные специалисты считают, что не действие само по себе, а именно интерпретация этого действия как акта терроризма позволяет назвать его исполнителя террористом (см. например: Nagte, 2004).

Прежде всего, необходимо зафиксировать именно этот идейно-ценностный и объективно неустрашимый аспект в анализе проблемы терроризма, который существенно влияет на его концептуальное определение как социально-политического и культурно-психологического явления. Это значит:

- 1) что объективность анализа будет заведомо односторонней, если он будет опираться только на идейно-мировоззренческую парадигму;
- 2) что проблема причин, психологических и идейных корней мотивации терроризма (и, следовательно, его определения) имеет системный характер.

В этой связи можно согласиться с призывом Эмиля Паина к тому, чтобы анализ природы терроризма шел в рамках концепции единого мира, в котором разные сегменты человечества «совместными усилиями» породили это зло и, следовательно, несут свою долю ответственности за него (Паин, 2002).

Попытки такого анализа действительно крайне редки. Более того, до настоящего времени в академических кругах превалирует тенденция анализа проблемы с позиции идейных ценностей западной цивилизации. Представляется, что такая позиция, какими бы она «общечеловеческими ценностями цивилизованного мира» ни оправдывалась, в конечном счете окажется, по меньшей мере, контрпродуктивной.

Тем не менее, проблема дефиниции и классификации видов терроризма в мировой исследовательской практике остается не до конца решенной, и перспектив ее решения в обозримом будущем (по крайней мере, на концептуально-теоретическом уровне) трудно ожидать. В академическом сообществе среди психологов, социологов и политологов, а также среди представителей юриспруденции и политиков по этому поводу ведутся дискуссии.

2.1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКА ОПИСАНИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ ТЕРРОРИЗМА

В данной главе, посвященной концептуальному определению феномена терроризма, представляется оправданным провести краткий концептуально-терминологический анализ основных близких понятий, описывающих проблематику терроризма. Его цель — провести сравнительный анализ содержания таких концептов, как *радикализм*, *экстремизм*, *фанатизм*, *шовинизм*, *фундаментализм*, в соотношении с категорией *терроризма*. Данный анализ не подразумевает проведение подробного теоретико-методологического обзора данной проблематики (это задача отдельной работы). Поэтому без особых ссылок на многочисленные источники, связанные с изучением данной проблемы,

рассмотрим основные содержательные представления этих концептов, приводя для подтверждения минимум аргументации.

Прежде всего, отметим, что давать определения экстремизма, «религиозного фундаментализма», «экстремизма на религиозных или национальных основаниях» и пр. можно в разных системах ценностей. Политологический подход, из которого вырастают и правовые формулировки, диктует один тип описания фундаментализма и экстремизма. В религиозной системе ценностей фундаментализм получает совершенно иное наполнение и описание, а существование религиозного экстремизма вообще может быть поставлено под сомнение. Например, то, что в соответствии с религиозным мироощущением воспринимается как миссия, в политологическом или правовом контексте может расцениваться как экстремизм, как некая экстравертная составляющая социальной активности религиозного сообщества.

Таким образом, конфликт интерпретаций порождается разностью ценностных подходов. При этом каждое сообщество (религиозное, этническое, правозащитное, корпоративное и пр.) транслирует в общество свое видение и понимание, формирует общественное мнение. Взаимоисключающие формулировки в законах и государственных актах возникают как результат деятельности (в том числе лоббистской) разных сообществ. Таким образом, правовые коллизии возникают именно из-за смешения подходов и систем координат. В этом случае проигравшей стороной оказывается государство и рядовые граждане, потому что законы есть, но они не работают.

В целом проблема экстремизма является феноменом, традиционно рассматриваемым в рамках психологии общения или более конкретно — в психологии конфликтного взаимодействия. Особую актуальность феномен экстремизма приобрел в настоящее время, для которого характерны *глубинные, парадигмальные* преобразования и быстрая динамика социально-исторических процессов (Соснин, 2007).

На индивидуально-психологическом уровне этот феномен в психологии личности обычно связывается с типологическими особенностями поведения авторитарной личности как мировоззренческой установкой и способом агрессивного взаимодействия с окружающим социальным миром. Эта установка опирается на принцип тотального использования авторитарным человеком социального окружения для реализации своих эгоистических интересов и выступает механизмом психологической защиты от комплекса неполноценности (Adorno, 1950 и др.).

Кроме этого, экстремистская форма взаимодействия в литературе по проблемам конфликтологии обычно рассматривается как сознательная тактика манипуляции для реализации субъектом опять же своих эгоистических интересов и целей с отношением к объекту взаимодействия как средству. В целом подобные тактики считаются деструктивными. С другой стороны, в конфликтологии разработаны способы эффективного противодействия им (Burton, 1990; Соснин, Лунев, 1996; Левицкий, Сондерс, Барри, Минтон, 2006 и др.). На групповом уровне экстремистские формы взаимодействия, хотя и реализуемые конкретными носителями групповых интересов, отражают идеологию этих групп и служат реализации групповых целей.

Признавая трудности концептуального определения, можно согласиться с дефиницией, приведенной в «Свободной энциклопедии» (<http://en.wikipedia.org/wiki/Extremism>): «**Экстремизм** — это термин, используемый для описания действий или идеологических представлений индивидов или групп, выходящих за пределы принятых в обществе правовых и этических норм... Этот термин традиционно используется для обозначения политических или социальных идеологий, считающихся *иррациональными, контрпродуктивными, несправедливыми или, по меньшей мере — неприемлемыми* в гражданском обществе, и имеет скрытое значение *незаконности* конкретных идей или методов. В политическом экстремизме он означает: 1) принятие и отстаивание политической позиции (идеи) без учета неприемлемости «отрицательных» воздействий на оппонентов с целью не просто противостоять, но уничтожить их; 2) нетерпимость к ценностным ориентациям других субъектов, имеющих противоположную позицию; 3) использование таких средств для достижения политических целей, которые игнорируют жизненные установки и права других людей.

В целом в экстремистском стиле поведения присутствуют три общих момента: стремление исказить реальность в угоду своим идеологическим представлениям; уходить в сторону от критического рассмотрения своих убеждений, используя ущербную логику рассуждений; стремление взаимодействовать, исходя из личного недоброжелательства к оппонентам и рационализации своих специфических интересов под предлогом общественного благополучия. Другими словами, экстремизм (*франц.* extremismisme, от *лат.* extremus — крайний) — это приверженность к крайним взглядам и действиям (обычно в политике) (<http://en.wikipedia.org/wiki/Extremism>). Пропаганда действием — установка современного экстремизма, согласно которой насильственные действия, направленные против социаль-

но-политических институтов и их представителей, революционизируют массы.

Можно согласиться с точкой зрения на экстремизм коллектива авторов (Фетискин, Кондрат, Миронова, Шепелева, 2007): «Существенным признаком экстремизма остается не экстраординарность (как заострение проблемы), не насилие или агрессия, но злой умысел. И здесь важно понять, что экстремизм характеризует не наличие насилия как такового (его применение бывает необходимо для целого ряда экстремальных ситуаций, например при самообороне), а *наличие его крайних, неоправданных форм*» (с. 8).

Близким понятием является концепция радикализма. Ее определяют следующим образом. **Радикализм** (от *лат. radix* — корень) — социально-политические идеи и действия, направленные на решительное изменение существующих институтов, заметно проявляющиеся в кризисные, переходные исторические периоды, когда возникает угроза существованию, традициям и укладу тех или иных слоев и групп. Радикализм политический (иногда церковный, религиозный или даже философский) есть принцип или направление. Этим термином обозначается стремление доводить политическое или иное мнение до его конечных логических и практических выводов, не мирясь ни какими компромиссами (<http://ru.wikipedia.org>).

Следующим близким понятием является концепт фундаментализма. **Фундаментализм** (от *лат. fundamentum* — основание) — общественное идеологическое, религиозное или политическое движение, провозглашающее приверженность исходным идеям, принципам, идеалам определенных учений или доктрин, выдвигающее требования преодоления появившихся в ходе их развития извращений, уклонов, ересей и «возвращения к истокам», возрождению ритуалов и обычаев. Фундаментализм близок к различного типа ортодоксии. Он возникает в условиях кризиса какого-либо движения и, как правило, противопоставит, в том числе насильственными средствами, процессу перемен, обновлению (модернизму).

Как развитие концепции фундаментализма следующей степенью выражения экстремизма является концепт фанатизма. **Фанатизм** (*греч. θανατισμος, лат. fanaticus, франц. fanatisme*) — слепое и пламенное следование убеждениям, особенно в области религиозно-философской, национальной или политической. Крайняя степень приверженности к каким-либо идеям, верованиям или воззрениям. Обычно он соединен с нетерпимостью к чужим взглядам и стремлениям (<http://ru.wikipedia.org>). С другой стороны, правовые коллизии возникают также по

причине недопонимания или недооценки природы религиозных явлений. Например, представляется ошибочной попытка сводить любое религиозное явление к социально-политическим факторам, т.е. исходить исключительно из позитивистских взглядов на религию. Исключив собственно религиозную мотивацию в религиозном фундаментализме или экстремизме, мы не сможем дать правильный диагноз этим религиозно-политическим явлениям (<http://www.religare.ru/print4037.htm>).

Еще одной категорией, описывающей проблематику идейно-политических и иных коллизий во взаимоотношениях социальных субъектов разного уровня, является концепт шовинизма. **Шовинизм** (*франц.* chauvinisme) — крайняя форма национализма, провозглашение национальной исключительности, противопоставление интересов одного этноса (или суперэтноса) интересам всех других этносов, распространение идей национального превосходства, национальной вражды и ненависти. Словом «шовинизм» принято обозначать разнообразные проявления националистического экстремизма. Другие проявления шовинизма — социал-шовинизм, великодержавный шовинизм (<http://ru.wikipedia.org>).

В настоящее время популярен термин «исламский фундаментализм» и близкий к нему концепт «исламский радикализм» — идеология, следуя которой мусульманам необходимо жить в соответствии с самыми ортодоксальными требованиями Корана и по законам Шариата (<http://ru.wikipedia.org>). Одним из современных определений исламского радикализма и экстремизма является дефиниция, предложенная И.П. Добаевым (Добаев, 2003). **«Исламский радикализм — это идеологическая доктрина и основанная на ней политическая практика, которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира "истинного ислама" по отношению к миру "неверных" вовне и миру "неистинной веры" внутри ислама и требуют абсолютного контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников»** (с. 13). Радикальное исламское движение, выступая частью более широкой тенденции политизации ислама и реисламизации мусульманских обществ, является реальным и существенным фактором современной политической жизни. Наибольшую опасность представляет его экстремистское крыло, деятельность которого стала одним из ключевых факторов, дестабилизирующих международную обстановку. «Исламский» экстремизм обладает мощным потенциалом, нацеленным на экспансию наиболее реакционных положений своих идеологических доктрин

и эскалацию политической практики насилия. «Идеологической базой и одновременно политической практикой радикального исламского движения, осуществляемого в самых разнообразных формах, "основным поставщиком и главным распространителем терроризма является радикальный ислам" (другие названия — исламский радикализм, или исламизм)» (с. 4).

На основании изложенного можно сделать некоторые обобщения.

Во-первых, вышеописанные категории используются для описания идеологических стратегий (в широком смысле), применяемых при реализации положений и доктрин конкретной идеологии.

Во-вторых, они выражают приверженность к крайним формам взаимодействия с оппонентами, которые, в конечном счете, нацелены на их идейное или физическое уничтожение, т.е. содержат возможность применения насилия.

В-третьих, в этой связи в своей политической практике эти стратегии, по крайней мере, потенциально являются противоправными.

И наконец, в-четвертых, в зависимости от их использования для описания различных сфер конфликтных взаимодействий, эти стратегии могут выражать различную степень «крайности», «жесткости». Но в целом в содержательном плане эти концепции и понятия могут использоваться (и используются) для характеристики взаимодействий в большей или меньшей мере синонимично, хотя, естественно, для разных сфер социальной действительности в научной и политической практике существуют определенные предпочтения при использовании тех или иных понятий. Представляется, что наиболее употребительными концептами в этом плане являются понятия «экстремизм», «радикализм» и «фундаментализм» с различными дополнительными определениями (идеологический, этнический, религиозный, исламский и т.д.).

Теперь вопрос о соотношении этих концептов с категорией терроризма. Понимание этого соотношения можно проследить на примере дифференциации понятий экстремизма и терроризма, проведенной коллективом авторов под руководством Н.П. Фетискина (2007). Для этого они сначала проанализировали соотношение понятий «экстремальность» и «экстремизм». Чтобы понять истоки экстремизма, отмечают авторы, необходимо осознать тот факт, что в самой природе человека заложено стремление к *экстремальности* как побудительному мотиву, принуждающему его к постоянному движению и развитию. Не случайно понятия «экстремизм» и «экстремальность» происходят

от одного корня — от *лат. extremum* — крайний. Оба эти понятия содержат значение интенсивности, напряженности, остроты. Но если экстремальность имеет природно-побудительный (стихийный) характер, то экстремизм всегда содержит личностное начало, а экстремистское поведение всегда отмечено своеволием и эгоцентризмом (Фетишкин и др., 2007, с. 7).

Экстремальность — это не всегда кризис или конфликт, это лишь заострение проблемы, акцентированность на новом, как правило, более значимом, более высоком. Например, творческие виды деятельности просто невозможны без экстремумов процесса развития. Иное дело экстремизм, который, обостряя ситуацию, доводит ее до крайности противоречий, в силу чего конструктивное разрешение проблемы или конфликта, как правило, становится невозможным. Таким образом, экстремистскими можно называть лишь такие действия, которые превышают необходимую степень воздействия на отдельную личность или социальный объект (обусловленную культурными, нравственными, правовыми и т.п. нормами), ибо при таком воздействии *невозможно не осознавать его отрицательных последствий (т.е. не быть злоумышленником)*. Всякое развитие изначально предполагает два возможных способа реализации: *экстремально-творческий*, направленный вглубь, и *экстремистский*, ориентированный на обострение крайностей разворачивающегося процесса, абсолютизирующий внешнюю сторону явлений, игнорирующий любые издержки и осуществляющийся без контроля нравственной регламентации.

Авторы дают следующую трактовку соотношения концепций экстремизма и терроризма, с которой в принципе можно согласиться: «Если экстремизм — крайность, то терроризм — крайность крайности, выступающая скорее как “логическое, но не обязательное развитие экстремизма”» (с. 9). **Другими словами, терроризм как стратегия конфликтного взаимодействия** — это крайняя степень проявления экстремизма (радикализма, фанатизма, фундаментализма) при разрешении конфликтных противоречий между социальными субъектами, доведенная до подчинения одной *сверхцели* — уничтожения противника любыми насильственными средствами для достижения победы в конфликте. Как из крайностей экстремальными берет начало экстремизм, так и из крайностей экстремизма (радикализма, фанатизма, фундаментализма) вырастает терроризм, который, в свою очередь, начинает принимать все более многообразные формы: от отдельных актов террора фанатиков-одиночек, группового и государственного терроризма до транснациональных мафиозно-террористических структур.

2.2. ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ТИПОЛОГИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА ТЕРРОРИЗМА

Следует признать, что задача концептуального определения феномена терроризма собственно психологами фактически не ставилась. Можно сослаться на работу Д.В. Ольшанского «Психология террора» (2002), в которой предприняты усилия по рассмотрению этой проблемы с позиций социологии. Психологические рассуждения автора на эту тему имеют описательный характер. Тем не менее, его размышления дают определенный стимул для дальнейшей разработки проблемы концептуализации данного феномена.

Он утверждает, что «наиболее часто возникает смысловая путаница, при которой смешивается разное содержание, вкладываемое в понятие «террор». Так, достаточно часто путаются террор как некоторая политика, осуществляемая насильственными методами (методы террора), и террор как результат, следствие такой политики... Наконец, террор как метод часто не различается с терроризмом как особым, целостным явлением, включающим не только отдельные методы... На самом деле все более или менее встает на свои места, если оттолкнуться от буквального, первичного, значения латинского слова «*terror*» — страх, ужас. В буквальном смысле, террор — это и есть ужас. Ужас же психологически иногда определяется как циркулярное (повторяющееся и нарастающее) переживание страха. Значит, террор — это такое повторяющееся и нарастающее переживание страха, которое приводит к ужасу... Террор складывается из террористических актов — отдельных слагаемых, звеньев, компонентов, способов и инструментов террора» (с. 15–16). С другой стороны, автор предлагает отдельно концептуально выделять терроризм для обозначения феномена в широком смысле: «Наконец, терроризм — это обобщенное понятие, обозначающее уже комплексное явление, включающее страх и ужас как цель определенных (террористических) актов и действий, сами акты и действия, их конкретные результаты и весь спектр более широких последствий» (с. 17).

О.В. Будницкий (2004) признает, что в литературе термины «террор» и «терроризм» используются для определения явлений разного порядка, схожих друг с другом в одном — применении насилия по отношению к определенным личностям, общественным группам и даже классам. В то же время, очевидно, что при внешней схожести применения понятия речь идет о явлениях разного порядка.

У. Лакер, один из известных современных исследователей терроризма (Laqueur, 1977), отмечает: тот факт, что не существует общей

научной теории терроризма, не должен никого сдерживать. Общая теория невозможна *a priori* потому, что этот феномен имеет много причин и проявлений. Он справедливо отмечает, что терроризм — это очень сложный феномен, по-разному проявляющийся в различных странах, в зависимости от культурных традиций, социальной структуры и многих других факторов, которые затрудняют попытки дать общее определение терроризма.

Некоторые отечественные исследователи придерживаются иного мнения. Так, В.В. Виктюк и С.А. Эфиров (Виктюк, Эфиров, 1987, с. 222–223) считают, что общая дефиниция терроризма возможна, и приводят в подтверждение своей позиции несколько доводов. Во-первых, необходимо разграничивать употребление термина «терроризм» в прямом и переносном смысле (т.е. публицистическое и научное употребление таких терминов, как «экономический терроризм», «информационный терроризм» и др.). Во-вторых, они настаивают на необходимости отграничения феномена терроризма от других форм и методов вооруженного насилия, которые могут не иметь террористического характера, В-третьих, они утверждают, что определение терроризма «должно быть принципиально полным», включающим и те признаки, которые объединяют его с другими формами насильственных действий, но главное, на чем делают акцент авторы: они должны включать те специфические признаки, которые отделяют террористическое насилие от нетеррористического. И наконец, в-четвертых, подчеркивается, что действия, составляющие специфику терроризма, в рамках других форм вооруженного насилия носят «частный или вспомогательный характер».

Опираясь на эти положения, авторы предлагают свою (довольно пространную) дефиницию терроризма (с. 224–227). Терроризм — это политическая практика, связанная с использованием и продвижением на первый план тех форм вооруженной борьбы, которые представляются как террористические акты. Террористические акты, которые ранее сводились к убийствам «отдельных высокопоставленных лиц», в современных условиях могут носить форму угона самолетов, захвата заложников, поджогов предприятий... Но объединяет их с терроризмом прежних времен то, что «главной угрозой со стороны террористов остается угроза жизни и безопасности людей». Террористические акты направлены также на нагнетание атмосферы страха в обществе, и, разумеется, они должны быть политически мотивированы. Однако следует заметить, что такое развернутое функциональное определение терроризма трудно признать универ-

сальным, хотя бы в силу того, что в его функциональность не включены факторы социокультурного порядка.

Проблеме определения терроризма (наряду с другими аспектами) уделялось внимание на круглом столе «Терроризм в современной России: состояние и тенденции» (2001). Дискуссию участников круглого стола по проблеме концептуального определения терроризма можно суммировать следующим образом.

Во-первых, они согласно констатировали, что существуют «...небольшие затруднения в понимании феномена терроризма как формы насилия». В XX в. трансформировалось само понятие терроризма. Насилие есть лишь средство, а цель — посредством насилия одних над другими, вплоть до уничтожения, устранить, психологически подавить, парализовать их волю, подчинить ее своим замыслам. Ныне стало ясно, что насилию многие подвергаются и с помощью средств массовой информации, способных навязать любые настроения, в том числе — всеобщий ужас, отчаяние, панику, растерянность.

Во-вторых, авторы признают, что рамки обсуждаемого предмета должны быть раздвинуты и конкретизированы, поскольку, безусловно, современный терроризм должен рассматриваться с учетом его социально-психологического и информационного аспекта. И одним из базовых критериев терроризма признается насилие. К числу главных признаков, по которым следует оценивать терроризм (и формулировать его концептуальное определение) в качестве социально-политического явления, необходимо относить его общественную опасность, нелегитимность и устрашение. Без этого признака, считают участники круглого стола, трудно дифференцировать террористические действия от прочих проявлений нелегитимного насилия.

В-третьих, на круглом столе прозвучала мысль, что, хотя для террористических действий и свойственно уничтожение того или иного субъекта или деятеля, оно важно не само по себе, а как воздействие на психику масс, состояние их духа. Поэтому при определении терроризма необходимо разводить эти аспекты и учитывать: **что в** том или ином насильственном действии выступает главным, доминирующим, приоритетным. И в зависимости от этого выявлять сущность явления и давать его концептуальное определение.

В отечественном законодательстве терроризм определяется (Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму») следующим образом:

«1) Терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами власти, органами местного самоуправле-

ния или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий;

2) террористическая деятельность — деятельность, включающая в себя:

- а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;
- б) подстрекательство к террористическому акту;
- в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участия в такой структуре;
- г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;
- д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;
- е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности;

3) террористический акт — совершение взрыва, поджога или иных действий, связанных с устрашением населения и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления экологической катастрофы или иных особо тяжких последствий в целях противоправного воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

Представители зарубежных общественных наук сформулировали множество определений терроризма (см., например: Miller, File, 2001; Whittaker, 2001). Они согласны с тем, что в принципе существует ряд проблем, связанных с определением терроризма: а) исторические изменения в самом определении феномена; б) в СМИ и у представителей различных государств нет согласия в использовании термина; в) множество определений, которыми пользуются представители различных ведомств даже внутри одной страны; г) противоречия в определении явления на международном уровне (Miller, File, 2001; Whittaker, 2001, p. 13).

Некоторые исследователи определяют терроризм как «современное обозначение (изменение названия), даваемое приемам ведения войны, намеренно ведущейся против цивилизованных сообществ

с целью разрушения их воли в поддержании своих лидеров или против проведения политики, которую адепты терроризма и насилия считают ошибочной» (Carr, 2002, p. 6).

ФБР определяет терроризм как «противозаконное применение силы, насилия против граждан, их собственности с целью запугивания, оказания давления на правительство, гражданское население или его отдельные сегменты в реализации своих политических, а также социальных целей» (Whittaker, 2001, p. 3).

В научном сообществе ведется дискуссия о чрезвычайной сложности определения феномена терроризма без рассмотрения культурного, социально-экономического и идейно-политического контекста, мотивов, целей и последствий террористических действий. Чисто юридический правовой подход к определению этого явления не помогает решить проблему, поскольку мотивы, намерения, проблемы идейного выбора, ответственности и реальные обстоятельства совершения террористических действий «участвуют» в понимании содержания феномена терроризма (Han, 1993).

Например, госдепартамент США определяет терроризм как «преднамеренное, политически мотивированное насилие, совершаемое против мирного населения и «нонкомбатантов» с использованием отдельных национальных групп или тайных агентов, как правило, с намерением повлиять на массовое сознание населения» (Reich, 1998, p. 262).

Термин «международный терроризм», как правило, означает «терроризм, вовлекающий граждан или определенную территорию, захватывающую больше чем одну страну». Термин «террористическая группа» означает любую группу, которая ведет террористическую деятельность или имеет соответствующие подгруппы, вовлеченные в международный терроризм (Marshella, 2004).

В целом, как свидетельствует анализ, многочисленные определения терроризма включают следующие составляющие:

- использование силы или насилия;
- индивидуальное или групповое совершение террористических актов;
- направленность на гражданское население;
- намеренное создание в обществе атмосферы страха;
- средство принуждения отдельных людей или групп изменить свои политические или социальные позиции.

Действительно, без учета конкретного исторического и культурного контекста все определения терроризма становятся предметом

дискуссии. Вот почему перспектива рассмотрения феномена терроризма с социально-психологической точки зрения становится столь важной: она ставит проблему терроризма и поведения людей в более широкий контекст человеческого существования.

Исследователи проблем терроризма продолжают детально обсуждать нюансы и трудности определения феномена. Они фактически приходят к констатации «невозможности создания универсального определения» (Whittaker, 2001; Reich, 1998). «По-видимому, дать некое всеобщее определение терроризма весьма затруднительно (если вообще возможно), хотя очевидно, что его неотъемлемыми чертами действительно являются угроза жизни и безопасности людей и политическая мотивировка применения насильственных действий. Терроризм — с одной стороны, явление универсальное, по крайней мере, для Европы и Северной Америки, начиная со второй половины XIX в. то обостряющееся, то исчезающее на десятилетия, с другой — возникновение и деятельность террористических организаций в разных странах были обусловлены конкретно-историческими причинами и имели весьма различные последствия» (Будницкий, 2004, с. 5).

Задача создания универсального определения осложняется еще и многообразием проявлений различных «моделей терроризма», среди которых выделяются:

- политический терроризм;
- сепаратистский терроризм;
- религиозный терроризм;
- патологический терроризм.

(см., например: Miller, File, 2001; Post, 2002a, 2002b; Reich, 1998).

В этой связи представители общественных дисциплин, в первую очередь психологи и социологи, предприняли значительные усилия для теоретико-методологического решения проблемы категоризации различных типов терроризма на основе критериев *мотивации* (например: религиозный, политический), *целей* (например: формирование атмосферы страха, разрушение) и *методов* (например: бомбы, оружие массового поражения, самоубийцы).

Основательная классификация типов терроризма была предложена американским социальным психологом Дж. Постом, одним из ведущих специалистов в этой области. Его классификация вызвала широкую дискуссию в научном сообществе (Post, 2002a, 2002b). *Политический терроризм* (феномен терроризма в целом он относит к явлениям политического порядка) он разделяет на три подтипа: *не-*

государственный терроризм (substate terrorism), осуществляемый группами, необязательно связанными с национальным правительством; *терроризм, поддерживаемый государством (state-supported terrorism)*, и собственно *государственный терроризм (state or regime terrorism)*, когда используются государственные ресурсы, такие, как полиция и армия, против собственных граждан.

Негосударственный терроризм включает множество самых различных террористических групп: а) левых социал-революционеров; б) правых борцов за справедливость; в) националистические сепаратистские группы; г) религиозные экстремистские группы и д) группы, борющиеся за решение отдельных проблем (например, запрещения абортов, экологии и т.п.).

Далее Дж. Пост разграничивает религиозные экстремистские группы на *фундаменталистские* (например, Аль-Каида) и *группы новых религий* (например, Аум-Сенрике). Кроме этого, он считает возможным различать все террористические группы по *способам осуществления террористических действий* и выделять *криминальный и патологический* виды терроризма.

Дискуссия, возникшая в научном сообществе в отношении классификационной схемы Дж. Поста, по-видимому, является наиболее яркой «презентацией» сложности и комплексности проблемы.

Прежде всего было отмечено, что в настоящее время политический и собственно криминальный виды терроризма пересекаются. Об этом свидетельствуют, например, ситуация в Колумбии, где сторонниками такого терроризма становятся революционеры и кокаиновые контрабандисты. То же самое происходит в Афганистане, где деньги, получаемые от продажи героина, используются для поддержки террористических групп, таких, как Аль-Каида (Marshella, 2004, p. 17). Такие же тенденции можно наблюдать и в других регионах мира, включая террористическую активность в нашей стране в регионе Северного Кавказа.

С другой стороны, было отмечено, что Дж. Пост игнорирует другой спектр проблемы терроризма, имея собственную этноцентрическую приверженность (американец).

Так, например, С. Монтейл и М. Анвар (Monteil, Anuar, 2002) утверждают, что существуют другие формы терроризма, включающие *глобальное структурное насилие* и «узаконенные» акты терроризма, осуществляемые США, что Соединенные Штаты несут ответственность за гегемонистскую глобализацию, которая равнозначна терроризму, поскольку она стремится увековечить глобальное доминирование этой страны над развивающимися странами, способствуя

сохранению материального неравенства, культурного доминирования и эксплуатации. Авторы утверждают, что США являются основным виновником *всеохватывающей* глобальной бедности населения развивающихся стран, которая порождает чувства безысходности и возмущения их населения, ведущие к терроризму. Более того, они считают, что США являются мировым спонсором терроризма, поскольку в свое время они поддерживали экстремистские группы в Южной, Центральной Америке и на Ближнем Востоке.

В свете таких примеров определение терроризма расширяется от представления его как «прямых актов насилия» до «политических действий, которые провоцируют или санкционируют насильственные формы поведения». Кроме того, исследователи отмечают, что мотивы совершения террористических действий различных групп, выделенных Дж. Постом, совпадают, поэтому могут существовать «комплексные мотивационные модели поведения» (Langholtz, 2002).

В целом исследователи согласны с тем, что реально *существует множество различных психологических моделей террористического поведения и необходимы дальнейшие усилия по уточнению и оценке имеющихся знаний в отношении этих моделей.*

Тем не менее, типология видов терроризма, предложенная Дж. Постом, может быть положена в основу классификации широкого спектра моделей терроризма.

Итак, террористические действия и их мотивы весьма многочисленны и разнообразны, они могут быть: а) связаны с разрушением социального и политического порядка (анархия); б) «санкционированы по воле Бога»; в) отмщением за притеснения; г) ориентированы на достижение экономических и финансовых целей; д) выражением защиты высших расовых или культурных ценностей и приоритетов; е) спонсируемы самим государством или ж) ориентированы на разрушение существующего политического и национального устройства государства (т.е. быть революционными и ориентированными на «освобождение»).

Исходя из краткого анализа проблемы концептуального определения «терроризма» и классификации его видов, представляется оправданным в исследовании данного феномена (не умаляя важности и значимости проблемы его определения и классификации) главный акцент сделать на анализе реальных проблем: мотивации и причин возникновения терроризма в современном мире, что дает возможность размышлять о путях и способах противодействия этой «чуме третьего тысячелетия».

ГЛАВА 3

СОЦИАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕРРОРИЗМА

3.1. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА КАК БАЗОВЫЙ ИСТОЧНИК ТЕРРОРИЗМА

Установлено, что одним из базовых источников терроризма является *психологическое состояние общества или его психолого-политическая нестабильность*.

С психологической точки зрения, объективные факторы, детерминирующие общественные процессы, находят свое социально-психологическое отражение в индивидуальном и групповом сознании в форме установок, стереотипов и доминирующих психологических состояний. Они и являются непосредственными мотивационными регуляторами поведения людей.

В условиях системных кризисных изменений в обществе возрастает психолого-политическая нестабильность. Для больших масс населения эта нестабильность выражается в потере жизненной перспективы, надежд, веры в будущее и смысла жизни, в чувстве отчаяния и анонии, осознании роста социальной несправедливости и психологической готовности к психическому заражению и внушаемости. Поэтому *психолого-политическая нестабильность общества является общей социально-психологической «питательной средой» для мотивации преступной деятельности вообще и терроризма в частности*.

Кроме этого, в многонациональных и поликонфессиональных обществах, к каковым принадлежит и Россия, *в условиях системных кризисов происходит смена идентификационных критериев при регуляции межгрупповых отношений*. На первое место в соответствии с социально-психологическими закономерностями начинает выдвигаться этнический или еще шире — социокультурный, религиозный

фактор. Этот фактор как наиболее древний в процессе филогенеза служит целям группового выживания.

Как действует этот социально-психологический механизм?

Когда появляется угроза существованию группы как субъекта межгруппового взаимодействия, на уровне психологического восприятия ситуации начинает преобладать идентификация по признаку крови, происхождения, религиозно-культурным основаниям.

Главное — начинает укрепляться тенденция к росту противостояния и напряженности по линии национально-этнических и религиозно-культурных различий. И именно эти параметры мотивации, как увидим ниже, являются теми факторами, которые «питают» современный международный терроризм.

3.2. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ, РЕЛЕВАНТНЫЕ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ФЕНОМЕНА ТЕРРОРИЗМА

Когда релевантность психологии в понимании терроризма подвергается анализу, появляется внушительное число работ, касающихся объяснительных концепций, которые лежат в основе природы человеческих взаимоотношений. Приведем их краткий обзор.

Психоанализ. В психоанализе разработан комплекс идей и концепций, представляющих интерес для понимания возможной мотивации терроризма (Лапланш, Поталис, 1996). Так, гипотеза З. Фрейда о том, что агрессия и насилие по отношению к властным структурам и символам власти представляет основную и примитивную часть человеческой психики, является интересной для понимания терроризма (Фрейд, 1998, 2006). Исходя из этой гипотезы, можно представить, что терроризм, по крайней мере, отчасти — это усилие по разрядке примитивных импульсов, направленных в сторону власти. Возможно, наиболее продуктивный вклад Фрейда в понимание терроризма заключается в его концепции защитных психологических механизмов. Здесь важно проанализировать: будут ли террористы стремиться использовать спектр таких эго-защитных механизмов, как «поиск козла отпущения», проекция, отвержение, рационализация и подавление, в своей повседневной жизни. Эти защитные механизмы могут «оформлять» и направлять действия террористов на различные группы как потенциальные цели террористических действий.

А. Адлер разработал концепцию существования у человека имманентно неотъемлемой импульсивной потребности — побуждения, направленного на достижение превосходства, которое может искажаться вследствие неправильного развития. Этот импульс-потребность может трансформироваться в стремление к достижению превосходства, используя силу, доминирование и контроль. Согласно Адлеру, стремление к превосходству возникает как ответ на чувство неполноценности (Адлер, 2002).

Таким образом, имеет смысл исследовать гипотезу: не являются ли атаки террористов ответом на осознание неполноценности, что затем ведет к стремлению достичь превосходства путем использования асоциальных или антисоциальных форм поведения, включая насилие, агрессию и терроризм.

Другую объясняющую концепцию выдвинул Э. Фромм о невозможности многих людей успешно справляться с ситуациями неопределенности и неуверенности в жизни, следствием этого является стремление к слепой приверженности к властным фигурам как средству, позволяющему чувствовать себя в безопасности. Это проявляется в абсолютной конформности и избегании самостоятельного принятия решений, что представляется таким людям психологически невыносимым. В свою очередь, конформность обеспечивает ясное чувство идентичности и осмысления жизни. Получая власть, человеку не нужно больше принимать на себя индивидуальную ответственность за свои действия.

Это положение Фромма может пролить свет на природу терроризма, патологий, которые могут возникнуть из-за отрицания и неудовлетворенности базовых человеческих потребностей в идентичности, стремлении к совершенству, привязанности к группе и укорененности (Fromm, 1973).

Бихевиоризм. Принципы модификации поведения, разработанные бихевиоризмом (Skinner, 1971, 1978; Ferster, Skinner, 1974; и др.), позволяют предполагать, что действия террористов зачастую являются формами поведения с малым уровнем риска и высокими прибылями (подкреплением). Ситуации, когда многочисленные акты террористов приводят к успеху и связаны с минимальным риском с точки зрения их выживания, не так уж малочисленны. Несмотря на то, что некоторые террористические акции могут быть неудачными, те, которые оказались успешными, обеспечивают достаточное подкрепление для проведения будущих террористических актов. Учитывая потенциал предсказания скиннеровского метода последовательного подкрепления

(например, коэффициент изменчивости), его можно в дальнейшем разрабатывать и использовать в исследованиях терроризма.

Большой вклад в понимание терроризма внес представитель социального бихевиоризма А. Бандура (1999, 2004). Его концепция моделирования реальности, имитации и стремления к самоэффективности, по-видимому, является релевантной для понимания терроризма.

При объяснении терроризма он привлекает концепцию внутренних санкций, которая играет центральную роль в регуляции бесчеловечного, жестокого поведения. В процессе социализации люди вырабатывают и адаптируют моральные стандарты и критерии поведения. После достижения личного контроля люди регулируют свои действия, опираясь на внутренние санкции, которые они применяют к себе самим. Они совершают поступки, которые дают им чувство самоудовлетворения, самоэффективности и собственной значимости. И они воздерживаются от таких форм поведения, которые нарушают их собственные моральные стандарты, поскольку такое поведение вызывает у них чувство самоосуждения.

Однако моральные стандарты не функционируют как жестко фиксированные внутренние регуляторы поведения. Внутренние регуляторные механизмы не действуют до тех пор, пока они не «активированы ситуацией». И существует множество психологических процессов, посредством которых контролирующие реакции могут «выключаться». *Селективная активация и «выключение» моральных внутренних санкций* допускает различные типы поведения при одних и тех же моральных стандартах.

Это выключение может корениться на изменении оценки пагубного, опасного поведения как героического посредством морального оправдания на основе социального сравнения; преступники могут минимизировать свою роль в нанесении вреда другим людям посредством распределения (диффузии) и замещения ответственности. Это «выключение» моральной регуляции может опираться на механизмы дегуманизации жертв терроризма и их обвинения за причиняемые им страдания. Таким образом, механизмы «морального выключения» — морального оправдания, социального сравнения «в свою пользу», замещения и распределения ответственности, приписывания вины, дегуманизации и др. (подробнее см.: Bandura, 1999, 2004) — могут привлекаться для объяснения террористических операций и мотивации терроризма.

Патопсихология. Одним из широко распространенных является положение, согласно которому индивиды, намеренно убивающие

других людей,— это социопаты, или патологические нарциссические личности. Их стремление использовать насилие безо всяких угрызений совести свидетельствует о вероятности наличия у них психических отклонений (см., например: Reich, 1998).

Однако важен тот факт, что террористические акты часто совершаются в ответ на высшие призывы от имени религии или под флагом освобождения. Террористический акт, прежде всего, является сознательным, намеренным действием, совершаемым при минимальном угрызении совести. Многие террористы могут отделять свои действия от разрушений, причиняемых этими действиями.

Психология личности. Специалисты проанализировали множество личностных конструктов, релевантных для понимания терроризма (Адорно и др., 2001; Гиппенрейтер, Фаликман, 2006; Леонгард, 1981; Frager, Fadiman, 2002 и др.). Такие личностные характеристики, как авторитаризм, фанатизм, моральное поведение, нетерпимость к неопределенности, включаются в анализ синдрома «истинного правоверного», стремящегося разрушить жизнь других людей. Возможно, что движущие силы быстрых социальных изменений связаны с проявлением пренебрежения и неуважения к традиционным способам жизни, нетерпимости к другим точкам зрения и представлениям. Именно иностранец, «чужой» рассматривается как угроза существованию устоявшейся картины мира. Возникает стремление слепо следовать за харизматическими лидерами, которые предлагают упрощенные, но внешне логичные ответы и быстро вызывают в сознании ведомых реакции, снижающие состояние стресса и неопределенности.

Социальная психология. В рамках социальной психологии осуществляется ряд исследований, раскрывающих сущность феномена терроризма, этноцентризма, дегуманизации, подчинения, предрассудков, групповой психологии, социальной идентичности, конформизма и враждебности по отношению к внешним группам (Бэрн, Бирн, Джексон, 2003; Журавлев, Соснин, Красников, 2006; Майерс, 2007; Налчаджян, 2000; Стефаненко, 2007; Триандис, 2007; Aaron, Reck, 1999 и др.).

Разрабатывается проблема понимания различных картин мира и жизненных стилей (кросскультурная психология), а также проблема разрешения противоречий и напряженности, возникающих в результате осознания различий в человеческом поведении. Проведены многочисленные исследования конформности, альтруизма, искажения восприятий и проблем доверительности. Такие темы, как психология общения, социального влияния и социального сравнения, также могут служить отправными точками для изучения терроризма.

Осуществлен всесторонний анализ феноменов зависти и ревности как мотивов поведения, особенно поведения в состоянии гнева и раздражения. Люди могут быть настолько поглощены завистью и ревностью, что прибегают к патологическим формам поведения. Ревность и зависть — это примитивные, основанные на потребности выживания эмоции. И в случае терроризма, возникающие ярость и негодование могут связываться с воспринимаемой борьбой за выживание. В этих случаях негодование достигает большой интенсивности, легко оправдывая преступное поведение в сознании террориста.

3.3. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА

Каждый индивид может иметь свои личные причины вступления в террористическую группу. И естественно, важно понимать эти причины. Однако в социально-психологическом анализе важно делать акцент на идентификации групповых факторов, способствующих возникновению террористических образований*. В этой связи есть смысл подробно остановиться на выделении важнейших социальных и политических структурных оснований, связанных с базовыми социальными потребностями людей, выступающими главными причинами возникновения феномена современного терроризма**.

Очевидно, первичным источником всех форм терроризма является конфликт. Он возникает тогда, когда двое или более субъектов (индивидов или групп) имеют взаимно исключающие цели (Соснин, 1979; Burton, 1990). Поэтому возникает вопрос — какие условия побуждают группу людей выбирать экстремальную тактику терроризма?

Психологи выделяют четыре категории мотивов и потребностей в качестве базовых оснований и структурных причин, способствующих возникновению терроризма (Burton, 1987).

Первая потребность — это потребность, которую Стауб (Staub, 2001) назвал «*трудные жизненные условия*», т.е. потребность в пище, в здоровье, в наличии «крыши над головой» для себя и семьи. Гигантский разрыв между имущими и неимущими людьми во многих странах

---

* Мотивация террористической активности на индивидуальном уровне рассмотрена в соответствующем разделе данной монографии.

** Это ограничение касается также и рассмотрения оснований криминальных и патологических форм терроризма.

и регионах мира может приводить к образованию и поддержке различных повстанческих и террористических групп. Люди, которые фактически не имеют материальных жизненных ресурсов (и, следовательно, почти ничего не могут потерять), становятся первыми кандидатами для вступления в экстремистские организации, если их членам обещают лучшие условия жизни после того, как имущие будут лишены власти.

Для многих мусульман, живущих в бедности, могут оказаться привлекательными идеи бен Ладена и Аль-Каиды, которые могут восприниматься в обыденном сознании как борцы против преуспевающих Соединенных Штатов и Запада в целом. А палестинцы из числа террористов-смертников могут находить оправдание еще и в том, что были соблазнены денежными вознаграждениями, обещанными их семьям после их смерти.

Вторая базовая потребность — это *потребность в безопасности*, неудовлетворение которой зачастую ведет к возникновению страха (Christie, 1997). Состояние страха может иметь реалистическую основу или быть преувеличенным. Преувеличенные страхи основаны на неадекватном восприятии опасности, т.е. на искажении реальности до такой степени, что она начинает видеться и детерминироваться самими страхами.

Хотя восприятие мнимой опасности может субъективно переживаться так же реально, как и объективная опасность, разграничение между ними становится исключительно важным, когда начинают анализироваться последствия. Как отметил один из известных исследователей проблемы терроризма Р. Уайт (White, 1984), реалистический страх — это «здоровый» страх. Реалистически обоснована опасность террористических атак для России со стороны террористических групп в регионе Северного Кавказа, как и для Соединенных Штатов со стороны террористической организации Аль-Каида. Этот вид страха может приводить к разработке реально обоснованных мер противодействия.

Чрезмерно преувеличенный страх, с другой стороны, по крайней мере частично, — это страх, основанный на искаженном восприятии, следовательно, он может приводить к неадекватным мерам противодействия. В частности, может иметь место такое экстремально-эмоциональное реагирование на потенциальный источник опасности, которое блокирует рациональный анализ ситуации. Это, в свою очередь, может запускать механизм формирования образа «коварного врага» или «козла отпущения». Преувеличенный страх может также

порождать эскалацию насилия как ответную реакцию на угрозу. И наконец, преувеличенный страх может приводить к ошибочному анализу реальных опасностей и, соответственно, к появлению неадекватных реакций на реальные угрозы.

Типичным примером в этом отношении могут служить Соединенные Штаты. Постоянная сосредоточенность американских властей на внутренней безопасности страны приводит их к ошибочному представлению о том, что они предпринимают все необходимые меры для предотвращения возможных катастрофических актов террора, они упускают из виду важность борьбы с первичными, базовыми причинами террористических угроз — как социально-экономическими, так и политическими (Wagner, Long, 2004).

Третья базовая социальная потребность — это *потребность в самореализации*, т.е. в способности принимать собственные, независимые решения в отношении своей жизни, в свободе и достижении счастья. Многочисленные повстанческие группы, стремящиеся либо к достижению политической власти, либо к автономии, как правило, наглядно иллюстрируют это основание возникновения терроризма (например, террористические группы Шри-Ланки, Чечни, Кашмира, соперничающие группировки в Анголе и других частях Южной Африки).

Потребность в самоопределении в своей основе — это проблема власти. Страх потерять власть, по-видимому, является одной из возможных причин государственного терроризма, т.е. использования властными структурами террористических тактик против собственного населения, чтобы удержать его в подчинении.

Четвертой базовой потребностью является *потребность в социальном признании и уважении*, т.е. в признании другими группами ценности социальной идентичности собственной группы, своего этнического, религиозного или культурного группового членства. Некоторые конфликты, основанные на потребности в социальном признании и уважении, имеют долгую историю. Например, конфликт в Северной Ирландии между католиками и протестантами продолжается более трехсот лет. Его суть — в попытках католиков вернуть или, по крайней мере, «сбросить» доминирование протестантов в политических и экономических структурах Северной Ирландии (Pick, 2001).

Однако осознание того, что потребность в уважении является критически важной социальной потребностью людей, по-видимому, начинает признаваться и политическими элитами, и исследователями

только в последние десятилетия XX в. (Darby, Gallagher, 1991). Возрастающая значимость потребности в социальной идентичности (или шире — социокультурной идентичности) народов на Ближнем Востоке, где национальные границы (Ирак, Израиль, Иордания, Ливан) исторически не совпадают с этническими географическими границами, установленными ранее кочевыми народами, по-видимому, связана с двумя социально-политическими факторами:

во-первых, с навязанной «законностью» национальных границ, установленных колониальными империями;

во-вторых, с изменением и затуханием (по крайней мере, видимым) соперничества между двумя сверхдержавами после развала Советского Союза в конце 1980-х годов.

Следствием действия этих факторов явилось то, что некие этнические группы, находящиеся в антагонистических отношениях с другими группами, произвольно размещенными в их границах, занимают доминирующее положение.

В результате ослабления заявленного противоборства между США и СССР обострились многие этнические разделения и антагонизмы, которые были скрыты под покровом конфликта между капитализмом и коммунизмом. Прекращение военной и политической поддержки диктаторским режимам, неразрывно связанным либо с западным, либо с восточным блоком, привело к возрастанию значимости ранее скрытой социокультурной идентичности многих народов. Например, многие бывшие «клиенты» США, такие, как шах Р. Пехлеви в Иране, потеряли однозначную и твердую поддержку. То же самое можно сказать и в отношении представителей советского блока. В частности, Югославия распалась на ряд этнических образований (Сербия, Хорватия, Словения, Македония и др.). Чехословакия разделилась на Чешскую Республику и Словакию. Наша страна болезненно переживает период отделения ряда бывших социалистических республик от России.

Происходящее перераспределение политической власти и возникновение новых групповых социальных идентичностей было невозможно в период конфронтации восточного и западного блоков. Однако в 1990-е годы была утрачена возможность поддерживать в состоянии искусственного «замораживания» потребность в признании и уважении социокультурной идентичности этнокультурных групп и народов.

Трудные жизненные условия, отсутствие безопасности, возможности самоопределения, а также девальвация традиционных ценностей социокультурной группы — все это в совокупности становится «со-

циокультурной основой», «проводником» для формирования экстремистской идеологии и мотивации действий, для возникновения феномена современного терроризма.

3.4. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В связи с нарастанием в современном мире процессов глобализации представляется оправданным проанализировать социально-психологические аспекты этого геополитического и экономического феномена в связи с мотивацией международного терроризма.

Глобализм и глобализация чаще всего понимаются как «объективный процесс прогрессивного развития» человеческой цивилизации вообще, растущая интеграция мира, создание единого экономического и информационного пространств. Причем подразумевается, что единственной доминирующей моделью интеграции является идейно-ценностная парадигма западной цивилизации. По сути, речь идет о формировании единого финансово-политического центра управления миром. Этот процесс в целом ориентирован: во-первых, на полную унификацию всех сторон жизни людей с тотальным контролем над ними через систему информационных технологий; во-вторых — и это особенно важно, — на целенаправленное ослабление и ограничение национального суверенитета и традиционного культурного уклада жизни отдельных стран. Хотя можно говорить и о других аспектах влияния глобализации на жизнь современных сообществ.

Признавая объективность интеграционных мировых процессов, оценивать их однозначно положительно, по меньшей мере, наивно. Сильные государства «золотого миллиарда» используют глобализацию как инструмент своего господства и «взламывания» всех охраняемых барьеров более слабых государств — финансово-экономических, территориальных, национально-культурных. Следствием глобализации является усиление конкуренции между представителями разных культур. Как справедливо отмечает М. Делягин, в условиях глобализации в современном мире возникает угроза глобальной стабильности. *Технологический разрыв между развитыми странами и остальным миром стал непреодолимым. Возникло понятие «конечных стран», навсегда утративших саму возможность приобщиться к современным технологиям и отодвинутых на периферию мирового развития. На повестку дня встал грозный вопрос глобального энергетического кризиса.*

Идет колоссальное обострение борьбы за нефть, газ, уголь, энергоресурсы. И в нее вовлечены все страны мира. С другой стороны, *глобализация стремительно приобретает характер конкуренции между цивилизациями*. Участники конкуренции отвергают друг друга не просто в силу различного отношения к вопросу о власти и экономической безопасности (хотя этот аспект и является одним из базовых источников этой конкуренции), а в силу различий в самом образе жизни (Делягин, 2003, 2004).

В 2001 г. президент Буш объявил «модернизацию» исламского мира и его «переустройство» одной из стратегических целей США в соответствии со шкалой ценностей и приоритетов западной цивилизации. Большинство людей, входящих в политические, экономические и религиозные элиты стран исламского мира, отдают себе отчет в том, что в этой глобальной конкуренции один из главных ударов будет наноситься по Исламу как его главной цементирующей духовной основе. Поэтому цивилизационная экспансия западного мира во главе с США для многих стран, не входящих в «золотой миллиард», и особенно стран исламского мира, с точки зрения восприятия ими ситуации в мире, оценивается *как аналог цивилизационного терроризма*. Таким образом, притязание группы государств на доминирование в мировом сообществе становится психологической почвой для возникновения ненависти и мести, особенно при соответствующем идеологическом и религиозно-фанатическом оформлении, а так называемый исламский терроризм — это лишь одна из форм проявления этих чувств.

Если говорить о ситуации в России как многонациональной стране, то она во многом сходна с ситуацией в странах исламского мира. Россия — страна с многовековыми традициями коллективистической культуры. Принципы коллективной взаимопомощи, следования нравственным нормам Православия, Корана, приоритета целого над частным заложены в архетипах всех основных коренных народов России. Поэтому «слом» традиционной национальной жизни, ориентация российской власти на «встраивание» в систему глобального западного сообщества с присущим ему приоритетом индивидуалистических ценностей вызывает у подавляющей массы населения нигилистические умонастроения. На этой основе возникают противоречия между этническими группами по признаку «крови», социально-культурным и религиозным основаниям, так как в кризисных ситуациях именно эти параметры выступают на первое место в межэтнических взаимодействиях. Соответственно, русский этнос как государствообразую-

ций становится основным «козлом отпущения» для других, ответственным, с их точки зрения, за все, что происходит в стране. Это питает сепаратистские настроения со стороны ряда этнокультурных групп, в том числе террористические тенденции внутри страны. Ситуация усугубляется тем, что и в составе русского этноса растет численность прослойки людей (особенно среди молодого поколения), убежденных в ущемленности русского народа, это проявляется в неадекватных реакциях части молодежи на экспансию этнической миграции, в росте ксенофобии и обострении противостояния по этническим признакам.

Известно, что вооруженные конфликты в мировом социуме возникают по нескольким традиционным причинам: во-первых, из-за борьбы за власть, территорию и ресурсы; во-вторых, ввиду отстаивания своих национально-культурных приоритетов, включая национальную и религиозную идентичность и государственность. Последние факторы по силе воздействия на консолидацию масс, наций и народов имеют первостепенное значение.

Специфика ситуации на современном этапе цивилизационного развития состоит в том, что большинство стран не способно вести военные действия традиционными способами. Арабские страны, да и большинство других стран с коллективистской идентификацией, не обладают адекватной военной организацией и не могут противостоять современному военному потенциалу западных государств. Вместе с тем многие страны арабского мира обладают большим экономическим потенциалом. Эта ситуация объективно толкает многих лидеров арабского мира на асимметричный ответ вызовам западной цивилизации. И международный терроризм является одним из таких экстремальных ответов.

Констатация необходимости совместных усилий цивилизованного мира в борьбе с терроризмом, «не имеющим своего лица и национальности», как представляется, декларативна. Очевидно, например, своеобразие исламского «фундаменталистского терроризма». Между тем «национальная окраска» этой разновидности терроризма не признается представителями евро-американской цивилизации. Пока еще не стал предметом анализа и осмысления основной идейный тезис исламских фундаменталистов — представление о том, что их борьба направлена против национальных и религиозных притеснений со стороны западного мира. И в этой борьбе они признают допустимым использование любых средств, включая и террористическую деятельность.

До настоящего времени в академических кругах России, Европы и Америки, в международных организациях и дипломатических ведомствах разрабатываются различные модели разрешения конфликтов. Причем эти модели предлагаются для обществ и государств, культура и традиции которых не только существенно отличаются, но и *вообще несовместимы* с культурой и традициями разработчиков. Неудивительно, что подобные «мирные инициативы» многими лидерами мусульманского мира воспринимаются как принуждение к следованию чужеродным моделям. Они могут выполняться (с внутренним сопротивлением) политическими элитами мусульманских стран, но не народами. Поэтому возникает ощущение, что, говоря о проблеме международного терроризма, **мы** пытаемся анализировать и ликвидировать ужасные следствия этого явления. А причины остаются за пределами нашего внимания. Более того, мы как бы не хотим их видеть.

В этой связи представляется оправданным формирование в научном сообществе в целом, и в психологическом в первую очередь, методологического социокультурного подхода (с учетом возможного столкновения цивилизаций) к анализу процесса глобализации и международного терроризма. Необходимо признать, что фанатичный исламский фундаментализм, культивирующий пренебрежение к смерти и нетерпимость к иноверцам, и исламский международный терроризм являются лишь фасадным проявлением этого столкновения (Решетников, 2004; Moghaddam, 2004; Ditzler, 2004).

На первый план в связи с этим выдвигаются следующие принципиальные вопросы: может ли *вообще* какой-либо народ смириться с негативной внешней оценкой своей культурной традиции и принять ее? И как «нецивилизованный», по западным меркам, народ-изгой будет реагировать на угрожающе-увещательные предложения отказать от своей национальной суверенности, амбиций, приверженности собственным идеалам, от своих представлений о чести и справедливости, достоинстве и возмездии?

Необходимо открыто признать, что уверенность в страстном желании «всего прогрессивного человечества» присоединиться к западным ценностям и европейской культуре — это миф и трагическое заблуждение. Специалисты в этой области все чаще говорят о необходимости учета национальных архетипов, специфики истории страны, особенностей национальных традиций и местных ритуалов (Решетников, 2004).

Там, где западный мир видит государство с современной экономикой и процветанием демократических свобод, рядовой исламский

террорист видит совсем другое: безбожие и разврат, непреодолимый контраст роскоши и нищеты, взяточничество и беззаконие. Именно эти пороки европейской секуляризованной цивилизации «эксплуатируются» фундаменталистами. А идейно-религиозное оформление экспансии этой «продажной цивилизации» лидерами и «кукловодами» террористической активности придает ей некий сакральный оттенок и составляет основу ее расширения.

Все сказанное ни в коей мере не означает попытки оправдания международного терроризма как борьбы за свои национальные интересы. Представленные рассуждения позволяют подойти к осмыслению проблемы международного терроризма с разных системных оснований.

Современная цивилизация должна преодолеть тенденции доминирования одной цивилизационной парадигмы над другой, иначе трудно ожидать каких-либо существенных сдвигов в усилиях мирового сообщества при решении проблем международного терроризма. По-видимому, следует признать, что чем интенсивнее развитие цивилизации будет двигаться в направлении однополярного мира, тем скорее евангельские предсказания об апокалипсисе превратятся в кошмарную ночь заката человеческой цивилизации. Этим определяется актуальная необходимость осмысления смены модели мирового развития и организации глобального межкультурного диалога.

ГЛАВА 4

ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА: ХРИСТИАНСКИЙ И ИСЛАМСКИЙ МИР, ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Тенденции глобализации мирового цивилизационного развития дают основания рассматривать проблему современного международного терроризма, прежде всего, в контексте развития взаимоотношений исламской и христианской цивилизаций — их геополитической динамики, анализа причин исламского религиозного возрождения и роста исламского фундаментализма и воинственности. Признавая основными причинами роста международной напряженности борьбу за доминирование в современном мире — за ресурсы, власть и, в конечном счете, за выживание, — столкновение двух цивилизационных парадигм: западной и восточной, христианской (особенно католической, протестантской) и исламской — становится важнейшим компонентом современного мирового развития и одним из оснований для понимания возникновения международного терроризма*.

Поэтому одной из главных тем в принципиальном разрешении проблемы международного терроризма становится *проблема взаимного понимания* — сложного и противоречивого процесса постижения друг друга, никогда не прекращавшегося между двумя культурами, что необходимо для реализации межкультурного диалога и выработки новой парадигмы существования. В современном христианском мире (как в католическо-протестантском, так и в православном) существует ряд широко распространенных ошибочных представлений и концепций в отношении ислама и исламской культуры, истории, традиций и форм жизни. Такое положение, учитывая доминирование западного мира, как уже отмечалось, приводит к разработке таких рекомендаций

---

* Для целей настоящего раздела мы оставляем в стороне, несомненно, важнейшую проблему «китайского геополитического синдрома» — проблему становления Китая как третьего центра мирового влияния.

и резолюций по разрешению конфликтов и проблем терроризма для исламских государств, которые находятся в вопиющем противоречии с их социокультурными ценностями.

Со времени возникновения в Аравии ислама и включения в исламскую цивилизацию некогда христианских стран Восточного и Южного Средиземноморья прошло почти 14 веков. С тех пор христианство и ислам сосуществуют как соседи, часто как соперники и иногда как враги. Ислам и христианство по сравнению с другими более древними культурами и культурами Азии и Африки являются близкими религиями с огромным общим наследием — общими иудейскими, римско-эллинистическими и ближневосточными предшественниками. И то, и другое вероисповедание считаются удостоенными высшего откровения Господня, и их приверженцы обязаны нести свою веру всему человечеству. Поэтому главными соперниками в этом плане они считают друг друга.

В истории их отношений «...было множество раздоров, начиная с ранних религиозных войн и крестовых походов... — и последующих приливов и отливов мусульманской империи в Европе и европейских империй в странах ислама. В долгой и, увы, не оконченной борьбе сходства разделяют две цивилизации куда больше, чем различия» (Луис, 2003, с. 7–8).

Цивилизация, прежде называвшаяся понятием «христианский мир», пережила реформацию и секуляризацию и стала называться в разных контекстах Европой, «свободным миром» или чаще всего Западом. Исламский мир, или «Дом ислама», как называют его мусульмане, сохраняет это имя как внутри своих границ, так и за их пределами, хотя внутри его и существуют региональные, национальные и иногда сектантские разделения.

Нами осуществлена попытка краткой, сжатой систематизации истории взаимоотношений христианской и мусульманской цивилизаций, мировоззренческих, духовно-религиозных аспектов исламской культуры, ряда заблуждений и стереотипов в отношении исламского мира и причин роста исламского фундаментализма и международного терроризма. При изложении материала использован ряд работ современных специалистов (психологов, социологов, культурологов, востоковедов) по данной проблеме.

4.1. ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МУСУЛЬМАНСКОМ МИРЕ В ХРИСТИАНСКИХ СТРАНАХ

В западных средствах массовой информации существует тенденция в искаженном свете представлять ценности жизни и поведение мусульман, касающиеся населения арабского мира и Ближнего Востока. Эти представления обусловлены фактами ошибочного восприятия или социокультурными стереотипами. Назовем наиболее типичные стереотипы (Abi-Nashem, 1992, 2004).

Все арабы являются мусульманами. Фактически не все арабы, а большинство из них являются мусульманами. Например, в регионе Ближнего Востока — в Израиле, Сирии, Ливане — живут друзы. Они в целом являются языческой социокультурной группой с сильными этническими и общинными связями. Хотя система убеждений друзов считается ответвлением ислама, она включает элементы иудаизма, христианства и восточной религиозной философии (мистики). Задолго до начала религиозных войн и миграций в регионе образовались большие еврейские общины, а христиане и евреи жили на арабском полуострове в течение веков до возникновения ислама. В настоящее время большая христианская община имеется в Египте, хотя христиане составляют меньшинство населения этой страны.

Соответственно, не все мусульмане по своей этнической принадлежности являются арабами. Больше всего мусульман живет в Индонезии. Иран, Пакистан и Турция — тоже мусульманские, но не арабские страны. Большие популяции населения в Африке, на юге и юго-востоке Азии (например, в Индии) и на территории бывшего Советского Союза являются мусульманскими, но в этническом и культурном отношении это отнюдь не арабы.

Все арабы — примитивные люди. К сожалению, большинство иностранцев разделяют эти ошибочные взгляды. «Первые впечатления и образы, которые возникают в сознании западного человека, когда он или она думает об арабах — это песок, пустыня, верблюды, нефтяные вышки, иррациональные толпы людей... и т.п.» (Hamady, 1960, p. 229). Это, конечно, стереотип. «Западный мир должен осознать, что игнорирование арабской культуры и истории не является “счастьем”, а наносит вред международным отношениям» (Hamada, 1990, p. 128). Это справедливо также и для установления экономических отношений и организации бизнеса в этом регионе.

Далеко не все арабские государства (в том числе на Ближнем Востоке) — это пустынные или богатые страны. Одни из них действительно

но являются богатыми и развитыми странами, в других идет борьба за выживание и развитие. Например, Ливан занимал лидирующее место в регионе в области образования, культурного развития, по доходам на душу населения, хотя это не пустынная страна, в которой нет запасов нефти. В течение десятилетий Ливан называли Швейцарией Ближнего Востока, но внутренние и региональные войны на его территории оставили такое представление о стране в прошлом. В настоящее время события на Ближнем Востоке позволяют утверждать, что мировые державы стремятся разрешить региональный конфликт за счет Ливана (*Abi-Hashem, 1999*). **В целом у арабов сложились разнообразные сообщества, варианты культур, уровней экономического развития и традиций** (*Abi-Hashem, 2004, p. 76*).

Все арабы — фанатики и террористы. К сожалению, для многих представителей западных и других неисламских сообществ слово «араб» зачастую ассоциируется с понятием «радикала», «нецивилизованного человека», «фанатика» или даже «террориста». Это ошибочное представление является результатом незнания (чаще — невежества) или предубеждений, распространяемых средствами массовой информации. Многие арабы, путешествующие на Запад, зачастую называют себя «жителями Ближнего Востока», чтобы избежать о себе стереотипного представления, особенно после событий 11 сентября 2001 г. В действительности, существуют разные типы исламских обществ:

а) *традиционные* состоят из простого, в основном сельского населения, которое образует миролюбивое сообщество с богатым культурным наследием (прошлым);

б) *секуляризированные* состоят в основном из образованных и ориентированных на ведение собственного дела (бизнеса) людей, живущих в открытых, прогрессивно ориентированных и структурно организованных сообществах;

в) *фундаменталистские* состоят из радикально настроенных людей, ревностно приверженных своим социополитическим и религиозным основам;

г) *умеренные* состоят из людей со сбалансированной системой взглядов (мировоззрением) и формами взаимодействия как на индивидуальном, так и на групповом уровнях;

д) *национальные* состоят из людей, стремящихся установить такой режим, который позволяет применять законы и нормы ислама для регуляции всех аспектов личной и общественной жизни (см., например: *Voll, 1982*).

4.2. РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ ХРИСТИАНСКОГО И ИСЛАМСКОГО МИРОВ: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

В настоящее время считается общепризнанным, что понятию «ислам» в христианской культуре соответствуют «мусульманская вера» и «мусульманский мир», т.е. не только религия в узком западном смысле, но и цивилизация, образовавшаяся на ее основе. Поэтому термин «религия» несет для мусульманина большую смысловую нагрузку, чему в западном христианском мире нет аналога, — это политическая и религиозная приверженность, превосходящая все прочие приверженности. В исламе аналогом церкви (как дома молитвы) является мечеть. Но церковь как властная религиозно-духовная структура в христианском мире в исламе не имеет аналога. В исламе нет соборов, синодов, нет иерархий, нет канонического права и судов. В исламской истории немыслимо столкновение между папой и императором (ни соперничества, ни сотрудничества, ни разделения, ни объединения церкви и государства), поскольку глава исламского государства и общества — халиф — объединял в одном лице и политическую, и религиозную (хотя и не духовную) власть. Другими словами, правящий институт ислама сочетал в себе обе функции. В идеальном плане всегда, а на определенном историческом этапе и в реальности, мир ислама представлял единое государственное образование с одним сувереном — халифом. Даже после появления в исламском мире региональных монархий идея единого исламского государства была достаточно сильной, чтобы препятствовать появлению сильных династических или национальных образований (см., например: Луис, 2003, с. 15–16).

После буддистов христиане и мусульмане предприняли вторую и третью попытку создать мировую религию. И мусульмане, и христиане были одинаково убеждены не только в том, что располагают всей полнотой Божественной истины, но и в том, что им, и только им, она была явлена окончательно и бесповоротно. Мусульмане воспринимали христианство как отжившую религию, которую ее адепты стремились сохранить вместо того, чтобы воспринять Слово Божье в его окончательной форме. Их (христиан) можно было терпеть, если они изъявляли покорность, если нет — с ними следовало сражаться до победы, пока они либо не признают правоту мусульманской веры, либо не подчинятся власти мусульманского государства. Христиане считали ислам в лучшем случае ересью, ложным учением, основанным на воззрениях еретика, обманщика или фанатика. В целом, обладая множеством общих традиций и верований, целей и стремлений, христианский и мусульманский миры оспаривали друг

у друга роль мировой религии, и ни один из соперников не видел в другом жизнеспособной альтернативы (там же, с. 99).

Эти взгляды и соответствующие религиозно-духовные, мировоззренческие установки предопределили первые столкновения между двумя мирами, в том числе военными, территориально-экспансионистскими. Вначале по всем признакам ислам мог восторжествовать, а Европа склониться перед ним. С момента возникновения ислам быстро превратился в мировую империю и цивилизацию, охватившую три континента, населенных множеством самых разных рас и народов, и вобравшую в себя центры древнейших цивилизаций Египта, Ближнего Востока, Ирана, Северной Индии. Из соседних с исламом цивилизаций только христианская была всеобщей по самосознанию, убеждениям и замыслу. Христианство не замыкалось в определенных границах (подобно религиям Индии и Китая), но стремилось обратить в свою веру все человечество. Но на самом деле до начала великих географических открытий христианский мир ограничивался пределами Европы, Ближнего Востока и Северной Африки.

С овладением всем Балканским полуостровом и с последующим захватом Константинополя, возникшая европейско-азиатская исламская империя приобрела завершенность. Из своей новой столицы, Стамбула, османские султаны предприняли ряд новых походов, приведших их на равнины Венгрии и дважды — в 1529 и 1683 годах — под стены Вены. Европейцы периодически переходили в контрнаступления, особенно в серии войн, известных под именем крестовых походов. Но в исторической перспективе европейско-исламских отношений крестовые походы не являлись решающими событиями в противостоянии ислама и христианства.

Почти тысячу лет, с первой высадки мавров в Испании (710) до второй осады Вены (1683), Европа испытывала постоянную угрозу со стороны исламских народов. Причем в первые века угроза была двойной — опасались не только вторжения и завоевания, но и обращения в ислам и ассимиляции. Все провинции исламской империи, за исключением самых восточных, были отобраны у христианских правителей, и большинство первых мусульман составляли новообращенные из числа христиан. Северная Африка, Египет, Сирия и даже находящийся под властью персов Ирак были некогда христианскими землями, где христианство было древнее и глубже укоренено, чем в большинстве стран Европы. Их потеря переживалась мучительно и усиливала опасения в том, что и Европе уготована та же судьба. Так выглядел исламский мир с точки зрения Европы.

Какой же виделась исламскому миру Европа? Арабские источники рисуют картины неисследованной глуши, населенной экзотическими и довольно примитивными людьми, которых нечего бояться и у которых нечему учиться. В целом мусульмане не испытывали ни малейшего уважения к Центральной и Западной Европе, находящейся, по их мнению, в Средние века на более низкой ступени цивилизации (как в моральном, так и в материальном плане), чем центры мусульманской культуры.

Второе великое противостояние произошло между Европой эпохи Возрождения и османским исламом. Мусульмане были глухи к претензиям религии, которую считали устаревшей и отжившей. Исламская угроза Европе по преимуществу была военно-политической. Задача европейской экспансии заключалась не в обращении язычников, а в освоении обширных рынков в растущих европейских, азиатских и африканских пределах Османской империи.

Окончательным отступлением и поражением ислама христианская Европа, несомненно, считает поражение османских войск под Веной. Но не в меньшей (если не в большей) степени этому способствовали так называемые Великие географические открытия (или великая европейская экспансия). Эти открытия позволили Европе привести под свою власть или влияние новые земли, предоставили в распоряжение европейцев огромные материальные ресурсы. Это придало христианской Европе новые силы, позволило сдержать и, в конечном счете, отбросить мусульманских завоевателей.

Весь сложный процесс европейской экспансии и имперской политики на протяжении последних пяти столетий, коренящийся в столкновении ислама и христианства, начался с долгой и трудной борьбы завоеванных народов запада и востока Европы за возвращение своих родных земель в лоно христианства и изгнание завоевавших и подчинивших их мусульман.

Хронология этой борьбы по основным вехам выглядела следующим образом.

- В 1480 г. русские окончательно сбросили татарское иго и изготовились к наступлению на собственно татарские земли.
- В 1492 г. испанцы уничтожили последнее мусульманское государство в Испании и активно включились в процесс открытия новых земель, начатый португальцами.
- В 1683 г. турецкие войска, стоявшие под Веной, после двухмесячной осады начали отступать. За отступлением последовали и другие поражения и потери городов и провинций. Эти

поражения были закреплены Карловицким договором в январе 1699 г. Мусульманский мир начал уступать Европе и экономически. Несмотря на отдельные успехи, XVIII столетие стало черным для мусульманских держав. Они оказались не в состоянии не только выполнить свой религиозный долг, расширяя границы ислама, но едва удерживали то, что имели.

- Новая война против Османской империи, начатая Россией в 1769 г., завершилась полным разгромом турок. Русские приобретения были огромны и привели к решительному перелому в соотношении сил не только между двумя империями, но и между двумя цивилизациями. В целом наиболее распространенными формами европейской экспансии, в которой на некоторых этапах ведущую роль играла Россия, были завоевания и аннексия. Кючук-Кайнарджирский договор 1774 г. продемонстрировал основные схемы европейской экспансии и проникновения на Ближний Восток в XIX — начале XX вв. То была классическая схема европейского господства. За присоединением в 1783 г. Крыма последовало быстрое присоединение территорий к востоку и западу от полуострова, вдоль побережья Северного Причерноморья. Это привело к серии войн с Турцией, Персией, с местными княжествами и к дальнейшему распространению российской власти. К 1828 г. Россия владела территорией бывших республик СССР — Грузии, Армении и Азербайджана.
- Новая волна европейского наступления началась в середине XIX столетия с усмирением и присоединением среднеазиатских ханств. За этим последовала французская оккупация Туниса в 1881 г. и британская оккупация Египта в 1882 г. В целом к первой четверти XX в. торжество Европы над исламским миром казалось полным и окончательным. Обширные территории в Азии и Африке, населенные миллионами мусульман, находились под твердым контролем европейских империй.
- Перед исламским миром встал грозный вопрос выживания, возвращения своих утраченных позиций и восстановления своей роли мирового субъекта исторического процесса как в религиозном, так и в геополитическом аспектах. В целом соотношение сил между Европой и исламским миром изменили не только торговля и завоевания. Не менее важным были коренные преобразования всех сторон жизни в Европе — подъем науки и техники, культурной и интеллектуальной жизни общества и государства.

- Первой такой реакцией мусульманского мира явилось движение генерала Мустафы Кемалю, позднее прозванного Ататюрком, первого президента светской республики в турецком государстве. Его действия позволили Турции отвергнуть европейское господство и по-новому воспринять европейскую цивилизацию. Это событие явилось поворотным моментом во взаимоотношениях двух цивилизаций, сравнимым с взятием Константинополя и с поражением под Веной. Повсюду в Азии и Африке М. Кемаль был образцом, которому стремились следовать с разным успехом все, кто боролся против неверных чужеземцев*.
- Кроме этого, экспансия западной цивилизации в мусульманский мир в совокупности привела к зарождению такого ответа Западу, как панисламизм и исламский фундаментализм. Рождение политического панисламизма как официальной политики исламского единства (или, по меньшей мере, кооперации) восходит к концу XIX — началу XX в. Эта идеология вызвала к жизни ряд вдохновленных религией движений, которые в XX в. во многих мусульманских странах привели к более открытой исламизации жизни.

Эту религиозную страсть и пыл, знаменовавшие новый подъем исламского мироощущения, можно выразить словами президента Египта Г.А. Насера из его брошюры «Философия революции» как реакции на инициативу создания Межисламского Конгресса в 1954 г. в Мекке (Nasser, б/г, р. 67–68):

«Когда я созерцаю восемьдесят миллионов мусульман в Индонезии, пятьдесят миллионов в Китае, несколько миллионов в Малазии, Таиланде и Бирме, сто миллионов в Пакистане, почти сто миллионов на Ближнем Востоке, сорок миллионов в Советском Союзе и миллионы других в отдаленных и затерянных уголках земли, когда я размышляю о сотнях миллионов мусульман, спаянных в единое целое общей Верой, я все больше осознаю, какие потенциальные возможности таит в себе сотрудничество этих миллионов, сотрудничество, которое, не покушаясь, конечно, на их верность своим странам, обеспечит им и их братьям по исламу неограниченную власть» (цит. по: Луис, 2003, с. 233).

* В последние годы появился новый миф о Ататюрке. В демонологии современных мусульманских радикалов Ататюрк занимает важное место, но не как защитник своей веры и своего народа, а как негодяй, ставший на сторону врага (христиан) и поэтому повинный в предательстве.

В целом ислам пока остается самой эффективной формой консенсуса в мусульманских странах, основной формой групповой солидарности среди широких масс населения. И эта солидарность будет все более и более эффективной по мере того, как власть в мусульманских странах будет становиться все более народной, более исламизированной, тенденции к чему в начале третьего тысячелетия становятся явными. Этот вектор развития мусульманского мира хорошо выразил известный британский ученый-востоковед Бернارد Луис:

«Ислам — мощная, но до сих пор не направленная сила в политике. Прогноз относительно его роли как фактора международной политики пока не особенно благоприятен. Предпринимались и продолжают предприниматься множество попыток вести панисламскую политику, но все они мало чего достигли, в основном, потому, что деятели соответствующих движений вели себя неубедительно. Это не значит, что в какой-то момент не появятся более авторитетные вожди. Тем более что практически во всех мусульманских странах значительная часть народа жаждет такого лидерства и готова отозваться на него. Отсутствие современных образованных вождей до сих пор сужало возможности ислама и не позволяло религиозным движениям всерьез бороться за власть. Однако ислам уже показал свою действенность в качестве ограничительного фактора и может при появлении нужного руководства стать мощной внутривнутриполитической силой. В Иране нужное руководство уже появилось — нужное в том смысле, что оно смогло вызвать сильнейшую вспышку народно-революционного энтузиазма и направить его на свержение и уничтожение старого режима и построение на его месте нового исламского порядка. Остается посмотреть, как новое исламское руководство будет осуществлять и удерживать власть» (Луис, 2003, с. 243).

4.3. О ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МУСУЛЬМАН В ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ

Ядро духовно-религиозных ценностей в исламской социокультурной и религиозной идентификации. Для мусульман закон — важная, если не основная, составляющая религии, которая без него непостижима. Закон является божественным, а не человеческим: он не может вводиться в действие, не может быть отменен или утратить силу, исправлен или дополнен. Власть закона абсолютна и распространяется

на все стороны жизни и деятельности, т.е. в человеческом обществе нет места законодательной власти, ибо только Бог вправе устанавливать законы. Доминирующим принципом для большинства мусульман, является «сунна» — слово, обозначающее «образ действий» в значении «деяния Пророка и его соратников», «следование прецеденту». Отступление от прецедента есть нововведение, соответствующее христианскому понятию «ересь».

В большинстве законодательных систем ислама все деяния разделены на две категории: дозволенные и запрещенные. Исламское право (шариат), регулирующие и религиозные, и мирские дела, разделяет их на пять категорий:

- обязательные;
- рекомендуемые;
- дозволенные;
- непоощряемые;
- запрещенные.

В широком смысле в ядре исламской социокультурной религиозной идентификации находятся пять или шесть базовых религиозно-духовных ценностей (убеждений, ориентаций, норм поведения):

- вера в единого Бога, посланником которого является пророк Мухаммед;
- предписанные молитвы, повторяемые пять раз в день (в публичных местах или приватно, стоя лицом в сторону Мекки);
- воздаяние помощи бедным и нуждающимся, особенно в периоды религиозных праздников;
- соблюдение поста, главным образом ограниченного священным месяцем Рамадан;
- необходимость для мусульманина паломничества в Мекку, по меньшей мере, один раз в течение жизни (Abi-Hashem, 2004, p. 80).

Некоторые исследователи добавляют к этому списку феномен *джихада*, который переводится как необходимость борьбы за священные ценности ислама или служения Аллаху «с ревностным усердием до полной самоотдачи». Эта ценностная установка имеет как личностные (индивидуальные), так и групповые (коммунальные) составляющие. Джихад может означать «священную борьбу», которая является долгом и обязанностью каждого мусульманина, и борьбу против зла

в целом — против таких его проявлений, как коррупция, угрозы существованию или несправедливость (Johnson, 2002). К джихаду мусульмане призываются и тогда, когда возникает потребность в защите или реформировании исламского сообщества (уммы).

Таким образом, джихад может функционировать (применяться, использоваться) на личностном, групповом и национальном уровнях. Некоторые исследователи проанализировали происхождение джихада в истории ислама (Коран, раннюю исламскую литературу) и пришли к выводу, что джихад как религиозно-духовное и социополитическое явление возник на ранних стадиях распространения ислама и играет важную роль в современной политике Ближнего Востока (Firestone, 1999; Hamada, 1990).

И наконец, необходимо назвать институт *шариата* как совокупность исламских законов и норм регуляции отношений, впечатанных в ядро ценностных ориентаций для мусульман как на межличностном, так и на национальном уровне. Шариат состоит из многих правил, законов и интерпретаций. Правоверные мусульмане убеждены: до тех пор, пока они живут по законам шариата, все у них будет хорошо и исламский порядок будет процветать (см., например: Ahmad, 1999; Voll, 1982).

Представления мусульман о жизни под властью немусульман. Во времена могущества исламской цивилизации мусульманские традиции и законы не уделяли большое внимание такой правовой ситуации, как нахождение немусульман под властью мусульман. Преобладание христианской цивилизации над мусульманским миром в XIX–XX вв. создало совершенно новую ситуацию. Поэтому в новое время, с упадком мусульманской мощи и подъемом Европы, перед мусульманскими мыслителями встал жизненно важный вопрос: «Если страну завоевали христиане, могут ли мусульмане остаться или должны переселиться в какую-нибудь мусульманскую землю?» (Луис, 2003, с. 87).

Каноническим правилом при этом является пример Пророка — он лично подал пример переселения, оставив языческую Мекку, и отправился со своими сторонниками в Медину, где они смогли вести жизнь в соответствии с мусульманскими религиозными нормами. Пророк обличает и отвергает любого мусульманина, предпочитающего жить среди приверженцев многобожия (христиан как приверженцев троицы).

Первоначально исламские религиозные правоведы исходили из посылки, что жить под властью немусульман мусульманину нежелательно. И только суровая необходимость может вынудить его смириться с ситуацией. Опираясь на Коран, некоторые исламские религиозные

правоведы находят возможным освобождение от хижды (переселения) по причинам физической или финансовой неспособности, т.е. допускают возможность вести жизнь мусульманина и при правлении иноверцев.

Вместе с тем некоторые правоведы ислама настаивали на том, что даже если христианские завоеватели справедливы и терпимы, мусульманам следует эмигрировать. Другие правоведы доводят эту аргументацию до логического конца: истинно мусульманская жизнь возможна только при мусульманском правлении. В конечном счете, решение вопроса зависит от того, возможно ли на завоеванной иноверцами родине применение мусульманского священного права:

«...если дела мусульман ведутся в соответствии с шариатом и судят их мусульманские кадии (судьи) в мусульманских судах, то, согласно некоторым правоведам, мусульмане вольны остаться, а деятельность муфтиев правоверна. Многие не одобряют пребывание мусульман под властью иноверцев, но не считают его недопустимым. Наконец, непримиримые полагают, что даже при самых благоприятных обстоятельствах мусульмане не в праве оставаться в подчинении у неверных и обязаны эмигрировать» (там же, с. 91).

В итоге, оставаться мусульманам или эмигрировать, решает священный закон, по которому они должны жить. Главной заботой знатоков мусульманского права было поддерживать этот закон. Главной целью современных фундаменталистов является восстановление закона там, где он находится в небрежении или в искажении. Если закон действует и его исполнение обеспечивается, страна пребывания может с юридической точки зрения считаться «Домом Ислама».

Образование мусульманских меньшинств, благодаря добровольному переселению из мусульманского мира в преимущественно христианские страны и регионы проживания. Это особый процесс, связанный с глобализационными тенденциями современного мира. Массовая эмиграция мусульман в страны и регионы христианского мира на поиски жизни среди неверных — это достаточно новый феномен современной истории, ставящий важнейшие проблемы, обсуждение которых только начинается. Здесь встает очень важный вопрос: насколько в массе малообразованные новые эмигранты в христианские и постхристианские страны и земли знакомы с юридическими установлениями своего положения и с правовыми и богословскими уложениями, на которых построена их жизнь в христианских странах? Скрытые смыслы взаимодействия мусульман и немусульман в христианской стране отражают дилемму мусульманского меньшинства.

Они отличаются от большинства, среди которого живут, не только тем, что исповедуют другую религию, но и тем, что придерживаются в корне отличных взглядов на то, что означает, требует и определяет религия. Современный западный человек по большей части не отводит религии центральное место в своей жизни и не в состоянии понять, что другие люди (мусульмане) на это способны.

До иранской революции западные СМИ, как типичные выразители западных взглядов и отношения к исламу, отказывались признавать религию реальной силой в мусульманском мире. Однако роль ислама как политического фактора в социальной жизни мусульман огромна. Мусульмане, как и все прочие люди, ищут возможности протеста против политического подавления и экономического притеснения и обрекают свои реакции в привычные для их мировоззрения и традиций формы. И главное в этих реакциях — идет ли речь о политических, экономических или социальных проблемах — в том, что *большинство мусульман выражают свои обиды и чаяния в религиозных категориях*. Они, как правило, выступают под религиозными лозунгами, с религиозными программами и в значительной степени под руководством религиозных лидеров: «Веками мусульманская оппозиция самовыражалась через богословские категории так же естественно и непосредственно, как западная через идеологические» (Луис, 2003, с. 214).

Для традиционного мусульманина религия не только является универсальной, но и занимает центральное место в системе его мировоззрения, составляет первооснову его самосознания, социальных обязательств и взаимодействий. Именно религия выделяет мусульман и объединяет их между собой, проводя грань между ними и всеми прочими людьми, даже если эти последние живут с ними в той же стране и говорят на том же языке. Мусульман из разных стран, говорящих на разных языках, сближает общая историческая память о священном прошлом, осознание себя как единого сообщества, чувство общих переживаний и общей судьбы. Историческую основу самосознания мусульман (социокультурную идентификацию) составляли не народ или государство, как в христианском мире, а религиозно-политическая общность. Импортированная из христианского мира идея этнической и территориальной государственности остается, как и секуляризм, не вполне приемлемой и не полностью освоенной* (Луис, 2003, с. 216).

---

* Подробнее об этом см. ниже.

Современную ситуацию переселения мусульман в ареалы христианского проживания иногда представляют как третье мусульманское вторжение в Европу и христианский мир в целом. Сейчас почти два миллиона мусульман из Турции и других стран насчитывается в Германии. Еще больше выходцев из Северной Африки во Франции, а уроженцев Индии, Пакистана — в Англии, не считая мусульманских общин в Бельгии, Голландии, Швеции, Австрии, Испании, Италии и скандинавских странах. В России также остается мощная исламская диаспора в традиционных ареалах проживания мусульман и в регионе Кавказа. Кроме этого, современная ситуация в России вызвала к жизни мощные миграционные потоки выходцев из среднеазиатских республик в центральные регионы России, что создает серьезные проблемы, разрешение которых пока не просматривается в силу отсутствия у центральной власти вразумительной миграционной политики.

В целом мусульманская община, связанная тысячами языковых, культурных, родственных и религиозных связей со своей исторической родиной и общим исламским прошлым, неизбежно интегрируется в страны и регионы нового проживания. «Присутствие нынешних переселенцев, мигрантов и новых жителей христианского мира, а также их детей и внуков будет иметь непредсказуемые масштабные последствия для будущего как Европы, так и последующего мира в третьем тысячелетии» (Луис, 2003, с. 72).

Проблема шиизма в истории ислама. Для понимания причин исламского религиозного возрождения, фундаментализма, воинственности и, как следствие, роста террористической активности в современном мире представителям христианского мира при организации межкультурного диалога необходимо представлять суть и содержание такого религиозно-политического феномена в истории ислама, как *шиизм*.

«Шиа» — в переводе с арабского «партия» или «фракция». Первоначально так называли партию Али, последователя Пророка, тех, кто считал, что он должен быть правителем (халифом) исламской империи, или, в соответствии с современной терминологией, сторонников кандидата на государственную должность*.

---

* В соответствии с обычной христианской практикой при описании внутриисламских религиозных расхождений часто упоминают понятия «секта», «раскол», «ортодоксия» и «неортодоксия» или «ересь», что неприемлемо главным образом потому, что здесь неприменимы христианские понятия

Таким образом, разрыв между суннитами и шиитами начался как политический раздор по поводу того, кто должен быть их политическим вождем. С течением времени это разногласие приобрело иной характер. Появились правовые различия, религиозно-доктринальные разногласия. Но гораздо более значимыми оказались психологические различия, обусловленные различным историческим опытом суннитов и шиитов.

Суть разногласий состояла в том, что быстрый рост мусульманской общины и государства благодаря завоеваниям и обращению иноверцев в ислам становился тяжелым бременем для простого народа. И многие мусульмане стали считать, что ислам сошел с верного пути и мусульман ведут обратно к язычеству и несправедливости. Для приверженцев подобных взглядов правящие халифы все больше казались тиранами и узурпаторами, тогда как притязания родичей Пророка и его потомков выражали надежды многих на то, что существующий растленный строй будет свергнут и все вернется к истинному исламу.

Среди тех, кто отверг суннитский взгляд на мир, была фракция «шиат Али» — крупнейшая раскольническая группировка в исламе. Шииты видели себя участниками внутриисламской оппозиции, защитниками угнетенных, обличителями и противниками привилегий и власти. Мусульмане-сунниты в целом ратовали за поддержание существующего политического, социального и в особенности религиозного порядка. Принципы шиитской философии имеют прямо противоположный смысл. После кончины Пророка, и особенно тридцатью годами позже, после убийства его наследника Али, история, по мнению шиитов, свернула с верного пути и мусульманская община с тех пор живет в грехе.

В классическом суннитском представлении мусульманской общиной руководит Бог. Он определяет правителя, а община выполняет Божественное предназначение. Для суннитов подчинение власти есть божественная заповедь, теряющая силу только в исключительных

«ортодоксальное» (истинное) и «неортодоксальное» (отклоняющееся). Эти понятия не имеют (или почти не имеют) значения для ислама, поскольку мусульмане не имеют ни синодов, ни соборов, определяющих ортодоксию и осуждающих религиозных отступников (в христианском мире еретиков). При объяснении разницы между суннитами и шиитами для христианской аудитории их часто сравнивают с протестантами и католиками. Такое сравнение также мало что дает в религиозном смысле: если сунниты и шииты суть протестанты и католики, то кто из них протестанты, а кто католики? Невозможность ответа на этот вопрос сразу выявляет неадекватность такого сравнения.

случаях. Для шиитов подчинение существующей власти есть политическая необходимость, и починяться ей следует лишь до тех пор, пока власть того заслуживает. Типичная черта действий шиитов — вооруженные восстания, бесчисленные примеры которых можно обнаружить во всех уголках исламского мира на протяжении столетий исламской истории. Большинство попыток шиитов захватить власть заканчивались неудачей: восстания подавлялись, террористы уничтожались, их вожди гибли и бесследно исчезали. С течением времени в шиитском движении формируется радикальное течение, которое на современном языке называется терроризмом, а его сторонники видят в нем высшее проявление религиозного рвения.

Чем в большей степени режим самовластен и авторитарен, тем больше надежды изменить его, убив правителя. Часто такой терроризм связан с почти священным у мусульман культом оружия и иногда с представлением о том, что террорист-убийца не должен остаться в живых после теракта, но обязан принести себя в жертву. Те же идеи, по-видимому, вдохновляют смертников, взрывающих себя и в наши дни. Это породило еще одну отличительную черту шиизма — представление о мученичестве, в корне отличном от суннитского.

Феномен героизма, мученичества и жертвенности в одинаковой степени присущ мировоззрению как христианства, так и ислама. В европейских языках слово «мученик» («свидетель») имеет то же значение, что и в арабском слово «шахид». Однако в суннитском исламе «шахид» — это тот, кто убит в сражении, мученичества он достигает, погибнув в священной войне. Такое понимание мученичества существенно отличается от иудейского, а позднее — христианского представления о мучениках как о тех, кто предпочитает мучения и смерть отречению от веры. В принципе шииты разделяют суннитское представление о достижении мученичества посредством смерти в бою, но словом «мученик» они называют и тех, кто индивидуально переносит заключение, пытки и казнь за веру или дела, тем самым приближая это понятие к иудейско-христианскому (Луис, 2003, с. 256).

Исторически именно восстания и почти постоянные неудачи придали особое качество шиитскому исламу. В их учениях, тактике и руководстве наблюдаются определенные повторяющиеся особенности. Выступая против существующего порядка, они находили основную поддержку у людей, угнетенных этим порядком, делали упор на призыв к обиженным, униженным и обездоленным. Хотя необходимо отметить, что в определенные периоды шиитские идеи пользовались значительным успехом у образованных людей, среди шиитов были

и ученые, и знатные, и богатые люди. Однако в большинстве мусульманских стран шииты всегда составляли меньшинство. Они занимали подчиненное положение даже во многих странах, где они численно преобладали, за исключением Ирана. Наиболее ярким примером здесь может служить Ирак. Причем такое положение сохранялось и в Средние века, и при Османской империи, и при монархии, и во время существовании страны как британской подмандатной территории.

В целом основное различие между суннитским и шиитским исламом можно свести к следующим положениям, которые весьма лаконично и четко суммировал Б. Луис (Луис, 2003, с. 258–260).

С точки зрения суннитов, то, что существует (есть), — это правильно. Мусульманская община есть божественная община, подчиняющаяся божественному закону; ею правит халиф, чей сан установлен Богом, он единственный законный глава мусульманской общины. Существования халифской власти требовал шариат, который ее и регулировал, а главной задачей халифа было поддерживать шариат и расширять его юрисдикцию. Постепенно халифат пришел в упадок, и со временем власть халифов сменили династии и отдельные правители, осуществлявшие власть с помощью вооруженных мер. Суннитские правоведы, хорошо осведомленные о вопиющих фактах узурпации власти и тирании, в соответствии с логикой шариата не могли прямо обличать узурпаторов и тиранов, требовать их свержения. Это означало бы нарушение власти закона и ставило бы под угрозу единство мусульман и стабильность мусульманского общества. «Тому, кто у власти, должно подчиняться» и «Мир может жить при произволе, но не при безвластии» — вот два часто приводимых довода, выражающих горькое смирение суннитских правоведов перед политическими реалиями.

По учению суннитов, халифат как религиозно-государственный институт есть соглашение, возлагающее обязательства на властителя и на подданных и подлежащее расторжению, если одна из сторон не выполняет своих обязательств. Постольку правитель поддерживает порядок и основные принципы мусульманской веры и закона, подчиняться ему — религиозный долг. Но со временем при многих режимах (если не при всех) к правителю предъявлялись все меньшие требования, а обязанности вменялись подданному все жестче и неукоснительнее.

У суннитов, как и у шиитов, были свои радикальные движения. Но им для перехода к действиям требовались намного более веские причины, чем их шиитским собратьям, чтобы счесть, что долг повиновения потерял силу и творящий зло правитель может быть свергнут

законным путем. Мусульмане-сунниты никогда не отказывались от принципа права подданного не повиноваться незаконным приказам правителя. В наше время этот принцип лежит в основе учений и действий радикальных фундаменталистских суннитских групп. Но суннитские правоведы никогда не обсуждали и, тем более, не предписывали никакой процедуры для проверки законности действий правителя, и решение обычно принимал третейский суд. Таким образом, принимать существующие факты как они есть — религиозный долг, поскольку отрицать их означало бы признать, что вся исламская община живет в грехе, а такая точка зрения для суннитов недопустима.

Шииты проповедуют другую точку зрения. По их мнению, все исламские правительства с момента убийства халифа Али Талиба незаконны или, в лучшем случае, временны. В существующем порядке нет легитимности, и необходим возврат к подлинному исламу. Иногда шииты существующий порядок неохотно принимают, стараясь не участвовать в начинаниях государства. В остальное время шииты берутся за выполнение грандиозных планов и действий, цель которых состоит в том, чтобы вернуть историю на правильный мусульманский путь и отразить, помимо прочего, и экспансию разлагающейся апостасийной цивилизации западного христианского мира.

Понимание Родины и патриотизма в мусульманском мире — это проблема самоотождествления, самоидентификации. Для представления о том, как рядовой мусульманин понимает категорию патриотизма и чем он готов жертвовать ради защиты своей Родины, нужно хотя бы схематично проследить эволюцию представлений об этом феномене в истории развития мусульманского мира. Это поможет подойти к анализу проблемы современного международного терроризма.

В христианском мире, который возник в рамках Римской империи, единицей самоотождествления была территория, которую сегодня мы назвали бы территорией страны. Гражданская ответственность и политическое участие выражались в долге гражданина сражаться за свое отечество, за отцовский и родовой очаг. Эта ценностная установка осталась неизменной и в период европейского Средневековья, и в Новое время: несмотря на самоотождествление по религиозным конфессиям и присяги королям, чувство страны как высшей привязанности становилось все сильнее. В большинстве христианских стран правители определяли свою власть по отношению к территории. Другими словами, в проблеме самоидентификации в христианском мире наблюдалась эволюция от истории племен и народов к истории коро-

лей и стран. В целом в истории христианского мира наименования соотечественника или земляка постепенно приобрели следующий смысл — тот, кто предан делу своей страны и народу. Чувства человека к своей родине выражало понятие «патриотизма».

Арабское слово «*ватан*» (проживание) с небольшими нюансами в произношении в персидском, турецком и иных исламских языках претерпело несколько иную смысловую интерпретацию. Арабский глагол «*ватана*» означает «проживать или пребывать где-либо», а также «выбирать место проживания». У существительного «ватан» нет никаких родовых коннотаций (отчества или родины), оно для мусульманина просто обозначает место жительства. Но, несмотря на отсутствие политического содержания, слово «ватан» в значении дома и родины могло вызывать у мусульманина множество положительных эмоциональных ассоциаций. Классическая арабская литература полна прозаических и стихотворных упоминаний о любви к малой и большой Родине (см., например: Grunebaum, 1945). Понятие «ватан» было средоточием чувств эмоциональной привязанности, ностальгии, но не верности и лишь до определенной степени самоотождествления.

Как политический термин слово «ватан» начинает употребляться в конце XIX в. под явным влиянием европейцев в значении «отчества» или «страны»: равнозначно французскому *patrie*, английскому *country* или немецкому *Vaterland* (см., например: Lewis, 1988). Постепенно новое значение слова становилось все более привычным. Так, к 1830-м годам оно прочно входит в официальный лексикон Османской империи (Berks, 1964). События Крымской войны (1854–1856) во многом способствовали формированию нового патриотического понимания самоотождествления, преданности и долга*.

Но восприятие новой патриотической идеологии было далеко не единодушным. Многие исламские правоведы и историки этому упорно сопротивлялись (см., например: Mardin, 1962). Они утверждали, что для мусульман наиболее действен призыв к священной войне или мученичеству за дело истиной веры, ибо эти слова привычны с детства и внушены в школе. Еще более серьезные проблемы возникли, когда подданные Османской империи — вначале христиане, а затем и му-

* Впервые Османская империя билась против старого врага, России, в союзе с двумя крупнейшими христианскими европейскими державами как союзниками. Патриотизм британцев и французов, как и отсутствие у них каких бы то ни было терзаний из-за того, что они сражаются вместе с союзниками-мусульманами против христиан, был отмечен турками.

сульманские подданные — стали считать отечеством (ватан) не империю османов, а свою этническую родину. Для турок-османов отечеством была вся Османская империя, включавшая большую часть исконных османских территорий на Ближнем Востоке. Османский султанат был для них воплощением исламского суверенитета, последним законным преемником великих исламских государств прошлого. Патриотический долг перед родиной воплощался в законной власти и требованиях правителя — турецкого султана.

Но в исламском мире появились и иные идеи понимания родины и патриотизма, причем некоторые из них впервые возникли в арабоязычных провинциях Османской империи. И одним из первых авторов, выразивших патриотические идеи на арабском языке, стал египетский шейх Р. Тахтави (см.: Луис, 2003, с. 270–272). Поэмы и прозаические произведения шейха, в которых он старался привить читателям патриотические чувства, пользовались поддержкой правителей Египта, стремящихся превратить население своей страны в особую общность с собственной правящей династией и большой степенью автономии в рамках Османской империи.

Идея страны и народа, сохраняющего свою самобытность, несмотря на неоднократную смену языка, религии и цивилизации, была новой для арабского мира*. Должно было пройти время, чтобы у египетского патриотизма нашлись подражатели в других мусульманских странах. В целом со времени возникновения первых патриотических идей в мусульманском мире идея родины, т.е. национальной территории как основы самоотождествления и центра притяжения верноподданнических чувств, противостояла двум мощным базовым религиозно-идейными тенденциями:

— во-первых, со старой, глубоко укоренившейся и в наше время переживающей возрождение религиозной и общинной верностью исламу;

— во-вторых, с чисто европейской идеей этнической нации, определяемой общим языком, культурой и реальным или легендарным происхождением.

---

* Патриотизм шейха не был османским, поскольку к османскому отечеству он не проявлял особого интереса; не был он и мусульманским, поскольку выражал гордость по отношению к славе языческого и христианского Египта до прихода туда мусульман; он был и не общеарабский, поскольку ему не было дела до других арабоязычных стран.

В настоящее время во многих исламских странах национализм, более соответствующий этническому многообразию Ближнего Востока, оказался понятнее и притягательнее, чем территориальный патриотизм. И используемая в публичном дискурсе патриотическая риторика часто скрывает глубинную приверженность общинным и этническим ценностям.

Так, в Египте наблюдается периодическая смена акцентов — иногда столкновение, иногда взаимодействие между «египтскостью» (страна, территория), «арабскостью» (этнические основания) и исламом (религиозная составляющая самоотождествления).

В Турции патриотическая идея (государственно-этническая) к настоящему времени практически вытеснила все прочие формы самоотождествления. Турки остаются прежде всего турецкими патриотами, определяющими себя и свой гражданский долг по отношению к стране, называемой Турцией.

В Иране развитие идеи родины, взращивавшейся покойным шахом, замедлилось с установлением Исламской Республики, отрицающей шахское представление о самоотождествлении иранцев как с исламским, так и с доисламским Ираном. Но даже в Иране отвержение патриотических понятий не столь всеобъемлюще: согласно конституции Исламской Республики, президент страны должен быть иранцем по месту рождения и по происхождению.

В арабских странах ситуация сложнее. Из них только Египет может претендовать на непрерывное национальное самоотождествление с древних времен до наших дней и постоянно его демонстрировать. Остальные арабские страны представляют собой разные общности — от монархий, как Марокко, и бывших османских автономий, подобных Кувейту и Ливану, до искусственных колониальных образований, как Ливия и Иордания. Но даже самые искусственные из них проявляют решимость сохраняться в качестве отдельных образований.

В связи с обсуждением самоотождествления необходимо кратко коснуться *темы религиозного сосуществования*, занимающей важное место в исламском мире и являющейся одной из фундаментальных основ самоидентификации и *секуляризма*. Секуляризм в христианском мире был попыткой разрешить долгую и губительную борьбу церкви и государства. Отделение их друг от друга в результате американской и французской революций (распространившееся по остальному христианскому миру), должно было предотвратить применение государством религии для укрепления и расширения своей власти и использование духовенством государственной власти для навязывания

своих учений и правил жизнедеятельности. После долгой и жестокой борьбы в религиозных войнах христиане постепенно пришли к выводу, что только так адепты соперничающих или различных церквей смогут жить достаточно мирно*.

В истории и культуре ислама подобной проблемы не существовало: не было не только теоретической и исторической, но и практической потребности для отделения церкви от государства. Этот вопрос не возникал в принципе, поскольку не было церкви как самостоятельного института, который можно было отделить. Церковь и государство были единым целым. Мусульмане считали свое государство Божьим, войска — Божьими, а врагов — врагами Бога. Поэтому мусульманские богословы и государственные деятели эту проблему не обсуждали, и соответствующего решения об отделении религии от государства не принималось.

Мусульман отличала готовность терпимо относиться к иноверцам и мирно жить с ними, чтобы сделать терпимое сосуществование возможным. Но степень и природу традиционной мусульманской терпимости не надо переоценивать. Мусульмане четко разделяли и в практическом, и в религиозном смысле понятия «терпимость» и «отсутствие дискриминации». Традиционное исламское государство никогда не было терпимым в последнем смысле. Более того, терпимость в таком понимании (как отсутствие дискриминации) расценивалось бы мусульманами не как заслуга, а как пренебрежение религиозным и служебным долгом. Между мусульманами и иноверцами не допускалось никакого равенства ни на практике, ни тем более в теории. Фактически дискриминация была всеобъемлющей и структурной; к этому обязывали учение и закон, ее поддерживало общественное мнение.

С другой стороны, в мусульманской истории преследования иноверцев хотя и случались, но были редкими и нетипичными. В ней найдется мало соответствия религиозным бойням и насильственным обращениям в иную веру, изгнаниям и сожжениям, столь типичным для истории христианского мира до подъема секуляризма**.

---

* Однако следует отметить, что эти тенденции исторически не были свойственны Российскому государству как православной империи.

** В наши дни «самозваные борцы за ислам», действующие якобы во имя веры, измываются над заложниками и другими беззащитными жертвами, а полномочные представители ислама не торопятся последовательно от них отмежеваться. Однако эти действия суть преступления против человечности, а не против мусульман как таковых. И люди, которые их совершают и на-

Мусульмане впервые столкнулись с секуляризмом в конце XVIII в. в период Французской революции. Они ее восприняли не как секуляристскую, а как дехристианизирующую и поэтому заслуживающую внимания с точки зрения противоборства двух типов цивилизации. Но среди мусульман нашлись люди, которые поняли опасность этих идей не только для христианства, но и для ислама.

С мусульманской точки зрения, суть западной секуляризации состояла в том, что Бог был дважды низвергнут; как источник суверенитета — народом, как объект почитания — государством. Обе идеи были чужды исламу. Но в XIX в. эти идеи распространились, а в XX стали господствующими среди вестернизированной интеллигенции, которая в то время управляла большинством мусульманских государств.

В мусульманском мире только одна страна — Турция — официально провозгласила отделение религии от государства. Законодательно из конституции был исключен ислам и отменен шариат. Еще одно-два государства предприняли шаги в этом направлении, а некоторые ограничили действие шариата процедурами брака, развода и наследования, приняв по другим вопросам в основном западные законы.

В последние годы в мусульманских странах наблюдается сильное противодействие секуляристским тенденциям. Это выражается в появлении ряда радикальных мусульманских движений, объединяемых под названием фундаменталистских. Они есть в Египте, Северной Африке и даже в Турции. Эти движения объединяет общая цель — отмена секуляристских реформ XIX–XX вв.; уничтожение заимствованных у Запада кодексов законов (и пришедших с ними обычаев); возврат к Священному закону ислама и исламскому политическому порядку. В этом в основном и состоит исламский фундаментализм.

В Иране сейчас фундаменталисты находятся у власти, в других странах пользуются возрастающим влиянием. В целом в настоящее время секуляризм в мусульманском мире и особенно на Ближнем Востоке непопулярен*.

правляют, так же, если не хуже, поступают и со своими единоверцами. Тираны у себя на родине и террористы в других странах одинаково нарушают исламскую мораль и законы (Луис, 2003, с. 286–287).

* Значительное число правительств начало вновь вводить законы шариата. Даже национализм и патриотизм, которые после некоторого противодействия благочестивых мусульман получили всеобщее признание, вновь ставятся под сомнение и даже отвергаются как противоречащие исламу (Луис, 2003, с. 290).

4.4. ПОНИМАНИЕ ФУНДАМЕНТАЛИЗМА И ВОЗРОЖДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ВОИНСТВЕННОСТИ ИСЛАМА: СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Атака на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 г. явилась актом терроризма и необъявленной войны, которая ведется негосударственными национальными субъектами, проживающими на территории ряда стран. Их объединяла одна общая установка, общее восприятие и психологическое переживание современной геополитической ситуации:

«... Чувство гнева, ненависти и негодования по отношению к Соединенным Штатам, поскольку они воспринимали Соединенные Штаты как агрессивно-гегемонистскую военную, политическую, экономическую и культурную державу с долгой историей несправедливого отношения к исламу и нанесения вреда исламскому миру» (Marsella, 2004, p. 29).

Легко понять ярость традиционного мусульманина, оказавшегося лицом к лицу с вестернизирующимся миром. Воспитанный в религиозной культуре, где правота изначально отождествлялась с господством и строгой иерархией, он видел, что господство в мире перешло к Западу, господство в его собственной стране — к иноземным гостям с их чуждыми повадками, а господство в его собственном доме — к эмансипированным женщинам и непокорным детям. Воспитанный в сложной системе иерархических социальных связей и обязанностей, он видел, как эти связи, определяемые верой и родством, называют сектантством, устаревшими традициями, а религиозными обязанностями пренебрегают в пользу материального накопления.

В целом современный мусульманский радикализм является своеобразным ответом мусульманского мира на экспансию секуляризированной западной цивилизации — ее отторжения в сочетании с новой масштабной миграцией мусульман в Европу, Америку и другие страны христианского мира (Луис, 2003, с. 69).

Основания и причины роста ненависти и негодования. Многие исследователи, изучающие проблемы международного терроризма, — психологи, социологи, историки, культурологи, — имеющие различные этнокультурные корни*, проявляют удивительное единодушие в иден-

* Т.е. принадлежащие по происхождению как к христианской, так и к мусульманской социокультурной ориентации.

тификации оснований, причин и тенденций роста исламской религиозной воинственности, фундаментализма и, как следствие, международного терроризма в современном мире. К ним они относят, прежде всего: глобальное культурное и моральное нашествие западной цивилизации (вестернизацию) и угрозы этнической идентичности; экономическую, финансовую и политическую эксплуатацию и манипуляцию; одностороннюю военную экспансию.

Культурная и моральная экспансия: вызовы социокультурной идентичности. Во всем мире раздаются голоса против Соединенных Штатов и ее символов. Многие люди рассматривают США как мировую державу, проявляющую полное безразличие к страданиям людей мира, вносящую основной вклад в политическое подавление бедных сообществ. В современном мире, во все большей мере раздираемом противоречиями сил глобализации и традиционализма, Соединенные Штаты зачастую воспринимаются как нечувствительные к глобальному культурному многообразию и важности социокультурных идентичностей других сообществ. Массовое технолого-коммерческое общество, возникающее из американской (шире — западной) культуры и проникающее в остальные части мира, рассматривается реальной и ощутимой угрозой традиционным идентичностям и способам жизни (Marsella, 2004, p. 30). **Представители незападных культур, наций и народов в современных геополитических условиях испытывают состояние амбивалентности: они осознают, что они или должны присоединиться в «глобальном марше» к капитализму, демократизации в западном понимании и индивидуализму, или остаться за бортом основного «цивилизационного тренда».** В то же время они испытывают тягу к сохранению привычного стиля и образа жизни и привязанность к своей истории.

В свете реализации своих экономических интересов и расширения доходов Соединенные Штаты (и западные страны в целом) через свои «культурные иконы» («права человека», «кока-кола», «Мак-Доналдс», поп-музыка и т.д.) на Востоке могут восприниматься как оккупанты, угрожающие выживанию других культур. Многие культурные сообщества просто не готовы или не способны к сопротивлению, исходя из объективно существующих структур власти. Поэтому эти нации встают перед объективным выбором: либо присоединиться к глобальному «потребительству», к пронизанной секуляризмом, необузданной свободе (скорее понимаемой как вседозволенность), либо идти не в ногу с требованиями времени (см., например: Mittleman, 2000).

Материалистическая культура Запада является угрозой исламским духовным ценностям. Модернизация — это изменение, но из-

менение не означает прогресс. Более того, модернизация стала синонимом вестернизации (или американизации) со всеми ее атрибутами, направленными на подрыв повседневной мусульманской жизни. Западная массовая культура «благоволит» и поддерживает ценности индивидуализма, материализма, изменения и конкуренции, тогда как незападные культуры поддерживают дух коллективизма, религиозной духовности, стабильности и совместного владения и управления ресурсами. Поэтому угроза идентичности становится решающей частью «уравнения насилия»:

«Культурная идентичность является той ретортой, в которой человеческое выживание и целеполагание сливаются воедино, давая смысл человеческому существованию, жизненным целям и групповой сплоченности» (Marsella, 2004, p. 31; см. также: Cote, 2002; Rothman, 1992; Volkan, 1997). Для членов традиционных сообществ, которые определяют свою идентичность на языке этнического и группового членства (т.е. на языке социоцентрической идентификации) культурная и иная экспансия Запада воспринимаются не каким-то безличностным воздействием, а как прямые личностные нападки, которые «воспламеняют» индивидуальные вспышки гнева и ярости, давая рост размышлениям о реванше, питаемом чувствами негодования и собственной справедливости. Совокупность этих факторов была источником насилия на протяжении всей истории человеческой цивилизации.

В таком контексте восприятия и суждения становятся искаженными, и невинные граждане других государств начинают восприниматься как сознательные проводники западной культурной деструкции. Этот процесс подпитывается и усиливается призывами лидеров исламских террористов о западном, прежде всего американском, лицемерии. Они утверждают, что Соединенные Штаты призывают к добродетели, а фактически являются эгоистической, этноцентричной и сатанинской державой (Bodansky, 2001). Подобный цикл ненависти интенсифицируется процессами демонизации отдельных индивидов и культур по обе стороны противостояния. Так, метакоммуникационный анализ публичных посланий и высказываний О. бен Ладена против Соединенных Штатов, проведенный А. Марселлой (Marsella, 2004, p. 40), вскрыл следующие позиции:

- Бог на нашей стороне.
- Наше дело (мусульман) правое.
- Нас, мусульман, слишком долго оскорбляли, обижали и издевались над нами. Вы должны убрать свои войска из наших

священных земель и прекратить свои многочисленные войны против наших людей (Ирака, Чечни, Палестины).

- Мы (Аль-Каида и другие воинствующие террористические группы) выражаем интересы бедных и угнетаемых во всем мире.
- Сейчас для вас (Соединенных Штатов) настало время страдать так, как мы долго страдали.
- Культура, которую вы создали и насильно навязываете остальному миру, прямо противоположна исламскому образу жизни по причине своего материализма и лицемерного поведения, злоупотребления властью имущих и привилегированных членов ваших обществ.
- История сама сказала свое слово — даже президент Буш признал, что начиная с крестовых походов XI в. история является продолжением политики борьбы и насилия. Мы победили в прошлом и победим снова.

Как уже отмечалось, арабский и исламский мир в истории цивилизации занимал определенные ведущие позиции среди доминирующих цивилизаций (например, с раннего Средневековья до середины XIX в.). В Средние века арабская культура отмечена рядом достижений в математике, физике, астрономии, а также в архитектуре и искусстве. Вплоть до начала XX в. Османская империя была в ряду ведущих военных и колониальных держав мира. Когда она разрушилась, поиск вины за случившееся был направлен не на свои собственные недостатки и ограничения, а на западные колониальные державы (Holmes, 1992). В настоящее время многие представители арабского мира поддерживают героические образы своего могущественного политического и военного прошлого, которые соединяются с религиозными ценностями в фундаменталистских медресе.

Современные арабо-исламские общества в разной степени стремятся или продолжают объединять светское и религиозное (в меньшей мере это касается Турции). Однако они обнаруживают, что трудно конкурировать и выживать в мире, где другие общества перегоняют их в науке, промышленном производстве и социальной организации. Развитие человеческой цивилизации в XX в. — в средствах массовой коммуникации, образовании, технологиях и СМИ — связано с вмешательством Запада почти в каждый сектор исламского мира. С Запада «прибывает» множество товаров, программ и тенденций, которые вредны для многих уязвимых сообществ. Новостные сети CNN, CBS, ABC и FOX можно слушать и смотреть в любой глубинке почти во всем мире. М. Двери отмечает:

«В последние два века культурная дискуссия (между исламским и христианским миром.— *В.С.*) была сосредоточена на вопросах традиционализма — современности, аутентичности, специфичности — вестернизации... Некоторые экстремисты призывают к вестернизации, другие — к исламскому фундаментализму. Большинство арабов находится где-то в середине... Существует расхождение представлений о природе власти» (Dwairy, 1998, p. 11).

Эти арабо-мусульманские сообщества всегда реагировали отрицательно на то, что они рассматривали как коррумпированность Запада, особенно США, которые постоянно экспортируют продукты своей культуры в страны с традиционными ценностями. Исследователи подчеркивают, что такие западные ценности, как крайний индивидуализм, самодостаточность, личностная автономия, самоудовлетворенность и стремление к удовольствиям, постепенно оккупировали Восток, изменяя социокультурную природу и структуру семейных отношений (см., например: *Abi-Hashem, 1997*). Они считают, что американская индустрия развлечений представляет уродливо-безобразную версию Соединенных Штатов остальному миру (см., например: *Medved, 2002*). Эти вторжения вполне определенно разрушают местные культуры и традиции, в конечном счете навязывая глобальные направления мыслей, взглядов и состояния духа, жизненного стиля и представлений о мире: «Поэтому мусульмане не меньше, чем другие (представители традиционных сообществ.— *В.С.*), относятся настороженно и подозрительно к такому экономическому и культурному проникновению Запада» (*Abi-Hashem, 2004, p. 82*).

Экономическая, финансовая, военная экспансия и политическая манипуляция. Использование дешевого труда в других странах для производства западных продуктов, отстаивание своих «алчных» интересов и агрессивная маркетинговая политика на рынки других стран без учета местных ценностей, уровня благосостояния и традиций населения также внесли и продолжают вносить свой вклад в формирование негативного отношения к Западу в остальном мире, включая исламский. Тот факт, что Соединенные Штаты проводят политику протекционизма для своих гигантских корпораций у себя дома и за границей за счет обнищания многих развивающихся стран, также вызывает чувство глубокого негодования у людей, лишенных необходимых условий для нормальной жизни (*Morgan, 2002*).

Соединенные Штаты зачастую воспринимаются другими странами державой, пытающейся единолично править остальным миром.

Они проводят свою международную политику фактически без особых консультаций или координации с лидерами других стран и сообществ. Особенно это присуще политике Ближнего Востока, которая была и продолжает оставаться непоследовательной и необъективной, отрицающей явные факты, игнорирующей волю народов этого региона. Арабы и мусульмане особенно раздражены действиями американского правительства в связи с его безоговорочной и чрезмерной поддержкой Израиля. Тот факт, «...что Соединенные Штаты дают “карт-бланш” Израилю и одобряют его политику и действия безотносительно их оценки, оскорбляют и вызывают раздражение у многих лидеров и социополитических групп в арабском и исламском мире» (*Undercurrent of hostility toward U. S. in Arab world // The Seattle Times, 2002, September 12, p. A10*).

Кроме этого, постоянная угроза, исходящая от США, по использованию военной силы и односторонняя международная политика находятся в ряду основных факторов и причин гнева и негодования. Такое поведение воспринимается как заносчиво-высокомерное и эгоистическое. Население развивающихся стран испытывает к Западу противоречивое отношение «любви — ненависти». Они понимают, что Соединенные Штаты стремятся проводить свои собственные интересы, оказывая поддержку деспотическим режимам и используя сверхсовременное технологическое оружие против тех, кто не с ними (*Morgan, 2002*). Соединенные Штаты заявляют свое «...право нападать и наносить упреждающий удар любому государству, если они решат, что оно разрабатывает оружие массового поражения или оказывает поддержку терроризму. Это фактически — карт-бланш на ведение войны в остальном мире» (*Steele, 2002, p. 12*).

Западное сообщество в целом и Соединенные Штаты в особенности продолжают восприниматься в мусульманском мире как агенты и проводники империализма. Некоторые исламские группы убеждены, что мусульманская земля священна и не должна загрязняться немусульманским присутствием, особенно присутствием иностранных войск, которые ассоциируются в их коллективной памяти с крестовыми походами европейцев. Соединенные Штаты, по всей видимости, являются самым большим и притягательным «мировым магнитом» для терроризма. Это, возможно, обусловлено тем, что они продают оружие различным диктаторам и группам, оказывают помощь в подготовке кадров и поставке им новых технологий (*Moен, 2002*). Эти факты косвенно способствовали поддержанию «рынка агрессии» и создали глобальную индустрию терроризма.

Обсуждение этой темы можно закончить словами Абу-Хашема, одного из признанных специалистов по изучению проблематики международного терроризма:

«Соединенные Штаты крайне нуждаются в культурном просвещении, особенно в сфере глобального осознания и чувствительности. Пребывание мощной державой мира и “номером один” во многих областях жизни не означает автоматического перехода в состояние зрелой, внимательной или даже адекватной державы в культурном отношении» (Abi-Hashem, 2004, p. 83).

Понимание фундаментализма и религиозной воинственности. Многие исследователи рассматривают исламский фундаментализм как «современный продукт» столкновения традиционных ценностей и идеологий с влияниями и ценностями капитализма и социализма западного мира. Убежденные исламские фундаменталисты отрицают секуляризацию и рассматривают ее как разрушительное влияние западной христианской традиции (Choueiri, 1990). Ряд исламистов даже воспринимают секуляризм как источник коррупции, диктатуры и серьезного нарушения гражданских прав и свободы (Tamimi, Esposito, 2000).

Фундаментализм обычно ассоциируется с религией. Поскольку религия неотделима от культуры и политической жизни, фундаментализм стал частью социальной и политической повестки дня. В разных формах существования фундаментализм зависит от важных социальных, политических, технологических и интеллектуальных аспектов переходного периода (Armstrong, 2000). В средствах массовой информации широко обсуждаются темы, связанные с исламской воинственностью. Но фактически религиозную воинственность можно обнаружить во многих других вероисповедованиях и духовных традициях (Medved, 2002). Этот феномен исторически был неотъемлемой частью конфликтов и войн. Некоторые исследователи признают, исходя из духовно-религиозной мировоззренческой доктрины ислама, что исламский фундаментализм имеет тенденцию переводить социополитические концепции в религиозно-идеологические и наоборот. Конкретные теологические положения ислама могут переводиться в политические требования и предписания и в ситуации непосредственного воинственного действия (Moussalli, 1998).

Хотя концепция «джихада» соответствует концепции «священной войны» в других вероисповедованиях, многие исследователи полагают, что джихад в исламе — это намного более серьезное и выраженное

явление, чем священная война в христианской традиции (см., например: Esposito, 1996; Hoveyda, 1998). Как уже отмечалось, джихад может начинаться на разных уровнях и принимать разные формы и моральные основания. Радикальные группы опираются на свою интерпретацию (или «неправильную» интерпретацию) джихада, чтобы оправдать свои религиозные чувства, намерения и действия. И наоборот, в экстремальных формах джихада его носители апеллируют к людям с импульсивными личностными особенностями, ригидной ментальностью и врожденными потребностями, рассматриваемыми ими как важными. Так, Дж. Вудберри объясняет исламский фундаментализм и воинственность следующим образом:

«...Большинству не удается охватить умом многообразие религиозных положений внутри ислама и его оснований. Коран составлен из ответов-высказываний Муххамеда, полученных им, как утверждается, от Бога, чтобы удовлетворять потребности, возникающие в конкретных жизненных ситуациях. Некоторые высказывания носят мирный характер, другие — воинственный. Следовательно, любая позиция может трактоваться путем отбора конкретных версий или иллюстраций из истории» (Woodberry, 2002, p. 4).

Согласно Р. Хичкоку, «два общепринятых объяснения причин терроризма — это чувство несправедливости и религиозный фанатизм, и обе причины достаточно реальны... Религия — это та сфера, где встречаются добро и зло» (Hitchcock, 2001, p. 3).

Однако в справочном руководстве Дж. Сторея и Г. Уттера исламский фундаментализм или исламизм определяются как воинствующее и антимодернистское движение, опирающееся на положение о том, что ислам — это одновременно религия, образ жизни и форма управления государством. Следовательно, «...исламские фундаменталисты...убеждены в абсолютной неразделимости этих трех положений. Эта характеристика маркирует основное отличие между фундаментализмом и либеральными мусульманами» (Storey, Utter, 2002, p. 129).

В арабском языке слово «фундаментализм» переводится как «сверхконсервативный» или как мировоззрение индивидов, придерживающийся оснований своей веры, ее основных принципов. Он может принимать различные формы и проявляться в пассивных и мирных формах или в агрессивных и воинственных (Woodberry, 2002).

Суперконсерваторы, фундаменталисты и исламские экстремисты стремятся подчеркивать и поощрять радикальный экстремизм, конфронтацию и даже воинственность по отношению к Западу. Более того, для радикального исламиста другие люди, которые являются, по его

мнению, причиной ущерба, подавления и несправедливости, воспринимаются тем самым как враги веры. Поэтому подлинные исламисты обязаны бороться с этим злом, отдавая все свои жизненные силы, пока справедливость и религиозная чистота не восторжествуют во всем мире.

В заключение раздела следует отметить, что многие исследователи рассматривают ислам как универсальную религию и защищают его от обвинений в том, что это насильственная религия, нетерпимая к другим религиозным конфессиям, нарушает гражданские права, порабощает женщин, выступает против современных тенденций, что она агрессивна, несовместима с демократией и ненавидит Запад (Akbar, 1999; Cooper, Nettler, Mahmoud, 2000; Courbage, Fragues, 1998; Dalacoura, 1998; Halliday, 1996; Hefner, 2000; Hunter, 1998; Kursman, 1998; Lawrence, 1998 и др.). Эти исследователи считают мусульман мультиэтническим сообществом, которое испытывает большее воздействие со стороны других современных социокультурных и политических систем, чем оно само оказывает. Многие известные авторы утверждают, что «либеральный ислам» остается в силе, развивается и вполне совместим с современной мировой культурой.

Заключительные соображения. Ближний Восток как родина ислама является местом встречи древних цивилизаций с современными обществами и стилями жизни. Он занимает стратегическое место и является своеобразными «воротами входа» на три главных континента мира. Многие представители этого важного региона нормально функционируют, восприняв современные нормы жизни и в то же время сохраняя свои социокультурные обычаи, религиозную идентичность и культурное наследие (Hourani, 1991).

В целом некоторые исследователи условно выделяют четыре главных периода в арабской истории и истории исламского мира в целом, каждый из которых представляет отдельный пласт в их культурном наследии:

- период необразованности и язычества, предшествующий возникновению ислама, во время которого коллективизм и жесткая иерархия власти были главными характеристиками социальной жизни;
- период исламской империи, во время которого исламские армии расширили свое господство от Ирана на Востоке до Испании на Западе и завоевали Северную Африку;

- период стагнации или упадка политической власти и культурного статуса, главным образом между XIV и XVIII вв.;
- период возрождения традиционализма, возврата к истокам исламской духовности и фундаментализма как способов и путей достижения нового культурного синтеза, который может выстоять, выжить и противостоять в конкуренции с западным модернизмом и либерализмом (Dwaig, 1998, p. 6–15).

Рост и экспансия ислама во второй период исторического существования ознаменовались мощным религиозным, культурным и политическим развитием и рождением одной из главных мировых цивилизаций, достигшей вершин процветания в архитектуре, науке и литературе. В этот период, по мнению специалистов-востоковедов, подавляющая часть Европы продолжала существовать «на задворках бескультурья». Многие группы мусульман в настоящее время пытаются возродить былую славу. Мусульманские государства обладают гигантскими финансовыми ресурсами. И это дает им уверенность в своих силах, питает чувство благословения от Господа (Аллаха) и, следовательно, укрепляет их решимость и обязанность следовать Его единственно верным путем (Youssef, 1991).

В последние десятилетия в условиях углубляющейся глобализации многие исламские религиозные движения пытаются развить политическую активность, социальный реформизм и теологию освобождения против очень трудных реалий современного времени.

«Естественный вопрос, перед которым встали многие исследователи, занимающиеся проблемами исламского возрождения,— это вопрос о том, окажется ли это возрождение и модернизация совместимыми процессами» (Abu-Rabbi, 1996). Согласно некоторым исследователям, радикальные исламские группы пытаются соединить средневековую теологию с современной политикой. Они отвергают западные ценности, отказались от панарабизма и начали собственное активное движение (см., например: Sivan, 1985, p. 78). В то же время они испытывают напряженность выбора между традиционализмом и секуляризмом, поскольку современный ислам продолжает развиваться. Во многих секторах Ближнего Востока интеграция социальной справедливости, прогрессивных жизненных стилей с чистотой исламской веры стали либо осторожными и осмотрительными, либо слишком либеральными и быстрыми. Этот факт создал совершенно новую социокультурную динамику. Хотя ислам традиционно является экспансионистской религией и идеологией, фундаменталистская идеология по своей сути является консервативной и реакционной, посто-

янно стараясь исключить западное влияние на исламскую культуру (Choueiri, 1990).

Следует отчетливо представлять, что ислам не просто религия (как теологический феномен), он в равной мере — явление социополитическое. Некоторые исследователи даже утверждают, что ислам — это и политическая идеология (см., например: Malik, 2000; Moussalli, 1998). В целом можно утверждать, что существует две базовые формы ислама: социально-культурная и политико-идеологическая. Очевидно, что ислам имеет элементы, которые можно применять как к явлениям социальной жизни, так и к политической системе. Поэтому нет большой разницы между тем, что считать религиозно-духовным, и тем, что является цивилизационно-секулярным. Именно это обстоятельство отражает силу и богатство ислама, с одной стороны, и пределы понимания и ограниченность большинства «секуляризированных» людей, не принадлежащих к исламу, в отношении чувств и представлений об исламской культуре — с другой (см., например: Esposito, 1996; Novyda, 1998; Malik, 2000).

Понимание именно этих фундаментальных религиозно-духовных различий в мировоззрении и политической практике двух ведущих цивилизационных парадигм существования и современные тенденции мирового цивилизационного развития ставят анализ проблемы международного терроризма в более широкие рамки социокультурного цивилизационного контекста. А это, в свою очередь, выдвигает на первое место при решении проблемы терроризма вопросы взаимного понимания, необходимости содержательного межкультурного диалога и объективной необходимости смены парадигмы однополярного (в широком смысле) существования.

РАЗДЕЛ II

Индивидуально-личностные и социально-психологические факторы мотивации терроризма

ГЛАВА 5

МОТИВАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ

В первом разделе было отмечено, что в социальной психологии есть внушительный корпус данных, объясняющих мотивацию проявления террористической активности. Проблема мотивации терроризма, как и сам феномен, имеет комплексный, иерархический характер. Она может рассматриваться на трех уровнях: индивидуально-личностном, внутригрупповом и межгрупповом.

Однако следует уточнить, что триединство проблемы можно развести на эти уровни только теоретически, с определенной долей условности. Это связано с тем, что структура личности индивида содержит все многообразие отношений с окружающим миром, выступая одновременно регулятором его жизнедеятельности.

Это положение в теоретико-концептуальном плане хорошо иллюстрируется психологией «Я-концепции» человека и категорией «социальной идентичности» личности. В операциональном плане Я-концепция личности — это совокупность представлений индивида о себе самом вместе с эмоционально-оценочными компонентами этих представлений, она реализует мотивационно-регуляторную функцию в поведении личности (Журавлев, Соснин, Красников, 2006). В целом мотивационная функция Я-концепции, регулирующая поведение человека, состоит в следующем:

- Каждая социальная ситуация воспринимается и оценивается в соответствии с теми компонентами «Я-образа», которые актуализируются в этой ситуации и которые индивиду необходимо проявлять (поддерживать, защищать, избегать и т. п.).
- На основе базовой потребности поддерживать и защищать свое «Я», потребности в положительной самооценке, а также (и это самое главное) в зависимости от субъективной значимости для индивида тех параметров Я-концепции, которые активированы ситуацией, формируется и вырабатывается конкретная форма поведения в данной ситуации.

Я-концепцию личности как совокупность представлений о себе самом можно представить в виде континуума: на одном полюсе располагаются индивидуально-личностные характеристики (и соответствующие мотивации поведения), на другом — социально-категориальные.

В соответствии с этим любую мотивацию поведения человека можно представить также в виде континуума: на одном полюсе — индивидуально-личностная мотивация и взаимодействие, на другом — межгрупповое. Когда ситуация активизирует в сознании индивида социально-групповые параметры Я-концепции (т.е. на первое место выходит социальная идентичность), то он действует как член группы, когда индивидуально-личностные — мотивация и взаимодействие остается на межличностном уровне.

Другими словами, именно социальная часть «Я-концепции», которая определяет принадлежность человека к группе (или группам), его «социальное лицо», обеспечивает одинаковость и координацию группового поведения. Чем ближе социальная ситуация в ее субъективном восприятии к межгрупповому полюсу континуума, тем сильнее проявляется тенденция к единообразию поведения человека как члена своей группы к другой группе, и склонность воспринимать членов другой группы как ее обезличенных представителей, т.е. недифференцированно.

В психологических исследованиях мотивации терроризма при ее рассмотрении на разных уровнях — индивидуально-личностном, групповом и межгрупповом — необходимо учитывать неразрывную связь всех уровней и то, какой аспект проблемы мотивации выдвигается на первое место.

При рассмотрении истоков терроризма в первой главе акцент был сделан на базовых социальных потребностях, которые при определенных обстоятельствах могут мотивировать людей к вступлению на путь терроризма. Однако в ряду психологических проблем терроризма есть один аспект, который, по-видимому, является наиболее интригующим и значимым, — это психология самих террористов, их развитие, мотивации, личностные характеристики, способы принятия решений, поведение в группах и, можно сказать, их психопатологические особенности.

В целом на практике психологические исследования сталкиваются с рядом проблем, которые косвенно, но очень существенно ограничивают или даже фальсифицируют их результаты. Это происходит, как принято считать, из чрезмерного акцента либо на чисто психологическом объяснении, либо на слишком узком определении проблемы (Reich, 1998). Представляется оправданным рассмотреть и обозначить некоторые такие проблемы, опираясь на исследовательскую практику.

Прежде всего, необходимо отметить *проблему недоступности прямого исследования личностных особенностей террористов и их индивидуальной мотивации* вступления в террористическую группу. Многие террористы полагают, что любые попытки объяснить их мотивацию в психологических терминах внешним наблюдателем понижают значимость и законность их идей, действий и вообще их существования. У них, естественно, нет никаких иллюзий в отношении того, что они смогут обратить исследователя, который хочет с ними встретиться, в свою веру. Тем более что этот исследователь, скорее всего, будет восприниматься как представитель правительства, общества или класса, против которого они осуществляют свои террористические действия.

Согласие встретиться с психологом или психиатром чаще террористы проявляют тогда, когда они уже начали испытывать сомнения в отношении своей деятельности. В этих случаях получаемая информация, независимо от ее полноты, неизбежно будет испытывать влияние смены психологической ориентации. С другой стороны, исследование осужденных террористов также имеет свои проблемы. Если они соглашаются отвечать на вопросы психолога или вообще участвовать в проведении исследования, то зачастую мотивация их согласия состоит в том, чтобы либо сократить дефицит общения в условиях длительного тюремного заключения, либо получить возможность проявить защитные реакции при взаимодействии с исследователем. Эти условия создают особые требования к интерпретации информации, полученной в ходе исследований.

Следующая проблема — *это чрезмерное обобщение получаемых результатов* или теоретических аргументаций. Как показывает историческая практика, террористические акты осуществляются совершенно разными людьми с широким спектром убеждений и целей, а порой и при их отсутствии. Поэтому не вполне оправданно переносить психологические мотивации одной категории террористов на объяснение всего многообразия их разновидностей. Действительно, имеющиеся примеры психологического анализа терроризма «перенасыщены» объяснениями, которые игнорируют или затемняют многообразие и комплексность проблемы (см., например: Соорег, 1977, 1978).

Известный исследователь проблем психологии терроризма В. Рейх отмечает:

«Даже беглый взгляд на историю терроризма показывает, насколько это многообразное и сложное явление. И следовательно, насколько тщетно и бесполезно приписывать простые, глобальные

и обобщающие психологические характеристики всем террористами и всем видам терроризма» (Reich, 1998, p. 262–263).

Более того, сами террористические группы могут менять свои характеристики и целевую направленность (что уже отмечалось выше). В терроризме существует множество смешанных пограничных условий, влияющих на мотивацию террористической активности. Дискуссия по этой проблеме в исследовательской практике возникала еще в конце 1980-х годов (см., например: Laqueur, 1987).

В целом урок, который необходимо извлечь психологам-исследователям из долгой истории терроризма, особенно из многообразия и комплексности этого системного феномена, показателен не только для исследования мотивации и личностных особенностей террористов, но и для изучения террористических групп, их внутри- и межгрупповой динамики. Хотя способ осуществления террористических актов может совпадать у разных групп, в своих идеологических, религиозных и иных ориентациях они обычно существенно различаются. И если вопрос адресовать к индивидуальным террористам, то их «похожесть», по меньшей мере, будет соотносима с их различиями.

С проблемой чрезмерного обобщения близко связана проблема психологического редукционизма. Неоправданно приписывать всем формам террористического поведения одну (ту или иную) конкретную причину.

Одним из типичных примеров в истории изучения поведения преступников и террористов была попытка его объяснения врожденными личностными особенностями и характеристиками, т.е. биологическими причинами на основе идей С. Ломброзо*. Проблематичными были попытки объяснять мотивацию поведения террористов их психопатологией (психопатия, нарциссизм, суицидальные наклонности и т.п.)**.

Естественно, террористические группы находятся на «обочине» обществ. И эти группы, по-видимому, привлекают к себе индивидов с различными психическими отклонениями. Представляется ясным, что террористы в целом действуют на вполне рациональном уровне

---

* Обсуждение применимости идей Ломброзо к объяснению поведения террористов биологическими причинами см.: Laqueur, 1987; Hubard, 1983.

** Это направление исследований также было подробно рассмотрено в ряде аналитических обзоров. Было аргументированно доказано, что основной мотивацией поведения террористов не могут быть их психопатологические особенности (см., например: Corrado, 1983; Cooper, 1977, 1978).

и не страдают от психических расстройств. Большинство специалистов убеждены в том, что психопатология не является основным источником террористической мотивации и активности (см., например: Ferracuti, Bruno, 1983).

К таким же выводам приходят исследователи в отношении определения типичного профиля личности террориста. Многочисленные попытки найти и вычлнить такой профиль не привели к однозначному результату. В имеющейся практике анализа личности террориста существует тенденция приписывать его поведению набор конкретных психологических механизмов, процессов или характеристик. Однако эти теоретические объяснительные модели (подробнее см. ниже) можно считать лишь предположительными гипотезами, требующими эмпирического обоснования.

Еще одной проблемой при изучении мотивации терроризма зачастую является *недостаточное внимание исследователей к вопросу значимости физических и материальных выгод как мотивирующего фактора вступления в террористические группы*. Конечно, жизнь террориста может удовлетворять ряд потребностей, не относящихся к материальной стороне жизни. Это поддержка и одобрение другими членами террористической группы, повышение самооценки, возможность совершать насилие, выступать против ценностей родителей и членов общества, которых индивид считает ответственными за свои жизненные неудачи, и других ценностей, которые мы не можем разделять и одобрять. Но и другие обстоятельства могут играть важную роль в принятии решения вступить в террористическую группу: это власть, материальные привилегии и даже здоровье (O'Brein, 1986). Эти мотивации особенно привлекательны для молодых людей из бедных слоев населения. Подобные побуждения, объединяемые вместе, обладают мощным мотивационным потенциалом для многих людей для вступления на путь терроризма. И этот аспект необходимо учитывать при исследовании мотивации.

Актуален также *вопрос игнорирования рациональных причин мотивации террористической деятельности*. Многие террористические группы обычно выдвигают стратегические обоснования и рациональные причины (идеологические, религиозные, националистические и др.) для объяснения своей активности. И ряд исследователей предпочитают считать, что эти причины являются только ширмой других, реальных причин, которые должны выводиться/идентифицироваться из глубинных психологических потребностей. Иногда это соответствует действительности, но редко. Многие воспоминания бывших терро-

ристов дают достаточно оснований для объяснения рациональной стратегии или стратегий террористической деятельности (Reich, 1998). В целом при исследовании мотивации терроризма следует помнить и учитывать, что, хотя рациональные объяснения — это позиции самих террористов, они во многих случаях имеют стратегический смысл. В той степени, в какой они таковыми являются, в психологических исследованиях ими не следует пренебрегать. Стратегическая идеология может мотивировать террористическую деятельность не в меньшей мере, чем эмоциональная, психологическая логика.

И наконец, последняя проблема состоит в *игнорировании во многих случаях государственного терроризма и деструктивных действий властных структур и правительств*. Как отмечают многие критики, особенно левого политико-идеологического направления, исследования терроризма имеют тенденцию по идеологическим убеждениям игнорировать тот вид терроризма, который имеет более деструктивные последствия, чем любой другой терроризм, — это терроризм, осуществляемый государствами против собственного народа. В результате такого отношения многие специалисты по проблеме терроризма имеют тенденцию рассматривать феномен терроризма полностью в негативных терминах и представлениях. Все сказанное, как уже отмечалось ранее, ни в коей мере не означает попытки оправдания международного терроризма как борьбы за свои национальные интересы. Представленные рассуждения позволяют подойти к осмыслению проблемы международного терроризма с разных системных оснований.

Кроме этого, многие исследователи терроризма являются представителями западных обществ; они склонны/предрасположены поддерживать те режимы и типы государственного устройства (скажем, либеральную демократию), которые являются объектом очень многих террористических групп. Поэтому они не способны или не хотят (в силу своих идеологических убеждений) видеть пути и способы, которыми эти государства и режимы угнетают и подавляют конкретные сообщества и меньшинства или поддерживают другие страны, которые это делают. Такая политика угнетения в определенном смысле является формой терроризма, которая зачастую по масштабам, последствиям и жестокости превосходит действия «негосударственных» террористов*.

---

* Следует отметить, что эта позиция была однозначно сформулирована еще в 1977 г. А. Арбластером, который осуществил критический обзор одиннадцати работ по терроризму, опубликованных к тому времени (Arblaster, 1977).

В целом террористические действия, осуществляемые индивидуальными террористами и террористическими группами, по характеру, стратегиям, масштабу и мотивациям отличаются от действий, осуществляемых государствами против конкретных групп собственного населения, которые находятся в оппозиции или считаются «неблагонадежными» для этих государств. Природа террористического поведения и природа моральных и психологических проблем, возникающих в результате этого поведения, различны у государственного и негосударственного терроризма и требуют различных методов анализа.

В заключение обсуждения общих проблем изучения мотивации терроризма следует констатировать ряд позиций. Терроризм — это комплексное системное и многоуровневое явление. Не стоит думать, что *все* террористы имеют одни и те же мотивации, цели и формы поведения. Такие установки приведут к неоправданным обобщениям и к психологическому редукционизму. При анализе проблем мотивации терроризма необходимо обращать особое внимание на идентификацию конкретных индивидов и групп, поведение которых изучается, и ограничивать свои объяснения именно теми контингентами изучаемых лиц и групп, четко выделять обстоятельства и условия, при которых предлагаемые объяснения являются валидными, не предлагать этих объяснений к более широкому кругу явлений. Изучение возможных выгод от «террористической жизни» дает важную дополнительную перспективу в понимании террористической мотивации. Достижение статуса и комфорта — это привлекательные цели для всех секторов общества как на Западе, так и на Востоке, как для развитых стран, так и для стран третьего мира. Это также, по-видимому, является мощной мотивацией террористической активности и требует более глубокого анализа.

Вполне понятно, что непосредственное изучение террористов проводить трудно, но очень важно. Когда это невозможно, следует привлекать высказывания террористов, которые становятся достоянием гласности (благодаря их мемуарам, декларациям и т.п.), хотя по большей части такая информация требует особо тщательной интерпретации для понимания комплексности проблемы мотивации террористической деятельности.

ГЛАВА 6

МОТИВАЦИЯ ТЕРРОРИЗМА НА ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОМ УРОВНЕ: СИМТОМОКОМПЛЕКС ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА

6.1. Личность ТЕРРОРИСТА: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Полученные в исследованиях данные позволяют представить симптомокомплекс индивидуально-личностных качеств, характеризующих террориста: агрессивность, депрессивные состояния, чувство вины, приписывание себе и другим недостатка мужественности, эгоцентризм, крайняя экстраверсия, потребность в риске и принадлежности к группе, поиск сильных ощущений.

Большинство исследователей мотивации терроризма на индивидуальном уровне отмечают, что явная психопатология среди террористов — достаточно редкое явление, и для этого утверждения есть основания. Вместе с тем можно выделить ряд личностных предрасположенностей, которые часто становятся побудительными мотивами вступления индивидов на путь терроризма: сосредоточенность на защите своего Я путем проекции с постоянной агрессивно-оборонительной готовностью; недостаточная личностная идентичность, низкие самооценки, элементы расщепления личности; сильная потребность в присоединении к группе, т.е. в групповой идентификации или принадлежности; переживание социальной несправедливости со склонностью проецировать на общество причины своих неудач; социальная изолированность и отчужденность, определение своего места на обочине общества и потеря жизненной перспективы (Психологи о терроризме: круглый стол, 1995).

При этом нельзя утверждать, что приведенный набор характеристик является каким-то обобщенным профилем типичного террориста. В ряде случаев важное значение имеют политико-идеологические и религиозные мотивы вступления в террористическую группу. Но нельзя исключать и того, что они могут являться формой рационализации более глубинных личностных мотивов — стремления к укреплению личностной идентичности и потребности в принадлеж-

ности к группе. *Представляется, что эта проблема требует дополнительного теоретического и эмпирического анализа.* Террористическая группа в психологическом смысле снимает у индивида неполноту и расщепленность психосоциальной идентичности. Группа становится для террориста стабилизирующим психологическим основанием, позволяющим чувствовать себя полноценной личностью, обрести смысл жизни (неважно, что это будет суррогатным замещением подлинных смыслообразующих ориентаций), и в то же время — мощным психологическим механизмом духовной, ценностной и поведенческой стереотипизации.

На уровне внутриличностного социально-психологического анализа терроризма основные усилия психологов были направлены на разработку психологических моделей личности террориста с привлечением соответствующих теоретических обоснований и исследований мотивов совершения террористических актов.

В психологической исследовательской практике были предложены (с некоторыми вариациями) три модели (см., например: Психологи о терроризме, 1995). Первая модель — это *террорист по идеологическим, политическим и религиозным убеждениям.* Террорист такого типа искренне считает, что его действия, независимо от конкретных результатов, полезны для общества и что любые жертвы для достижения «справедливых» целей оправданы. Сфера сознания у террориста такого типа крайне сужена теми или иными идеологическими, религиозными доктринами, им же подчинена его эмоциональная сфера. Поэтому он способен совершить все, что угодно. В политическом смысле это фанатик, в психологическом — либо идейный защитник своих ценностных, мировоззренческих установок, либо — психопат.

Вторая модель опирается на теории человеческой агрессивности: *террорист — это просто крайне агрессивный человек по своим личностным особенностям,* а его участие в террористической деятельности — один из возможных вариантов проявления природной агрессивности. Для объяснения этой модели привлекается ряд теорий агрессивности, предложенных мировой психологической наукой (социал-дарвинистская концепция этноцентризма, теория группового нарциссизма и инстинкта смерти З. Фрейда, этологические концепции инстинктивной природы агрессивности человека и т.д.). Хотя эти теории были подвергнуты критике, их объяснительный потенциал позволяет выдвигать гипотезы для изучения поведения террористов. Например, согласно бихевиористской теории фрустрации-агрессии Доллара-Миллера, чувство фрустрации, порожденное невозможностью для

человека по каким-то причинам достичь жизненно важных целей, неизбежно порождает у него тенденцию к агрессивным действиям, в том числе — обращение к террористической деятельности. Если не абсолютизировать эту концепцию как единственный и универсальный способ объяснения агрессивного поведения человека, то можно признать, что в ряде случаев она применима для понимания склонности человека к террористическим действиям.

В качестве третьей модели можно представить *случай психопатологического или социально-патологического развития личности ребенка* ввиду ненормальных отношений в семье. Жестокое обращение родителей с ребенком, его социальная изоляция, дефицит добрых отношений могут привести к формированию агрессивно-озлобленной личности с антисоциальными наклонностями. При определенных условиях люди такого психологического склада легко могут стать адептами террористической организации.

В этой связи отметим, что теория когнитивного диссонанса подчеркивает роль такого фактора, как вовлеченность индивида в террористическую деятельность: чем более длительным является пребывание человека в составе террористической группы, тем более возрастает его стремление найти идейные оправдания своих поступков. В русле концепций социального научения рассматривается *роль механизмов подкрепления, социализации и когнитивных искажений* в личности преступника (моральное самооправдание, занижение величины ущерба и т.д.), направленных на сохранение положительной самооценки (Bandura, 1999 и др.). **Наконец, известно, что на включение индивида в террористическую деятельность влияет трезвый расчет, субъективная оценка возможных рисков и выгод.** Наибольшую роль эта рациональная составляющая играет в криминальном сообществе и особенно в политическом терроризме (Crenshaw, 1998).

Кроме этого, изолированность террористических групп от остального сообщества определяет особенности их внутригрупповой динамики. С одной стороны, отсутствие или нарушение межгрупповой коммуникации способствует формированию у членов террористических групп негативной стереотипизации и предрассудков, группового фаворитизма и межгрупповой дискриминации при интерпретации действий «своих» и «врагов». С другой стороны, изолированность группы и постоянная угроза преследований усиливают сплоченность, групповое давление, конформность. Влияние лидера на остальных членов группы приводит к развитию феноменов «группового мышления», таких, как групповая поляризация, размывание ответственности,

недооценка последствий, склонность совершать рискованные поступки, «туннельное видение». Наконец, необходимость конспирации делает непроницаемыми границы группы изнутри: тот, кто покидает группу, угрожает безопасности остальных ее членов и подвергается преследованию. Указанные внутригрупповые факторы ослабляют внешнее социальное влияние, оказываемое на членов террористических групп со стороны близких родственников и значимых других.

6.2. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА

Поскольку реальное эмпирическое изучение личности террористов возможно только «постфактум», т.е. тогда, когда преступное деяние террористического характера совершено, а исполнители остались живы и задержаны, то эти исследования, как правило, проводятся в структурах правоохранительных органов и зачастую закрыты или полужакрыты. А исследования, проводимые специалистами, не принадлежащими к структурам правоохранительных органов, как правило, осуществляются с большим «временным лагом» и, естественно, сильно ограничены в своей исследовательской базе (интервью, мемуары, идеологические декларации и т.п.).

Можно назвать лишь отдельные работы, в которых изучалось отношение к терроризму (представления о терроризме) в связи с индивидуально-психологическими особенностями личности респондентов (см. например: Багуева, 2007; Короткина, Княгина, 2007). Эмпирических исследований на социально-психологическом уровне фактически нет.

Во вводной главе к разделу мотивации терроризма был обозначен ряд проблем, связанных с исследованием мотивации террористической деятельности. Рассмотрены типологические модели личности террористов, предложенные исследователями для объяснения мотивации вступления на путь терроризма. Эти модели в настоящее время являются теоретическими гипотезами. Поэтому представляется оправданным соотнести представленные выше положения с имеющейся эмпирической исследовательской практикой.

В данном подразделе будут кратко обозначены особенности и некоторые результаты эмпирических исследований личности террористов, их мотивации в зарубежной исследовательской практике и открытых (крайне ограниченных) публикациях, проводимых в структурах отечественных правоохранительных органов.

Прежде всего, необходимо еще раз подчеркнуть, что сравнительные исследования психологии террористов не обнаружили особой личностной психопатологии (Post, 1984). Эти данные согласуются с исследованиями М. Криншоу. В 1960-х годах она исследовала террористическую деятельность членов Национального Фронта освобождения Алжира (NLFA) и обнаружила, что они в основном являются нормальными людьми. Она пришла к выводу, что «...самой общей характеристикой террористов является их нормальность» (Crenshaw, 1981).

К аналогичным выводам пришел К. Хескин, который изучал членов Ирландской республиканской армии (IRA), эмоционально неустойчивых людей или людей с расстройствами среди них обнаружено не было (Heskin, 1984).

В аналитическом обзоре социальной психологии террористических групп Маккули и М. Сигал пришли к заключению, что «...наиболее хорошо задокументированное обобщение, которое можно сделать, приводит к негативному выводу: террористы не обнаруживают какой-либо явной патологии» (McCauley, Segal, 1987).

Сравнительные исследования также не выявили конкретного психологического типа личности террориста, определенного набора личностных характеристик, близкого типа мышления. «Хотя на путь терроризма вступают разные типы личностей, анализ воспоминаний бывших террористов, судебных материалов по осужденным террористам и редкие интервью с ними позволяют предполагать, что людей с особенными личностными чертами и тенденциями среди террористов диспропорционально мало, судя по изученным материалам террористов» (Post, 1984, p. 27).

Каковы же особенные личностные характеристики, присущие террористам? Ряд авторов характеризовали террористов как агрессивных людей, ориентированных на действия, которым не хватает обычной жизненной стимуляции и которые стремятся к поиску «горячих» ощущений (Analysen zum Terrorismus, 1981).

Особенно поразительным, отмечают авторы, является их опора на психологические механизмы «*экстернализации*» (объяснение поведения как зависящего от внешних обстоятельств) и «*психологического расщепления*», т.е. одновременного существования в личности террориста противоречивых, несовместимых обоснований поведения: что хорошее, то мое, что плохое — не мое (Kernberg, 1975).

Эти данные свидетельствуют о том, что многие террористы имеют пограничные или нарциссические личностные расстройства или пси-

хологические защитные механизмы экстернализации и расщепления. Хотя многие специалисты подчеркивают, что эти мотивационные механизмы обнаруживаются с достаточно большой частотой среди популяций исследованных террористов и, естественно, дают существенный вклад в одинаковость демонстрационного стиля поведения террористов и их специфической психологии.

Считается, что наиболее важным для понимания поведения террористов является механизм «психологического расщепления». Эта личностная характеристика типична для людей, у которых личностное развитие обуславливается конкретным типом психологического травмирования в период детства. И это приводит к формированию такого личностного качества, которое клиницисты называют «нарциссические раны» или к развитию так называемой «ущербной личности» (Kohut, 1983).

Индивиды с травмированной Я-концепцией не могут полностью интегрировать «хорошие» и «плохие» характеристики своего Я. Я-представления «ращеплены» на дихотомичные категории «мое», «Я», и «не мое», «не-Я» (т.е. «хорошее» — «мое», а плохое — «не мое»). Индивид с такой личностной констелляцией идеализирует свое «грандиозное» положительное Я и *отделяет* и *проецирует* на внешнее окружение все свои отрицательные характеристики и проблемы, свои «слабости».

Индивиды, которые в основном опираются на механизмы «расщепления» и «экстернализации», стремятся искать источник собственных жизненных трудностей не в себе, а во внешнем мире. Они нуждаются в наличии внешнего врага, которого можно было бы обвинить в неудачах в своей личной жизни. Этот доминирующий механизм исследователи называют механизмом «деструктивного харизматика» (Post, 1986). Люди с таким типом личности находят поляризованную абсолютистскую риторику терроризма особенно привлекательной.

Исследователи мотивации терроризма соглашаются, что, по-видимому, наиболее строгое, опирающееся на имеющуюся эмпирическую базу исследование социального происхождения и психологии террористов было проведено «консорциумом» социальных ученых Западной Германии при спонсорстве Министерства внутренних дел страны (Analyzen zum Terrorizismus, 1981, 1982, 1983, 1984).

Этот цикл исследований был опубликован в четырех томах, два тома представляют особую ценность для понимания психологических оснований террористической деятельности. Это второй том, посвя-

ценный социально-психологическому анализу жизненных биографий террористов, и третий том, в котором рассмотрены групповые процессы террористической деятельности.

Ученые проанализировали жизненный путь 250 террористов Западной Германии. Из них 227 человек были представителями левой политической ориентации, 23 — правой. Особенно интересными представляются данные, полученные при анализе членов организаций «Фракция Красной Армии» (Red Army Fraction) и «Движение 2 июня» (2 June Movement). У террористов был обнаружен высокий уровень неполных семей. Около 25% левых террористов потеряли одного или обоих родителей к возрасту 14 лет; потеря отца, как было обнаружено, стала для личности будущего террориста особенно разрушительной. 79% респондентов сообщили о серьезных конфликтах с властными структурами, с родителями (33%). Они описывали отца, если он был, в самых враждебных выражениях. Около одной трети исследованных респондентов привлекались в молодости к судебным преследованиям. В целом исследователи приходят к заключению, что террористы, жизненный путь которых они изучали, продемонстрировали модель «личности неудачника» (человека, ориентированного на успех, но склонного к неудачам) и в семейном, и в образовательном, и в профессиональном (трудовом) аспектах. Их характеризовали начало карьеры террориста как «конечную точку в серии безуспешных попыток жизненной адаптации».

В то же время был выявлен ряд особенностей, которые трудно было сравнивать с характеристиками других лиц того же возраста, находящихся на обочине общества. Были выявлены две группы личностных характеристик, присущих исследованной выборке:

— экстремальная зависимость от террористической группы, экстраверсия как личностная характеристика (в том числе — паразитический образ жизни и стремление к «взбадриванию» своей жизненной активности);

— враждебность, подозрительность, агрессивность и защитно-агрессивное поведение как доминирующий стиль взаимодействия с другими людьми.

Однако, несмотря на то, что это исследование было междисциплинарным, оно не избежало последующей критики ввиду отсутствия контрольной группы. Остались без ответа вопросы о том, в какой степени выявленные статистические параметры соотносятся с населением Западной Германии в целом.

Материалы, полученные в результате интервьюирования и анализа воспоминаний самих террористов, в определенной мере под-

тверждают приведенные выше тенденции. Психоориентированные интервью с заключенными террористами из «Фракции Красной Армии», проведенные Л. Боллингером, обнаружили, что истории их развития характеризовались нарциссическими «ранами» и доминирующей опорой на психологические механизмы расщепления и экстернализации (Bollinger, 1982).

Однако специалисты отмечают: чтобы быть уверенными в получаемых результатах, следует понимать, что каждая террористическая группа уникальна и должна изучаться в контексте своей собственной национальной культуры и истории. Поэтому исключительно неразумно распространять и обобщать изученные характеристики западно-германских террористов левого толка на представителей других террористических групп.

Представляют интерес результаты исследования террористов из организации «Красные бригады» в Италии с использованием контингента политически активной молодежи в качестве контрольной группы (Ferracuti, 1983). Эти результаты, изложенные на конгрессе, произвели большое впечатление в связи с выявленным фактом: по семейному происхождению террористы особенно сильно отличаются от «бэкграунда» членов «мирных» оппозиционных движений. Было обнаружено отсутствие какой-либо большой патологии, но действительно обнаружены некоторые личностные характеристики (Ferracuti, Bruno, 1981).

Р. Кларк, исследуя социальное происхождение террористов из баскской террористической организации ЕТА, выявил интересную тенденцию. Регион проживания басков в Испании исключительно однороден. Только 8% семей имеют смешанные баскско-испанские корни (Clark, 1983). И к молодому поколению, выходцам из этих семей, относятся как к поколению полукровок с большой долей пренебрежения и уничтожения. Однако изучение членов ЕТА показало, что намного большее количество выходцев из этих семей (больше 40%) считают, что они занимают маргинальное положение в испанском обществе. И эти молодые люди, отодвинутые на обочину общества, как полагает Кларк, в террористической деятельности стремятся обрести свою идентичность и избавиться от неопределенного конфликтно-противоречивого статуса. Пытаясь «стать басками больше самих басков», они через участие в террористической деятельности стремятся обрести и продемонстрировать свою аутентичность.

Многие характеристики членов террористических групп, отмеченные различными авторами, по-видимому, присущи контингенту

террористических групп левого толка. Например, Дж. Пост, проанализировавший социально-психологические процессы, посредством которых индивиды идентифицируют себя с террористической группой как средством разрешения своих интрапсихических конфликтов, считает, что это является достаточно общей тенденцией в террористических группах, по крайней мере, светского идеологического спектра (Post, 1984, 1986).

Хотя происхождение и социально-психологическая динамика членов террористических групп анархистско-идеологической ориентации и националистически ориентированных сепаратистов совершенно различны, отмечает Пост, в обоих случаях акт присоединения к террористической группе является попыткой консолидировать свою фрагментированную психологическую идентичность, преодолеть расщепленность собственного Я и, что особенно важно, ощутить принадлежность к значимой группе. Подобные сравнительные данные недоступны для членов террористических групп религиозной ориентации. Однако специалисты, занимающиеся изучением террористической активности в регионе Ближнего Востока, разделяют мнение, что многие члены этих террористических организаций происходят из маргинальных слоев общества, и принадлежность к фундаменталистским или националистическим группам является мощным мотивирующим импульсом для консолидации психологической идентичности (подробнее см. гл. 7).

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что большинство террористов не проявляют серьезной психопатологии. И хотя не существует единственного типа личности террориста, по-видимому, люди с агрессивными наклонностями, ориентированными на действия и чрезмерно опирающиеся в регуляции своей жизненной активности на психологические механизмы экстернализации и расщепления, в диспропорционально большом количестве (в сравнении с другими людьми) являются террористами. Данные свидетельствуют о том, что многие террористы оказывались неудачниками в своей личной, образовательной и профессиональной жизни. Комбинация переживания личностной неадекватности с опорой на психологические механизмы экстернализации и расщепления приводят их к поиску особенно привлекательной группы людей, мыслящих так же, как и они, опирающихся на жизненное кредо: «Это не мы — это они; они причина наших проблем» (Post, 1998, p. 31).

В соответствии с данными изучения личностных особенностей и мотивации террористов можно предположить, что принадлежность

к террористическим группам и изоляция от общества подкрепляет идеологию террористов и усиливает их мотивацию к продолжению террористической деятельности.

Что происходит в сознании террористов, которые решают порвать с терроризмом, фактически ничего не известно. Доступные материалы (в основном западные) — небольшое число интервью с бывшими террористами и ряд опубликованных автобиографий, в которых реальные мотивы остаются скрытыми под покровом рациональных объяснений, рассуждений и реинтерпретации реальности с целью собственной реабилитации. Многие террористы мотивируют свое вступление на путь терроризма стремлением реализации своих жизненных возможностей, которых, как они полагают, они были лишены. В момент, когда террористическая активность не приносит им ожидаемых дивидендов, они могут раскаяться и предать (Franchi, 1984). А основное рациональное объяснение изменения поведения бывших террористов, которые не раскаялись, но оставили террористическую деятельность, в основном опирается на следующую объяснительную схему: «Мы не раскаялись, мы просто устали» (Buffa, Guistolisi, 1984). Вполне понятно, что необходимо проведение сравнительных исследований, связанных с этой проблематикой.

Как можно судить по открытым публикациям, в структуре научных подразделений отечественных правоохранительных органов направление исследований личности террориста, его психологических характеристик и структуры мотивационной сферы остается достаточно значимым как с точки зрения разработки общих психологических профилей личности террориста, так и в прикладном плане — путей построения воспитательного и психокоррекционного воздействия на осужденных за террористическую деятельность.

В частности, можно назвать реализацию большой целевой программы эмпирических исследований личности террориста, осуществляемой Академией права и управления ФСИН России совместно с Институтом гуманитарного образования (Гришко, Сочивко, Гаврина, 2006; Сочивко, Гаврина, Боковиков, Белокуров, 2006).

Результаты исследований помогают глубже понять структуру личности осужденного за террористическую деятельность, специфику его мотивационной сферы и организовать профилактику таких преступлений. Выводы авторов позволяют утверждать, что осужденные террористы представляют особый тип преступника, отличающегося определенным набором личностных признаков:

- негативное мировоззрение, сформированное под воздействием элементов социальной среды, содержанием которого является несоответствие между образом социально-приемлемой (идеальной) картины мира, самого себя в реальной жизни и возможностями самореализации. Это противоречие трансформируется в субъективное ощущение личностной и социальной неадекватности, мотивирующей к деструктивной самореализации;
- одной из наиболее типологических черт осужденных террористов является то, что они находятся на определенно отчужденной социально-психологической дистанции от общества; данные постоянно фиксируют их психологическое отчуждение от общих ценностей, закрепленных в моральных и правовых нормах. Они как бы отчуждены от них, изолированы от малых социальных групп (семей, друзей), отдалены от «малой» родины (Гришко, Сочивко, Гаврина, 2006, с. 21).

При этом совершение преступлений террористического характера способствует поддержанию особого образа жизни, детерминированного психологическим отчуждением личности. И именно отсутствие возможности самореализации в нормальном обществе способствовало их вступлению в террористические организации, где они находили психологическую поддержку в плане положительной групповой идентификации. Таким образом, в определенной степени эмпирически подтверждается наличие симптомокомплекса личности террориста. Исследования позволили установить, что на следствии большинство осужденных за террористическую деятельность излагали религиозные мотивы преступления (90,5%) и лишь 9,5% — социально-политические (идеологизированные). Однако на суде многие заявляли, что участие в террористической деятельности мотивировалось причинами получения вознаграждения «за работу» (корыстная мотивация) (Гришко, Сочивко, Гаврина, 2006, с. 29).

В ходе проведения кластерного анализа по всей выборке осужденных за террористическую деятельность постоянно выделялись две группы с различными личностными профилями. Для одной (немногочисленной) группы отмечались высокие показатели по агрессивным формам поведения и открытой жестокости как доминирующей личностной характеристики. Для представителей данной группы это проявляется в ряде форм защитного поведения: отрицания, проекции и рационализации. Им свойственны следующие психологические особенности:

- эгоцентризм, стремление быть в центре внимания, уверенная манера держаться, жажда признания, самонадеянность, хвастовство, готовность услужить, необдуманность поступков, недоразвитие этического комплекса, склонность к мошенничеству;
- расхождение между внешним подчеркнутым стремлением соответствовать общепринятым стандартам, проявляя вежливость, терпимостью к окружающим людям и морализаторством, демонстрационно-завышенной самооценкой, лицемерием, крайним пуританизмом;
- механизм проекции, проявляющийся в склонности приписывать окружающим негативные качества, что является рациональной основой для оправдания и принятия себя и для поисков виновников или причин своих проблем во внешнем мире с уверенностью в своей правоте;
- рационализация, которая проявляется в бессознательном контроле над эмоциями через чрезмерно рациональное истолкование событий.

Другая, значительно **большая** группа осужденных за терроризм представляет наиболее распространенный профиль (порядка 50% от всей выборки) и характеризуется следующими психологическими особенностями:

- устойчивостью интересов, упорством в отстаивании своего мнения, трезвостью взглядов на жизнь, стремлением соответствовать нормативным критериям социального окружения, активностью жизненной позиции;
- контролем над агрессивными импульсами, гиперсоциальной направленностью интересов, ориентацией на правила и инструкции, избеганием серьезной ответственности;
- межличностными отношениями, отличающимися высокой требовательностью к себе и другим, тенденцией к соперничеству и отстаиванию престижной роли в группе, а также к рассмотрению своей позиции с точки зрения морально-нравственных стандартов (экстремальный ислам);
- гиперсоциальной установкой, которая выглядит как фасад, скрывающий раздражительность и назидательность (т.е. действующей как психологическая защита). Им присущ догматический склад мышления, приверженность к инструкциям и твердым правилам, высоконравственный (в субъективном понимании) образ жизни.

Выявленные социально-психологические профили личности осужденных террористов сами авторы не считают полными, поскольку они «не отражают в полной мере все эмпирические данные, полученные в рамках исследования» (Гришко, Сочивко, Гаврина, 2006, с. 18, 34). Исследования в рамках вышеназванной программы продолжаются.

Тем не менее, полученные данные позволяют сделать некоторые обобщения, касающиеся эмпирического подтверждения объяснительных психологических механизмов мотивации террористической деятельности. Во-первых, в определенной мере находят подтверждение выделенные модели личности террориста: модель агрессивного террориста по своим личностным особенностям (первая группа осужденных, выделенная по результатам кластерного анализа) и модель террориста по идеологическим, политическим и религиозным убеждениям (вторая группа).

Во-вторых, судя по характеристикам психологических профилей выделенных групп, можно предположить, что «чистых» моделей личности террориста, выделенных в предыдущем разделе, не существует, поскольку обеим группам могут в той или иной мере быть присущи элементы личности террориста, характерные для третьей модели, — личности террориста- психопата (в значительно большей мере они присущи первой группе).

В-третьих, действительно ряд концепций и механизмов для понимания и объяснения мотивации терроризма в этом отношении содержит продуктивный объяснительный потенциал. К их числу можно отнести: концепцию механизмов психологической защиты, потребность в достижении превосходства и слепую приверженность к властным структурам (соответственно, приверженность к строгому соблюдению норм и правил) как компенсаторный механизм осознания неполноценности и нетерпимости к неопределенности, концепцию этноцентризма, феномен социальной отчужденности и изоляции с переживанием социальной несправедливости и низких самооценок, сильную потребность присоединения к группе (т.е. групповой идентификации), механизмы «морального выключения» (А. Бандура и др.).

Следует подчеркнуть, что необходимо проведение дальнейших эмпирических исследований, специально посвященных выявлению и эмпирическому подтверждению (или опровержению) теоретических положений о мотивации терроризма.

6.3. ФЕНОМЕН ТЕРРОРИЗМА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СМЕРТНИКОВ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Терроризм с использованием смертников можно определить как причинение максимального ущерба гражданскому населению с целью устрашения, сопровождающееся сознательным отказом исполнителя от спасения своей жизни. История человечества изобилует примерами принесения воюющими себя в жертву для нанесения максимального ущерба врагу (наиболее известный пример — японские камикадзе во время Второй мировой войны). Однако суицидальный терроризм, т.е. самоубийство с целью убийства гражданского населения, можно считать относительно новым явлением. Число терактов, совершенных смертниками, возросло с 31 в 1980-х до 104 в 1990-х, а в 2000–2001 гг. составило 53 (Pape, 2005). Смертников используют не только радикальные исламские группировки, такие, как Аль-Каида, Хесболла и Хамас, но и далекие от религиозной идеологии террористические формирования. Так, например, безусловным лидером по количеству организованных суицидальных терактов являются Тамильские тигры освобождения в Шри-Ланка, чья идеология имеет коммунистический оттенок. Даже среди терактов, совершенных смертниками-мусульманами, треть организована политическими группами с секулярной ориентацией. Резкое увеличение числа и масштаба терактов с использованием смертников в 1990-е годы связано в основном с объективными политическими факторами и представляет собой рациональную стратегию, выбранную террористическими группами для ведения борьбы с более сильным противником. В рамках данной стратегии с июня 2000 г. использование террористов-смертников стало одной из основных тактик терроризма в России.

Ранние объяснения суицидального терроризма, предложенные психологами в 1980-е годы, столкнулись с неразрешимыми противоречиями. Внимание психологов, как отмечалось выше, привлекал не столько терроризм как социальное явление, сколько сама личность террориста и непосредственные мотивы совершения теракта. В зависимости от теоретических оснований они объяснялись нарциссической агрессией, социопатией, стремлением к власти, утратой смысла жизни и переживанием собственной беспомощности, фрустрацией и т.д. (Morf, 1970; Pearlstein, 1991). Существует мнение, что террорист-смертник является патологической личностью, характерные черты которой — нарциссическая агрессия, переживание страха, депрессивные состояния, чувство вины, авторитаризм, приписывание себе и другим

недостатка мужественности, эгоцентризм, крайняя экстраверсия (Rus- sel, Miller, 1983). В большинстве случаев подобные теракты четко спланированы по времени, направлены на тщательно отобранные мишени и преследуют отчетливые политические и территориальные цели. Сами террористы-смертники, даже чудом избежав гибели, чаще всего не отказываются от выбранного ими пути.

Ранее считалось, что смертниками становятся в основном представители беднейших слоев общества, лишенные образования и безработные. Однако, как показывает анализ документа «Святые мученики двуречья», размещенного на одном из исламистских форумов в Интернете и включающего 430 биографий смертников Аль-Каиды, среди них немало высокообразованных людей, имевших хорошо оплачиваемую работу (Haqqani, Kimmage, 2005). **Наконец, недавно проведенное исследование 32 террористов-смертников показало, что единственная общая их черта — отсутствие прочных социальных связей и подверженность внешнему влиянию.** Ни демографические особенности, ни социально-экономические факторы, ни индивидуально-психологические характеристики сами по себе не являются надежным предиктором склонности к совершению суицидального теракта (Perina, 2002; Khalid, Olsson, 2006). **Очевидно, что психологическое объяснение суицидального терроризма должно включать не только индивидуальный, но и другие уровни анализа: групповой, межгрупповой и социетальный.**

В центре внимания при социально-психологическом подходе к анализу причин терроризма, суицидального в том числе, оказываются такие феномены, как процессы групповой динамики, стереотипизации, социального сравнения, групповой идентичности, этноцентризма, групповой идеологии и культурные факторы (Нестик, 2005).

На социетальном уровне социально-психологического анализа предпосылками терроризма являются те факторы, которые связаны с переходным состоянием сообщества (Moghaddam, 2004; Паин, 2002). Это низкостатусное положение группы, отсутствие надежды на ее социально-экономическое благополучие, разрушение традиционной системы ценностей, аномия. На внутриличностном уровне они приводят к фрустрации, кризису культурной идентичности и относительной депривации.

Изолированность группы и постоянная угроза преследований усиливают сплоченность, групповое давление, конформность, влияние лидера на остальных членов группы, а также способствуют развитию феноменов «группового мышления»: групповой поляризации, раз-

мывания ответственности, недооценки последствий, сдвига к риску, туннельного видения (McCormick, 2003).

Наконец, необходимость конспирации делает непроницаемыми границы группы изнутри: тот, кто покидает группу, угрожает безопасности остальных ее членов (Inside Terrorist Organizations, 2001). Эти внутригрупповые факторы ослабляют социальное влияние, оказываемое на членов террористических групп со стороны их близких родственников и значимых других (например, друзей, старейшин и религиозных авторитетов). Этот фактор усиливается практически полной изоляцией смертника от внешних социальных контактов непосредственно перед совершением теракта.

Наличие «врага», социальной группы, которой можно приписать ответственность за происходящее, приводит к утверждению собственной идентичности за счет антиконформности, т.е. за счет отрицания ценностей и норм чужой группы (Nail, MacDonald, Levy, 2000). Именно чужая группа, а не своя культурная общность становится референтной для террористов. Террористы готовы нарушать нормы своей культурной группы, так как их положение вне добра и зла подкрепляется недоверием к политическим и общественным институтам, убеждением террористов в *отсутствии или дискредитированности легальных путей* изменения политической, экономической и культурной ситуации.

Можно выделить несколько причин роста числа терактов, совершенных смертниками в 1990–2000 гг.

Во-первых, на протяжении последних 20 лет подобные теракты часто оказывались чрезвычайно *эффективным инструментом давления на противника*. Именно переход террористов к интенсивному использованию смертников подтолкнул к выводу американских и французских вооруженных сил из Ливана в 1983 г., израильских войск из Ливана в 1985 г. и из сектора Газы и западного берега р. Иордан в 1994–1995 гг., созданию правительством Шри-Ланка независимого государства Тамил в 1990 г., а также предоставлению курдам независимости турецким правительством в конце 1990-х годов (Pare, 2003, 2005).

Во-вторых, преимуществом использования смертников является *возможность нанести больший урон* в силу того, что исполнитель теракта не рассчитывает остаться живым и не нуждается в путях отхода. Это особенно важное «преимущество» в глазах организаторов, когда мишенью является гражданское население, а целью теракта — устрашение (Pare, 2003).

В-третьих, подобные теракты оказывают *большее психологическое воздействие на общество*. Публичное самоубийство призвано стать свидетельством того, что террористов невозможно запугать ответными акциями возмездия. Следовательно, гражданское население и политические противники убеждаются в том, что число терактов будет расти и единственный выход состоит в том, чтобы пойти на уступки террористам.

В-четвертых, суицидальный терроризм опирается на *героический образ «мученика», поддерживаемый религиозной или секулярной идеологией* (исламский «джихад» и «шахидизм», идеология народовольчества в царской России, идея героев освобождения у Тамильских тигров). В исламских государствах семьи погибших террористов-смертников получают материальную помощь как от террористических организаций, так и от сочувствующих лиц. Террористические группы культивируют различные обряды перехода их членов в число смертников и поддерживают героические мифы о самопожертвовании. Идеология смертничества использует культурные традиции, исторические примеры, делающие подобную гибель не только приемлемой, но и похвальной. Так, летом 2001 г. более 70% опрошенных палестинцев одобрили действия террористов-смертников (Soibelman, 2004).

Вместе с тем распространенное мнение о том, что смертников-мусульман привлекает сам статус святых мучеников и небесная награда погибшим за дело ислама (80 000 слуг и 72 жены, которых не касался ни смертный, ни джинн), нельзя признать безусловно правильным. Оно не объясняет, почему жизнь самого террориста и потенциальных жертв-мусульман теряет для него ценность. Не объясняет оно и того, что среди террористов-смертников становится все больше женщин. По-видимому, психологические корни суицидального терроризма лежат глубже — в поиске террористами-самоубийцами *новой, более позитивной идентичности*.

Одним из следствий изоляции групп террористов от представляемого ими культурного сообщества является отрицание «века сего», убеждение в том, что нынешний мир нелегитимен и не имеет никакой ценности, причем как общество в целом, так и живущие в этом обществе люди. Террористы характеризуются «гностическим» мировоззрением: они убеждены, что существующий порядок обречен, что ему на смену придет совершенно другое общество, ради которого необходимы радикальные изменения. Этот социально-психологический феномен аналогичен «вере в справедливость мира, т.е. в то, что без вины человек не будет наказан», обнаруженной Лернером (Lerner,

1980), но прямо ей противоположен: этот мир оценивается как несправедливый и нелегитимный (Stocker, Major, 1989; Taylor, Louis, 2004). На внутриличностном уровне это проявляется в искажении временной перспективы: настоящее эмоционально менее значимо, чем прошлое (золотой век в истории сообщества) и будущее (общественный идеал). В результате происходит *обесценивание и своей собственной, и чужой жизни*: цель оправдывает средства, необходимо разрушить мир во имя его спасения.

Обесценивание жизни, облегчающее совершение суицидального теракта, может быть вызвано не только радикальной идеологией, но и стремлением избавиться от негативной идентичности: от одиночества безродного человека, физически или морально потерявшего всех близких, от клейма позора, от чувства унижения за свою этническую группу. Наиболее яркий пример стремления избавиться от негативной идентичности представляют те женщины-террористки, которых обесчестили эмиссары террористических организаций, лишив возможности вернуться в общество (Bowers, Derrick, Olimov, 2004). Возможность совершить теракт преподносится организаторами как единственная возможность спасти свою честь, перейти в статус «святой мученицы». Другая распространенная причина подобного суицида связана с потерей мужа и детей, близких родственников, утратой социальных связей, моральной поддержки. В состоянии глубокой психологической травмы и утраты регулярных контактов с окружающим миром в силу отсутствия работы и социальной поддержки личность становится более восприимчивой для идеологии «мученичества». Негативная идентичность потенциальных террористов-смертников может быть связана и с чувством унижения за свою этническую группу, следствием массового посттравматического синдрома. Известно, что среди террористов-смертников значительную часть составляет молодежь, пережившая войну и выросшая в семьях беженцев (Bowers, Derrick, Olimov, 2004). Идеологи джихада с использованием террористов-смертников часто подчеркивают, что это акции жертв, направленные на привлечение внимания к своему униженному положению (Pare, 2005). По существу, террористы-смертники являются «психологически мертвыми», считают себя находящимися уже по ту сторону мирских понятий добра и зла (Stern, 2003; Altman, 2005).

Наконец, террористами-смертниками могут стать молодые люди из сплоченных экстремистских политических групп. В таких случаях речь идет *не об избавлении от «стигматов» негативной идентичности, а о подтверждении своей позитивной идентичности* строителей буду-

щего. Так, исследование 900 молодых мусульман сектора Газы, бывших подростками во время второй палестинской интифады (с 1987 по 1993 гг.), показывает, что ориентация на насилие более тесно связана с гордостью за свою социальную группу и высокую включенность в социальную жизнь своей группы, чем с депрессией и антисоциальным поведением (Atran, 2002). В условиях высокой сплоченности и при наличии социальных норм, одобряющих совершение терактов как способов борьбы, усиливается эффект механизмов подражания (например, брату-смертнику) и конформности (следования указаниям религиозных или партийных авторитетов).

Основные усилия в этой ситуации должны быть направлены не столько на выявление потенциальных террористов-смертников, сколько на масштабные социальные программы, изменяющие отношение к терроризму в посттоталитарных и поствоенных обществах (Нестик, 2005). Низкостатусные политические группы должны получить доступ к открытому обсуждению наиболее острых социальных проблем, в том числе проблем культурных различий и ксенофобии, последствий войны и безработицы. Вкладом психологов в долгосрочные программы противодействия терроризму может быть организация совместных культурных программ в рамках «дипломатии второго пути», расширение программ международного академического обмена, развитие ценностей культуры мира в школах и повышение кросскультурной компетентности молодежи.

ГЛАВА 7

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК СУБЪЕКТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВНУТРИГРУППОВЫЕ ПРОЦЕССЫ И ОБРАЗ МИРА

Хотя существует ряд заслуживающих интерес публикаций (Post, 1986; Analysen Zum Terrorismus, 1982), в целом внутригрупповой уровень социально-психологического анализа терроризма до сих пор остается одним из наименее освоенных в психологической литературе. Несмотря на рост интереса к проблеме терроризма и значительное финансирование исследований по этой проблематике, процессы групповой динамики в террористических формированиях не стали предметом сколько-нибудь глубокого теоретического и эмпирического исследования. Основной причиной такого положения, разумеется, является абсолютная закрытость объекта. Те немногие наблюдения, которые можно найти в научной литературе по терроризму, сделаны бывшими членами террористических групп (Collins, 2003; Sifaoui, 2003), сотрудниками спецслужб, работавшими под прикрытием в Афганистане (Nasiri, 2006; Inside Terrorist Organizations, 2001), а также заложниками, длительное время находившимися в руках террористов. И хотя эти сведения весьма противоречивы, мы предпримем попытку социально-психологического анализа террористической группы, рассмотрев ее с нескольких точек зрения: групповой динамики, лидерства, социализации и групповой идеологии.

7.1. ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИГРУПОВОЙ ДИНАМИКИ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Ключевой характеристикой террористических групп является их замкнутость, изолированность от остального сообщества. Чем более эффективна террористическая группа, тем выше вероятность ее уничтожения, тем выше риск утечек информации и тем больше она долж-

на ограничивать свои контакты с окружающим миром. Закрытость группы в значительной степени определяет как процессы социального познания, так и внутригрупповую динамику (Moghaddam, 2004). Отсутствие или нарушение межгрупповой коммуникации облегчает формирование этноцентризма, негативной стереотипизации и предвзятых суждений, группового фаворитизма и межгрупповой дискриминации при интерпретации действий «своих» и «врагов».

Изолированность группы и постоянная угроза преследований усиливают сплоченность, групповое давление, влияние лидера на остальных членов группы. Групповое давление проявляется в двух направлениях: во-первых, оно подталкивает группу к действию, к совершению все более крайних, жестоких актов насилия, а во-вторых, оно делает группу все более конформной. Изоляция группы способствует развитию феноменов «группового мышления»: групповой поляризации, размывания ответственности, недооценки последствий, сдвига к риску, туннельного видения (McCormick, 2003).

Эффект сдвига к риску был впервые обнаружен в 1962 г. Дж. Стоунером. Он предлагал участникам эксперимента сначала зафиксировать свое личное мнение по ряду вопросов, включавших рискованную альтернативу (например, должна ли футбольная команда при равном счете идти на атаку, открывая ворота в последние минуты матча; следует ли вкладывать деньги в опасное дело, сулящее большую и быструю прибыль и т.д.). Оказалось, что в ходе последующего группового обсуждения 12 из 13 групп согласились на более рискованную альтернативу. Более того, после группового обсуждения индивидуальные мнения участников тоже сдвигались в направлении более рискованных вариантов решения (Stoner, 1968). В ряде исследований было показано, что в ходе групповой дискуссии происходит усиление той позиции, которую — в более мягкой, менее категоричной ее форме — разделяли большинство участников. Чем сильнее групповая идентичность участников обсуждения, чем выше их сплоченность, тем больше вероятность поляризации и сдвига к риску (Abrams et al., 1990). Причем экстремисты, с самого начала занимающие крайнюю точку зрения по отношению к остальным участникам обсуждения, сдвигают ее еще к более крайней позиции. С точки зрения теории самокатегоризации, эффект поляризации объясняется ориентацией участников дискуссии на прототипический образ своей группы, т.е. сдвиг происходит в направлении той точки зрения, которая представляется наиболее ярким маркером принадлежности к данной группе.

Другой немаловажный фактор сдвига к более радикальной позиции состоит в том, что изначально предрасположенные к определенному мнению участники выдвигают больше аргументов в его пользу, чем в пользу других альтернатив: аргументы уже «заготовлены», легко доступны, для их формулирования требуется меньше когнитивных ресурсов. Как справедливо замечает К. Санштейн, если на молитву собрались люди, большинство которых считают, что США ведут борьбу против ислама, что американские солдаты стремятся уничтожить и унижить мусульман, то они выскажут гораздо больше аргументов для подтверждения такой позиции, чем для ее опровержения (Sunstein, 2002). Кроме того, даже если у кого-либо из участников обсуждения нет еще своего отчетливого мнения по этому вопросу, он будет стремиться принять точку зрения большинства, чтобы сохранить свою принадлежность к группе.

Заметим, что сдвиг к риску стимулируется и конкуренцией между самими террористическими организациями. Террористические группы часто соперничают друг с другом за деньги спонсоров, за влияние на политическую арену своего региона. Это вынуждает их идти на все более и более жестокие и рискованные операции, опережая друг друга и стремясь привлечь к себе внимание СМИ. В России примерами такого соперничества может служить конкуренция между боевыми командирами чеченских террористических бандформирований. За рубежом такое соперничество неоднократно разгоралось между Ирландской национальной освободительной армией, Ирландской республиканской армией (ИРА), а также выделившейся из нее группировкой «Настоящая ИРА»; между Народным фронтом за освобождение Палестины и Организацией освобождения Палестины, между «Светлым путем» и революционным движением Тупак Амару в Перу, наконец, нельзя не упомянуть непрекращающейся конкуренции между «Хезболла» и «Хамас».

Важной характеристикой террористической группы является высокая конформность ее участников (Post, 1986). Известно, что однородные группы отличаются большей конформностью, чем гетерогенные. Чем релевантнее для группы объединяющий ее признак, тем более конформной она является (Кричевский, Дубовская, 2001). В террористических группах чаще всего таким основанием является религия или идеология, значительно реже отмечается однородность по этническому составу, возрасту и полу. Это означает, что предлагаемая лидерами террористических групп интерпретация священных текстов и мнений духовных авторитетов будет разделяться даже в том

случае, если она внутренне противоречива и непоследовательна для новобранца или стороннего наблюдателя. Увязывая свои решения с религиозными ценностями, разделяемыми членами группы, лидер усиливает их конформное поведение и готовность подчиняться.

Необходимость конспирации делает непроницаемыми границы группы изнутри: тот, кто покидает группу, угрожает безопасности остальных ее членов (Inside Terrorist Organizations, 2001). Санкции за нарушение групповых норм, инакомыслие или неподчинение могут быть чрезвычайно жестокими. Осознание внешней угрозы заставляет членов группы искать врагов внутренних. Часто испытываемый террористами страх быть преданными искусственно усиливается лидерами террористических групп с целью избавления от инакомыслящих и укрепления собственного влияния. Так, например, в феврале 1969 г. японская полиция обнаружила в заснеженных горах поблизости от Токио 14 тел, принадлежавших членам «Красной армии». В период с декабря 1971 по февраль 1972 г. «Красная армия» жестоко расправилась по меньшей мере с 13 своими членами, на тот момент это было третью всего личного состава. Все они были обвинены в «пораженчестве» и подвергнуты мучительной смерти, некоторые были сожжены живьем. Другая террористическая организация, «Абу Нидал», так же известная, как «Черный сентябрь» или «Арабский революционный совет», на протяжении своей деятельности уничтожила значительную часть своих членов (Farrell, 1990; Seale, 1992). В Ирландской республиканской армии постоянно действует служба внутренней безопасности, защищающая организацию от агентов спецслужб (Horgan, 2005).

Обособленность террористической группы от окружающего мира требует от ее участников все большего и большего вовлечения террористическую деятельность, способствует формированию чувства безысходности. Например, М. Бауман, бывший член немецкой террористической группировки «Движение 2-го июня», так описывает свои переживания: «Группа становится все более замкнутой. Чем больше внешнее давление, тем больше вы держитесь друг друга, тем больше ошибок совершаете, тем больше давление внутри... Эта сумасшедшая концентрация внимания на протяжении всего дня, все это приходит к своему ужасному финалу, когда в группе уже нет чувствительности: только жесткая концентрация, подталкивание друг друга к действиям, и все это заходит все дальше и дальше, становится все хуже и хуже» (Baumann, 1979).

Из кросскультурных исследований известно, что в ситуации межгруппового конфликта, одной из крайних форм которого является

терроризм, группы с более жесткой регламентацией поведения действуют более агрессивно, чем те группы, в которых отступления от правил считаются допустимыми. Регламентированность повседневной деятельности группы тем выше, чем больше формальных и неформальных правил определяют жизнь группы и чем серьезнее санкции за их незначительное нарушение. Таким образом, демонстративная жестокость лидеров по отношению к членам террористической группы, нарушившим ее внутренние правила, является одним из условий поддержания конформности и готовности группы к крайним, бесчеловечным формам борьбы с внешним врагом.

Вслед за Г. Триандисом можно предположить, что вероятность выбора группой крайних, силовых форм борьбы — и, тем самым, эскалации межгруппового конфликта, — тем выше, чем более группа ориентирована на коллективизм, чем более она инструментальна*, чем более высоким показателем дистанции власти она характеризуется**, чем более в ней поощряется ориентация на достижения и социальная активность***, чем более диффузно ее социальное восприятие**** и чем более жесткими являются ее внутригрупповые нормы*****. Легко увидеть, что террористические группы отвечают всем этим требованиям.

Закрытость террористических групп, феномены конформного поведения и групповой поляризации ослабляют социальное влияние, оказываемое на членов террористических групп со стороны их близких

* Под инструментальностью понимается преобладание ориентации на задачу над стремлением поддержать хорошие отношения, готовность принести вторые в жертву первой (см.: Levine, Norenzayan, 1999).

** Под дистанцией власти (сам Г. Триандис называет ее «иерархичностью») понимается степень принятия социальной иерархии, разницы в доступе к ресурсам для различных групп как данности.

*** Активность культуры понимается как ее ориентированность на изменение среды под свои нужды в противоположность стремлению к гармонии со средой. См.: Diaz-Guerrero, 1979.

**** Под диффузностью здесь понимается склонность судить обо всем классе социальных объектов на основании одного из его представителей или обо всем объекте по какой-то одной его части («Мне не нравится ваш наряд, значит, мне не нравятся вы»).

***** Речь здесь идет не о ситуативном феномене группового давления, а о более устойчивой регламентированности повседневной деятельности группы: она тем выше, чем больше формальных и неформальных правил определяют жизнь группы и чем серьезнее санкции за их незначительное нарушение (см.: Iwao, 1993; Kidder, 1992).

родственников и «значимых других» (например, друзей, старейшин и религиозных авторитетов). Группа живет своей жизнью и своими правилами, даже если находится в непосредственной близости от гражданского населения, членов своих семей (так, например, базы «Хамас» часто используют для своего прикрытия густонаселенные кварталы мирных жителей, так как их национально-сепаратистская идеология близка и понятна большинству представителей местного этнического сообщества).

Мало исследованной, но значимой проблемой социальной психологии терроризма является сетевая структура террористических сообществ, члены которых часто знают лишь одного связного или связаны друг с другом через Интернет (Gunaratna, 2002; Sageman, 2004; Krebs, 2002; Raab, Milward, 2003). Первая группа исламских фундаменталистов, объявившая джихад против США, действовала под прикрытием Центра беженцев аль-Кифа в Бруклине и носила сетевой характер (Ragavan et al., 2003). Результаты исследований других социальных сетей (таких, как сети обмена опытом и знаниями, Интернет-сообщества), позволяют предположить, что даже при отсутствии личного контакта между участниками группы они сохраняют очень сильную групповую идентичность (Bouas, Arrow, 1996; McKenna, Bargh, 1998). При изменении состава участников такой группы или при выпадении одного из ее членов сеть не теряет своей эффективности, если в ней сохраняются ключевые роли: «коннектора», «сетевого брокера» и «пограничника» (Cross, Prusak, 2002). Изучение механизмов социального влияния, распределения ролей и лидерства на примере нетеррористических социальных сетей могло бы существенно уточнить наше представление о психологических факторах рекрутирования новых членов террористических групп и подготовки терактов.

Интернет-технологии позволяют создавать виртуальные террористические сообщества и «базы знаний». Например, палестинская террористическая группировка «Бригады Изеддина аль-Кассема» (военное крыло организации «Хамас») на своем сайте поместила раздел под названием «Военная академия», где можно было обнаружить рекомендации по изготовлению бомб замедленного действия, «поясов смертников», а также технологии изготовления ракет малого радиуса действия. При этом раздел предназначался «для внутреннего пользования» — вход в него охранялся системой паролей (Дзагуто, 2002).

Иллюстрацией возможностей он-лайновой самоорганизации является флэш-моб — мгновенное публичное шоу, участники которого

го могут не знать друг друга, однако действуют на основе заранее предложенного кем-то в Интернете сценария. В молодежных контркультурах подобные действия носят экспрессивный характер. Однако не вызывает сомнения, что сам принцип подготовки к совместным действиям через гостевую книгу, форум или блог может быть использован и в инструментальных, прагматических целях: как дезинформация, прикрытие реального теракта и т.д.

Наличие внешней угрозы, а также малочисленность террористических групп, их статус меньшинства по отношению к культурным сообществам, от имени которых они действуют, усиливает когнитивную определенность и эмоциональную значимость их групповой идентичности. Теракты превращаются в инструмент «влияния меньшинства» (С. Московичи): чтобы повлиять на мнение большинства, представители меньшинства должны единодушно и многократно настаивать на своей позиции. Статус «меньшинства, говорящего от имени большинства», подталкивает террористические группы к постоянным «несимметричным ответам» на воображаемую или реальную угрозу, которые рассчитаны на широкий общественный резонанс.

7.2. ФЕНОМЕН ЛИДЕРСТВА В ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В любом обществе, даже в период экономической и политической стабильности, существуют предпосылки для развязывания войны и террористической деятельности. Это религиозные, межэтнические и социально-политические противоречия, которые никогда не могут быть полностью разрешены и скрыто присутствуют в жизни любой социальной группы. Лидеры террористических организаций умело используют эти противоречия, чтобы направить добрые побуждения сограждан по пути ненависти (Одергон, 2008). Террористических лидеров можно назвать идеологическими и этно-религиозными «предпринимателями», искусственно усиливающими эффекты группового мышления и поляризации в группах. Это хорошо видно не только на примере террористических сетей (таких, как «Бартство мусульман», «Аль-Каида» и «Мировой исламский фронт»), но и на примере отдельных террористических ячеек.

Руководители террористических отрядов и лагерей не терпят возражений со стороны своих последователей, постоянно поддерживая сильную позитивную групповую идентичность «борцов за правое

дело», «мучеников», «героев». Те, кто находится за пределами групповых границ, рассматриваются ими как источник угрозы. Демонический образ внешнего врага постоянно поддерживается, а переживания фрустрации и гнева искусственно усиливаются, так как именно в этом кроется залог влияния террористического лидера на его последователей. Известно, что действия террористических групп часто идут вразрез с их собственными интересами: «Террористические формирования постоянно ищут оправдание своего существования. Террористическая группа должна совершать террористические действия. Поэтому акты насилия часто совершаются не по тщательному расчету, а для поддержания положительной самооценки группы, подтверждения легитимности ее существования. Таким образом, террористы часто совершают действия, объективно неэффективные и даже прямо противоречащие их заявленным целям» (Terrorism Research Center, 2001).

Постоянное осуществление террористических актов необходимо не только для поступления денег на финансирование террористических групп и на счета их лидеров. По-видимому, акты насилия, осуществляемые террористическими лидерами внутри и вне террористических лагерей, не только поддерживают групповую идентичность, но и позволяют лидеру самому быть ее «прототипом» для членов группы. Авторитарность и беспощадность к врагам могут специально подчеркиваться лидером, даже в ситуациях, когда в проявлении этих качеств нет непосредственной нужды.

Однако считать, что лидеры терроризма представляют собой традиционный образец авторитарного руководителя, было бы опрометчивым упрощением. Сетевая природа террористических организаций вполне соответствует тем тенденциям, которые проявились во всем мире в эпоху экономики знаний. Управление становится все менее персонализированным и все более надындивидуальным, групповым процессом. С развитием самоуправляемых и распределенных команд, социальных и деловых сетей, ростом инновационности задач и снижением возможностей прямого контроля за деятельностью подчиненных, в центре внимания оказывается не индивидуальное управленческое воздействие руководителя на группу, а процесс групповой самоорганизации. Не случайно с начала 1990-х годов все большую популярность получают теории лидерства, в которых субъектами управления являются каждый участник совместной деятельности и группа в целом: теория самолидерства, теория демократического лидерства, теория дзен-лидерства, теория транспрофессионального лидерства, теория распределенного лидерства, теория разделенного лидерства. Сегодня

задача руководителя состоит в превращении своих подчиненных в лидеров, а само лидерство передается от одного члена группы к другому в зависимости от требований задачи.

Рост неопределенности и динамичности условий совместной деятельности заставляет исследователей искать новые метафоры и модели, которые могут быть положены в основу теории современных организаций. В частности, широкую популярность в организационной психологии приобретает поиск аналогий между командами в организациях и спортивными командами, театральными труппами, джазовыми ансамблями. На этих образцах изучаются управленческие проблемы, актуальность которых будет нарастать в ближайшее десятилетие: управление в условиях дефицита времени, развитие совместного творчества в организациях и эффективная коллективная импровизация.

Границы самого объекта управления становятся все более размытыми. Эффективность совместной деятельности все более зависит от горизонтальных связей в организациях, внешних контактов группы, ее интегрированности в различные межорганизационные партнерства и неформальные сообщества. Традиционные объекты управления — индивиды и команды — уступают место социальным сетям, групповые границы которых открыты, а состав постоянно меняется.

Эти тенденции характерны и для современного терроризма. Так, например, отдельные исламистские террористические организации, формирование которых началось в 1920-х годах и было подстегнуто возникновением государства Израиль на мусульманских территориях в 1948 году, постепенно объединились в межорганизационное партнерство — сложную сеть, сочетающую в себе тесные организационные связи со слабыми. Тесное взаимодействие и внутригрупповая динамика, характерная для закрытых групп (сплоченные ячейки и отряды, центры подготовки террористов) сочетается со слабыми информационными и координационными связями между отдельными ячейками и центрами организаций, между террористическими группами и мечетями, банками, государственными структурами, некоммерческими организациями, частными спонсорами, информационными службами, экстремистскими группами на Западе. Для управления этой сетью потребовались лидеры нового типа, сочетающие в себе традиционные черты харизматических руководителей с компетенциями создателей социальных сетей (Marion & Uhl-Bien, 2003).

Типичными в этом отношении фигурами можно считать Абдуллу Аззема, который координировал помощь исламистских движений афганским моджахедам в 1980-е годы, Аль-Завахири и шейха Рахмана,

объединивших египетские экстремистские группировки для подготовки взрыва во Всемирном торговом центре в 1993 г., а также Усаму бен Ладена, который в 1998 г. объединил исламистские террористические организации в единую сеть — Аль-Каиду (в переводе «база данных»). Важной особенностью этих лидеров является сочетание прямого директивного руководства своей группой с руководством опосредованным, опирающимся на слабые связи, посредничество и консультирование сторон. Это «сетевые лидеры», умеющие связывать между собой представителей разных идеологических группировок и провоцировать этих людей на поиск новых тактических решений и новых организационных форм. По существу, террористические лидеры сглаживают эмоциональные конфликты в межорганизационных партнерствах, но при этом провоцируют конфликты по поводу задачи. Такие конфликты стимулируют креативность и мобилизуют интеллектуальные ресурсы сети. Лидеры типа бен Ладена выполняют роль «информационных брокеров» и авторитетных посредников, поддерживая децентрализованное принятие решений, помогая найти необходимые человеческие, организационные и финансовые ресурсы, организуя «конференции» и «мозговые штурмы». Сохраняя за собой роль координаторов и предоставляя отдельным организациям и ячейкам свободу тактических действий, эти лидеры создают условия, при которых для решения задачи максимально используется человеческий капитал и социальные связи всех звеньев созданной ими сети.

Лидеры крупных террористических сетей проактивны, но склонны к анализу своего и чужого опыта; у них высокие ожидания, но они остаются реалистичными; они критичны, но привержены своей идее; они настаивают на своем, но при этом готовы к сотрудничеству с другими руководителями; они опираются на свою команду, но при этом постоянно расширяют сеть контактов как внутри, так и вне своего общества. Само название Аль-Каиды («база данных») недвусмысленно указывает на то, что ее лидеры активно управляют талантами, стремясь вырастить, сформировать в своих последователях способность самим временно брать на себя лидерство при выполнении той или иной задачи (это требование как нельзя лучше описывает теория распределенного лидерства). Это приводит к тому, что физическое устранение таких лидеров чаще всего не дает ожидаемого результата: на месте одной головы у «гидры» терроризма вырастает другая.

Анализируя характеристики лидера террористических формирований, следует также учитывать влияние этно-религиозных ролевых моделей и ценностей, характерных для культур, представителями кото-

рых являются члены той или иной террористической группы. Особенно важное значение культурный фактор может иметь на территории традиционно исламских государств. С точки зрения *имплицитной теории лидерства*, эффективность лидерства в значительной степени зависит от того, в какой мере используемые руководителем стили руководства и его восприятие подчиненными совпадают с культурным прототипом лидера, т.е. с имплицитной теорией лидерства, разделяемой представителями данной социальной или этнической группы (Lord, Maher, 1991; House, Wright, Aditya, 1997). Например, в более маскулинной культуре (Ближний Восток, Юго-Восточная Азия, Латинская Америка) чувствительность руководителя в отношении переживаний и мнений подчиненных может быть воспринята как признак слабости, тогда как в более фемининной культуре (Северная Европа) такая чувствительность может считаться отличительной чертой эффективного лидера. В культурах с высокой дистанцией власти, к которым относятся Ливан, Афганистан, Пакистан, Ирак, Турция, Индия, Кения, Сомали, авторитарный стиль руководства будет восприниматься как более эффективный, в культурах же с низкой дистанцией власти (Северная Ирландия) сфера эффективности этого стиля будет уже (Den Hartog et al., 1999; Koopman, Den Hartog, Konrad et al., 1999).

История терроризма знает два типа террористических организаций, различающихся по степени централизации и внутренней регламентированности. Прообразом одного из них является российская террористическая организация «Народная воля», другой же восходит к организациям анархистов — «Безначалие» и «Черное знамя» (Mc Cormick, 2003).

Первый тип можно назвать «рациональным»: деятельность группы тщательно планируется, теракты направлены на заранее определенные цели, у них есть заказчик, ключевые показатели эффективности и т.д. К таким организациям относятся Ирландская республиканская армия, Аль-Каида, Хамас, Тамильские тигры и др. Будучи инструментом политической борьбы, такая террористическая организация должна быть четко, по-армейски организована как боевая и пропагандистская единица. Лидер в таких организациях опирается прежде всего на вознаграждающее, принуждающее и легитимное влияние.

Второй тип террористической группы можно назвать «экспрессивным»: преимущественно это организации анархического толка, идеология которых предполагает спонтанные действия, рассматриваемые как архетипическая форма протеста личности против социальной несправедливости и выражающие героические ценности (Carter,

1978). Примерами таких организаций могут быть «Организация 17 ноября», «Народные силы 25 апреля» (FP-25), «Бригады возмездия за геноцид армянского народа», группа Баадер-Майнхоф и др. Эффективность действия здесь может быть принесена в жертву зрелищности, яркому проявлению партийного, гражданского, национально-патриотического или религиозного чувства. В таких группах, как правило, нет длительных традиций, нет постоянного спонсора и четких критериев оценки эффективности терактов. Ту роль, которую в других организациях выполняет дисциплина, здесь играет общее эмоциональное состояние группы, совместные переживания. Следовательно, в таких группах лидер должен опираться прежде всего на референтное влияние. Здесь умение управлять эмоциональным состоянием группы, контролируя собственные эмоции, — одна из важнейших характеристик лидера. С точки зрения теории эмоционального лидерства, управление коллективными эмоциями является главной задачей лидера. Успешность ее решения зависит от степени, в которой у лидера развиты способности понимания собственных эмоций, эмоциональной саморегуляции, способность мотивировать себя и других, эмпатия и навыки общения (Goleman, 1998). Вместе с тем принуждение как форма влияния лидера на своих сторонников в таких группах может использоваться более широко, чем в группах «рациональных»: здесь оно служит инструментом формирования определенной социально-психологической атмосферы в группе (например, японская «Красная армия» неоднократно прибегала к показательным казням своих членов за пораженческие настроения).

Имеющиеся данные о жизни в террористических лагерях позволяют предположить, что умение целенаправленно использовать эмоциональное заражение является одной из ключевых характеристик лидера во всех террористических организациях — как экспрессивного, так и рационалистического типа (*Inside Terrorist Organizations*, 2001).

Первоначально *эмоциональное заражение*, т.е. влияние настроения и эмоций одних людей на эмоциональное состояние других, рассматривалось в основном как характеристика массовидных явлений, патологическое проявление феномена толпы (Г. Лебон), но позднее этот механизм стал исследоваться и в межличностных отношениях. В частности, Э. Хэтфилд, Дж. Качиппо и Р. Рэпсон назвали «примитивным эмоциональным заражением» относительно автоматическое подражание и неосознаваемую синхронизацию с другим человеком по выражению лица, голосу, жестам, позе и движениям, которые сближают

эмоциональное состояние обоих (Hatfield, Cacioppo, Rapson, 1994). Д. Макинтош, Д. Дракмен и Р. Зайонц обозначают этот феномен как «социально обусловленный аффект» (McIntosh, Druckman, Zajonc, 1994), который основывается на трех процессах: собственно заражении, взаимном обусловливании поведения и мимикрии. Наконец, некоторые исследователи считают эмоциональное заражение результатом «втягивания», т.е. синхронизации поведения: в ходе межличностного общения микродвижения коммуникантов постепенно согласуются друг с другом по ритму и фазе цикла. Согласно этой модели, совместные переживания формируются как реакция коммуникантов на слаженность, скоординированность их взаимодействия, а не как результат переноса эмоций от одного человека к другому (Condon, Ogston, 1967; Kelly, 2003). Наиболее подвержены механизму эмоционального заражения индивиды, высоко оценивающие взаимозависимость между собой и окружающими и с развитой способностью к идентификации чувств других людей по их мимике. По-видимому, хорошими «передатчиками» эмоциональных состояний в террористической группе являются те, кто обладает хорошо развитыми навыками невербального общения, кто способен чувствовать или выражать сильные эмоции и кто относительно нечувствителен к тем членам группы, которые испытывают чувства, несовместимые с их собственными (Hatfield, Cacioppo, Rapson, 1994).

В ряде исследований показано, что у индивидов, продолжительное время работающих вместе, формируется склонность испытывать одинаковые позитивные или негативные эмоциональные состояния, причем склонность испытывать позитивные эмоции увеличивает продолжительность сохранения и устойчивость состава группы. Состав группы постепенно становится однородным по эмоциональному тону (George, 1995, 1996). Это наблюдение имеет прямое отношение и к террористическим группам, которые на протяжении длительного времени (недели, месяцы и годы) частично или полностью отрезаны от окружающего мира. Чем постояннее состав террористической группы, чем дольше группа находится в условиях изоляции, тем больше власть лидера зависит от умения управлять организационным настроением. Регулярные молитвы, проповеди и наставления эмиссаров, коллективные просмотры специально подобранных видеоматериалов — все это служит лидеру инструментом контроля над групповыми переживаниями.

7.3. РОЛЕВАЯ СТРУКТУРА И ВТОРИЧНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ГРУППАХ

Планирование, организация и осуществление теракта требуют от террористических организаций высокой функциональной дифференциации. Чем эффективнее организация, тем более дифференцированной является ее система ролей. С точки зрения властной структуры, в ней можно выделить: 1) лидера, высший командный совет, определяющий стратегию развития организации, 2) спонсора и его представителя; 3) роль руководителя, организатора; 4) роль духовного, идеологического лидера (ее может играть как руководитель, так и религиозный эмиссар, советник), 5) инструкторы, военные советники; 6) руководители отдельных ячеек, опытные члены организации, рекрутеры, члены внутренней службы безопасности; 7) новички, проходящие подготовку; 8) потенциальные члены организации, симпатизирующие; 9) «скрытые» или «спящие» члены организации, которые могут месяцами не выходить на связь со своей организацией, но в определенный момент готовы исполнить данное им поручение. Согласно другой классификации, в террористической сети можно выделить роли вдохновителя, стратега, «сетевика», эксперта, руководителя ячейки, члена ячейки, агитатора, «банкира» и «пушечного мяса» (Moghaddam, 2006). Функционально-ролевая структура часто зависит от постоянного или временного характера террористической группы, ее целей: например, у террористов в учебном лагере, в боевом отряде и в группе, направленной в город для реализации конкретного теракта, могут быть разные роли. Однако специфика совместной деятельности террористов требует от группы выполнения ряда универсальных функций: рекрутирование новых членов, индоктринация и обучение, внешняя разведка, поиск и наведение на цель; планирование теракта; укрытие участников, хранение оружия; покупка вооружения и необходимых компонентов; изготовление взрывчатых веществ; доставка на место теракта его участников, оружия и бомб; обеспечение путей отхода; уничтожение следов; обеспечение связи между участниками группы, с другими группами, со спонсорами, с местным населением; освещение деятельности группы в Интернете и на телевидении, связи со СМИ.

Для понимания внутригрупповой динамики террористической организации очень важным является тот факт, что *групповые роли обладают разным уровнем престижа*. Анализ имеющихся данных о деятельности террористических групп свидетельствует о том, что вовлечение новых членов в террористическую группу является много-

ступенчатым процессом, в период которого они осваивают все более сложные, ответственные, престижные роли (Horgan, 2005). Так, например, в Ирландской республиканской армии между изъявлением готовности вступить в организацию со стороны новичка и присвоением ему статуса полноценного бойца организации может пройти несколько месяцев. Руководство организации в одном из своих секретных обращениях к руководителям своих ячеек подчеркивает, что этот продолжительный период введения новых членов необходим не только для проверки их на благонадежность, но и для воспитания новичков: они должны привыкнуть к соблюдению правил организации.

Новичок организации начинает свое вхождение в организацию с относительно простых заданий: доставить фугас в определенное место, предоставить жилище одному из членов организации, расклеить листовки, привлечь в организацию кого-то из своих знакомых или родственников. При этом младшие члены организации находятся в тесном контакте с более опытными, получают от своих «наставников» эмоциональную поддержку (Clark, 1983). Так, например, в итальянских «Красных бригадах» было принято брать на «дело» одного или двух новичков для того, чтобы проверить их на стрессоустойчивость и надежность. Постепенно задачи усложняются: от участия в теракте с оружием в руках до руководства отдельной операцией (Horgan, 2005). Особое место в лестнице престижа занимают смертники. Руководители террористических групп специально поддерживают в среде своих последователей убеждение, согласно которому, стать мучеником — особое призвание, великая честь, которую не каждый может заслужить.

Существует два основных типа террористических групп и, соответственно, два типа социализации их членов. В анархико-идеологических группах вторичная социализация новичков является своего рода продолжением их изоляции от остального общества, она связана с увеличивающимся разрывом между ними и друзьями, членами семьи, коллегами по работе. В таких группах ролевая структура и «лестница престижа» имеют нежесткий характер. Возможно, это объясняется тем, что отчетливая структура и традиции просто не успевают сложиться. По некоторым оценкам, 90% террористических организаций живут не дольше одного года, а из тех, которые продержались дольше этого срока, лишь половина преодолевает порог в 10 лет (Хоффман, 2003, с. 208). Напротив, в национально-сепаратистских группах, которые поддерживаются местным населением, социализация новых членов не предполагает разрыва с семьей. Более того, часто, становясь членом организации, новобранец идет по стопам своих родственников,

а сам факт его участия в организации в семье получает поддержку отца, дядей, двоюродных братьев и т.д. Такие организации могут существовать десятки лет, на протяжении поколений «врастая» в религиозно-этническое сообщество, от имени которого они действуют.

Если рассматривать различия между этими двумя типами террористических организаций с точки зрения отношений отцов и детей, то анархико-идеологические группы находятся в конфликте с родителями, лояльными к существующему режиму. Напротив, национально-сепаратистские группы лояльны к родителям и вместе с родителями выступают в оппозиции к существующему режиму. Поэтому, по мнению Джерольда Поста, в анархико-идеологических группах непроницаемость границ делает вступление в них необратимым: новички вынуждены будут полностью оборвать свои связи с родными и близкими. Напротив, в национально-сепаратистских группах возможно движение в обе стороны (Post, 1986, 1990).

Важнейший фактор, ускоряющий принятие групповых ценностей и норм новичком — это новая идентичность, которая позволяет чувствовать себя защищенным, а свою жизнь — осмысленной, необходимой. Как говорит об этом один из чеченских террористов: «Люди не защищены ни кровно-родственной системой, ни государством. Все одинокие. И вот приходит ваххабит и объясняет самые простые вещи: здесь единобожие, здесь подчиняться надо, здесь враг, здесь убить надо... и все» (Хлебников, 2003).

Обычно в террористическую организацию приходят добровольно, постепенно доходя до «точки невозврата», когда совершенные действия делают невозможным выход из организации без угрозы для жизни со стороны своей же группы или спецслужб. Кроме того, новобранцы могут вербовываться насильственно. Известно, что одной из форм вербовки женщин-смертниц является физическое насилие над девушкой, когда ее на протяжении длительного времени удерживают в заточении, стараясь сломить ее волю и подвергая «социальной смерти». Уверенная в том, что ее никогда уже не возьмут замуж, а родственники отвернутся от нее, девушка может принять выход, предлагаемый рекрутером, — стать шахидкой, очистить себя через священное самопожертвование (Юзик, 2003; Bowers, Derrick, Olimov, 2004).

Необходимость все большей конспирации и усиливающаяся изоляция группы приводят к тому, что внешние личные связи членов ослабевают или обрываются (Klandermans, 1984). Вместе с тем боевые операции и совершение терактов с использованием смертников сокращают численность группы и ослабляют ее потенциал. Неся потери

и находясь в кризисе, террористические группы могут идти на крайние меры: совершать грабежи, набеги на ранее сочувствовавшие им населенные пункты, насильственно увозя с собой местную молодежь. Это подрывает доверие и симпатию к группе со стороны местных жителей, что еще больше сокращает внешние связи и возможности для рекрутирования новых членов. Порочный круг замыкается, что провоцирует группу на еще более радикальные и губительные для нее действия.

7. 4. МЕХАНИЗМЫ САМООПРАВДАНИЯ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МИРА

Изолированность террористической группы, ограниченность ее контактов с внешним миром неизбежно приводят к искаженному образу мира, усиливают защитную функцию механизмов социального познания. Многообразие окружающей социальной действительности упрощается *черно-белым видением*, в котором все происходящее предстает как борьба между «Мы» и «Они», между священным и профанным, между абсолютным добром и абсолютным злом. Чувство реальности исчезает, конструируется вымышленный мир, одинаково далекий от доминирующей культуры врага, и от субкультуры, из которой вышли сами террористы (McCormick, 2003).

Закрытость группы запускает и механизмы *рационализации, оправдания насилия*: действия, которые поначалу казались неприемлемыми, постепенно становятся вполне допустимыми и даже необходимыми. Примером такой метаморфозы может служить деятельность движения «Прямое действие» (Action Directe) во Франции. В него вошли левые группировки, боровшиеся с режимом Франко. В 1979 г. они начали с символических покушений, не планируя каких-либо кровавых расправ. Через год их арестовали, но затем отпустили. Выйдя на свободу и находясь вплоть до нового ареста в 1986 г. в полной изоляции, без поддержки со стороны других левых, они начинают убивать, многие из них становятся убежденными антисемитами.

Изоляция меньшинства делает возможной вольную интерпретацию и нарушение политических и религиозных принципов большинства, от имени которого ведется террористическая деятельность. В террористической группе можно обнаружить те же процессы, которые хорошо изучены на примере религиозных сект, возглавляемых харизматическими лидерами. Чем больше до вступления в группу новобранцы были

социально изолированы, оторваны от семьи и друзей, лишены социальной поддержки, тем больше они идентифицировали себя с сектой, тем с большим рвением они следовали всем приказам лидера. Оказалось, что чем больше было чувство психологического поддержки со стороны секты, тем больше ее члены были готовы нарушать нравственные нормы и культурные традиции, сформированные во время первичной социализации в семье, в детском саду, в детдоме, в школе и т.д. (Galanter, 1983; Post, 1990).

Террористы защищают интересы сообщества, находясь за его пределами, поэтому *нормы сообщества*, от имени которого они выступают, более не являются для них ориентиром и могут *вольню интерпретироваться или прямо нарушаться*. Наиболее характерным примером является объединение политического терроризма и криминала: похищение людей, торговля наркотиками, грабежи. Другим примером является исламистский терроризм, по-своему истолковывающий основные положения Корана и сунны (Кива, Федоров, 2003).

Наличие «врага», социальной группы, которой можно приписать ответственность за происходящее, приводит к утверждению собственной идентичности за счет антиконформности — отрицания ценностей и норм чужой группы (Nail, MacDonald, Levy, 2000). Именно чужая группа, а не своя культурная общность становится значимой для террористов. Как отмечают Л. Козер и Т. Ньюком, в этом случае можно говорить о негативной референтной группе (Козер, 2000, с. 114). При *культурной относительности моральных норм* они часто оказываются несовместимыми. Например, то, что в одной культуре интерпретируется как ущемление прав, в другой определяется как благочестие (Нагге, 2004), в зависимости от культуры различаются даже функции убийства (Цыцарев, 2004). Неготовность признать этот факт этноцентристски ориентированными правительствами приводит к действиям, подчеркивающим межгрупповые различия и усиливающим ценностный конфликт, или «психологическую несовместимость» мировоззрений (Юрьев, 2004).

Готовность нарушать нормы своей культурной группы подкрепляется недоверием к политическим и общественным институтам, убеждением террористов в *отсутствии или дискредитированности легальных путей* изменения политической, экономической и культурной ситуации (Fawaz, 2007). **Наконец, более важное следствие изоляции групп террористов от представляемого ими культурного сообщества — *нелегитимность и обесценивание «века сего»*, т.е. общества и отдельных людей.**

Террористы характеризуются «гностическим» мировоззрением: они убеждены, что существующий порядок обречен, что ему на смену придет совершенно другое общество, ради которого необходимы радикальные изменения. Этот социально-психологический феномен аналогичен «вере в справедливость мира» (Lerner, 1980), но прямо ей противоположен: этот мир оценивается как несправедливый и нелегитимный (Crocker, Major, 1989; Taylor, Louis, 2004). Одним из следствий этого «гностического» отчуждения от мира является примечательный факт: оказавшись в заключении, террористы не идут на контакт с другими группами заключенных и, в отличие от других осужденных, не проявляют никакого интереса к дополнительному образованию, не пытаются осваивать знания, которые могли бы пригодиться на воле (Сочинко и др., 2006). Можно предположить, что для них не существует принципиальной разницы между тюремным заключением и вольной жизнью: весь сегодняшний мир несправедлив, весь мир — тюрьма.

На внутриличностном уровне происходит искажение временной перспективы: настоящее эмоционально менее значимо, чем прошлое (золотой век в истории сообщества) и будущее (общественный идеал). Следствием этих искажений в образе мира становится *обесценивание и своей собственной, и чужой жизни* — цель оправдывает средства, необходимо разрушить мир во имя его спасения.

В террористической группе возникает «*иллюзия войны*» (Ferascuti, 1990), постепенно укрепляющееся убеждение в том, что они такие же солдаты, как и противостоящие им армейские и специальные антитеррористические подразделения. Рассматривая свое противостояние как полномасштабную войну, они и живут «по законам войны», оправдывая ими свою жестокость. «Америка наступает, хочет завладеть миром», — это убеждение для радикальных исламских фундаменталистов является аксиомой (Хлебников, 2003). Обещания мирной жизни кажутся им опасной иллюзией, реализация которой угрожает их социальной идентичности. Не только самих себя, но и весь окружающий мир они рассматривают как поле битвы, драматическое противостояние добра и зла, в котором им отведена роль героев-мучеников. Поэтому террористические акты часто осуществляются не для достижения заранее определенной цели, а для поддержания своей идентичности, для обострения чувства трагической реальности, столкновения с опасностью, подтверждения своих представлений о мире как о войне.

С иллюзией войны тесно связана «*иллюзия оборонительных действий*» (Rapoport, 1977), представление террористов о том, что их

действия являются лишь ответом на физическое, структурное или символическое насилие врага по отношению к притесняемому сообществу (политической партии, этнической или религиозной группе и т.д.). Контртеррористические операции правительства только усиливают эту иллюзию, создавая историю борьбы террористической группы с агрессором, давая основания для оправдания первоначальных терактов и героизации будущих мучеников.

Коллективная память, групповая история, террористический «нарратив» играют важную роль в формировании и деятельности террористической группы. В качестве сценариев своих действий террористические группы часто используют известные исторические примеры, опираясь на опыт тех, кого считают своими предшественниками. Такие примеры не только доказывают, что теракт возможен, но и служат образцами тактических приемов и правил ведения борьбы. Отсутствие опыта у формирующейся террористической группы компенсируется за счет исторического опыта сообществ, с которыми террористов связывает сходство судеб, политическая, религиозная или этническая идентичность (McCormick, 2003). Ряд исследователей отмечают, что, планируя операции, террористические формирования часто опираются не на точный расчет, а на героическую традицию, которая может не соответствовать сложившейся ситуации (Heuman, Mickolus, 1981; Хоффман, 2003). Имитация опыта других движений и террористических организаций не только облегчает распространение терроризма в международных масштабах, но и формирует особый, парадоксальный вид исторического сознания в террористической группе. Оно объединяет в себе, казалось бы, противоречащие друг другу ориентации: временная перспектива сужается до настоящего и ближайшего будущего, однако при этом происходит мифологизация сознания, включение террористами своей группы в многовековую историю борьбы добра и зла, в сакральное время: время пророков, тысячелетней борьбы за идею, вечный рай праведников и т.п. (Хоффман, 2003).

С одной стороны, переживание изолированности и постоянной угрозы своему существованию приводит к сужению временного горизонта. Как на уровне личности, так и на уровне группы становится все сложнее адекватно оценить долгосрочные последствия своих действий. Чем изолированнее группа, тем сильнее «иллюзия безотлагательности» действия. Это подтверждается историей террористических движений, которые откалывались от менее радикальных политических групп и постепенно прекращали с ними все контакты (радикальное крыло «Земли и воли», боевые ячейки максималистского крыла

«Союза социалистов-революционеров», радикальное крыло Ирландской республиканской партии, «Организация басков за родину и свободу» и др.).

В межгрупповом конфликте последствия ближайшего будущего преувеличиваются, а отдаленного будущего — недооцениваются (Loewenstein, Elster, 1992); будущее представляется необоснованно оптимистически как отдельной личностью (Weinstein, 1980, 1984, 1989), так и всей группой (Brinthaup, Moreland, Levine, 1991). Возникает «туннельное мышление», когда собственные действия и происходящие события рассматриваются в краткосрочной перспективе, на основании принципа «сейчас или никогда». Одним из последствий такого изменения временной ориентации является чувство неотложности действий, преувеличение дефицита времени. Вместе с тем известно, что чем сложнее конфликтная ситуация, тем больше вероятность того, что дефицит времени усилит склонность сторон к использованию стратегии доминирования и конфронтации (Stuhlmacher, Gillespie et al., 1998; Carnevale et al., 1993). Кроме того, при дефиците времени группа все больше внимания уделяет информации, подтверждающей или не подтверждающей изначально принятую позицию, тогда как нейтральная информация все меньше принимается к рассмотрению, что подталкивает группы к дальнейшей поляризации позиций (Kelly, Karau, 1999).

С другой стороны, при столкновении с «чужими», даже совсем недавно сформировавшаяся группа создает свою положительную историю, объединяющий ее нарратив о прошлом и будущем (Neal, Bazerman, 1991, p. 105). В межгрупповых конфликтах усиливается переживание «общности судьбы», т.е. увязывание личностью своего жизненного пути с историей интруппы, — не только с ее прошлым, но и с ее будущим. Включение индивидуальной временной перспективы в групповой нарратив — одна из составляющих процесса групповой идентификации. Характерным примером может служить склонность участников межнациональных конфликтов объяснять свои поступки событиями тысячелетней давности или отделенными последствиями складывающейся этнической ситуации, обращение в рассказе о своей биографии к историческим событиям. Террористическая группа ищет возможность включить собственные действия в «большую историю», объединяющую ее с другими группами и эпохами. В этом объединении своего «здесь и сейчас» с героическим пафосом освободительной войны она черпает основания для оправдания своих действий, сакрализации своего будущего. Наконец, какими бы ни были личные истории ее участников, какой бы трагической и несправедливой ни казалась им их личная

судьба до вступления в террористическую группу, они приобретают чувство осмысленности, неслучайности своего прошлого.

Эта парадоксальность групповых представлений террористов, по-видимому, является одной из причин того, почему стремление быть зримой угрозой, ориентация на освещение своей деятельности через СМИ не приводит к снижению изоляции. Современные террористические организации оснащены передовой спутниковой техникой связи и могут вести переговоры с людьми, находящимися в любой точке земного шара. Однако такая связь, за исключением случаев, когда она используется для координации усилий с другими группами и подготовки терактов, является односторонней. Так, например, согласно информации, которую Аль-Каида передает о своей деятельности через телевизионный канал Аль-Джазира, террористическое движение предстает не столько персонажем мировой истории, сколько ее творцом. Наоборот, отдельным людям, сообществам и государствам отведена роль участников террористического повествования об истории мира. Обращения террористических лидеров к мировой общественности и специально монтируемые видеосюжеты для показа в новостных каналах, — это мифологический нарратив со своей внутренней исторической логикой, подчиняющей себе все другие события. Не террористы, а весь остальной мир является персонажем в этой драме. Не будет преувеличением сказать, что террористическая картина мира и реконструкция современности, предлагаемая международными СМИ, — два разных времени, две разные истории, сближение которых является одной из целей терроризма.

7.5. ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРУППОВЫХ ПРОЦЕССОВ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

На протяжении последних 20 лет в психологии терроризма основными, наиболее освоенными уровнями социально-психологического анализа были и остаются внутриличностный, межгрупповой и социетальный, тогда как внутригрупповой уровень остается практически не задействованным. При этом в немногочисленных публикациях, посвященных собственно внутригрупповым процессам террористических организаций, основное внимание уделялось социо-когнитивным аспектам: механизмам рационализации совершаемого насилия, принятию решений и эффектам группового мышления,

способам индоктринации в ходе подготовки террористов. Однако это лишь один из аспектов деятельности террористических групп. Мы до сих пор очень мало знаем о том, как формируются межличностные отношения в группе, как развиваются и регулируются внутригрупповые конфликты, каковы социально-психологические стадии развития таких групп.

Среди наиболее важных и перспективных задач исследования терроризма на внутригрупповом уровне можно отметить систематизацию имеющихся свидетельств о структуре и динамике террористических групп. Мы по-прежнему очень мало знаем о том, как распадаются террористические группы и как их участники возвращаются к нормальной жизни в обществе. Здесь можно поставить целый ряд исследовательских вопросов, имеющих большое практическое значение. Что говорится новичкам, вступающим в террористическую организацию, о возможности покинуть ее? Какова психологическая природа изменений, происходящих с бывшими террористами, которые вынужденно (в тюрьме) или добровольно оторваны от своей организации? Какие факторы влияют на снижение интенсивности террористической деятельности через временное перемирие, отказ от участия в конкретном террористическом акте или через вовлечение в другую, например политическую или чисто криминальную, деятельность? При каких обстоятельствах, в каких случаях бывшие террористы чувствуют угрызения совести? Особенно важной является информация о причинах снижения доверия к руководителям, кризиса террористического мировоззрения. Чрезвычайно ценными в этом отношении являются свидетельства о том, что происходит в группе в ситуации неудачной операции: как восстанавливается уверенность группы в собственных силах, как преодолевается кризис доверия к лидерам и эмиссарам.

Недостаточно изученным является феномен лидерства в таких группах. По сравнению с теорией лидерства в современной социально-психологической науке исследования лидерства в психологии терроризма находятся на стадии теории черт. Мы знаем, какими личностными особенностями обладают лидеры террористических организаций, но мы очень мало знаем об их взаимодействии с последователями, используемых стилях руководства, способах завоевания авторитета. Между тем понимание социально-психологических оснований влияния лидера на последователей облегчает предсказание действий группы и поиск возможностей для ее разложения изнутри.

ГЛАВА 8

МЕЖГРУППОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: МЕЖГРУППОВОЙ И СОЦИЕТАЛЬНЫЙ УРОВНИ АНАЛИЗА

Глобальный характер террористической угрозы, рост числа и масштабов терактов подталкивают психологическую науку к изучению терроризма как *социально-психологического* явления. Предметом анализа становятся не столько непосредственные исполнители террористических актов (хотя проблематика индивидуальной мотивации террористической деятельности остается в сфере внимания), сколько психологические механизмы воздействия терактов на их жертв и общество в целом (в особенности анализ посттравматических расстройств и поиск путей и способов снятия этих состояний), а также социальные и культурные истоки терроризма.

Жертвой современного терроризма становится все общество, а не только отдельные социально-политические группы, на которые, в конечном счете, направлена террористическая активность. Ожидание новых терактов и связанные с этим острые аффективные переживания оказывают более травмирующее воздействие на психологическое состояние населения, чем уже осуществленные теракты, ужесточая тем самым психологические последствия террористических действий (Sederer, Ryan, Rubin, 2003; Решетников, 2004; Тарабрина, 2003; Ениколопов и др., 2004). Сочетание анонимности террористической угрозы, непредсказуемости террористических атак, массовости их жертв с чувством неконтролируемости собственной судьбы и личной уязвимости дестабилизирует общество.

На макроуровне основными предпосылками терроризма являются факторы, связанные с переходным состоянием сообщества (Moghaddam, Marrsella, 2004; Паин, 2002). К ним относятся: низкий статус социальной группы, отсутствие у ее членов надежды на социально-экономическое благополучие в рамках своей группы, разрушение традиционной системы ценностей, anomia общества. На личностном уровне в качестве факторов активизации террористической актив-

ности выступают: фрустрация, кризис культурной идентичности, переживание несправедливости в ходе социально-культурного сравнения.

Важной психологической особенностью современного глобального терроризма является отсутствие его локализации, единого центра, из которого направляется террористическая деятельность во всем мире, ее *сетевая* природа (члены террористических сообществ часто знают лишь одного связного или контактируют друг с другом через Интернет).

Как представляется, базовыми причинами усиления международного терроризма в современном мире являются социально-культурные противоречия, «цивилизационный разлом мира». Политико-экономический раскол мира на богатые и беднейшие страны, усиленный существенными различиями в восточном и западном миро-созерцании, является «питательной почвой» для формирования образа врага во всех террористических сообществах. Поэтому акции одних террористов могут стать сигналом для других, несмотря на отсутствие координации их действий неким единым центром. Рост ксенофобии вызывает «чувство второсортности» у этнических меньшинств и расширяет число потенциальных сторонников и участников террористической деятельности. Таким образом, теракт замыкает порочный круг, подкрепляя убеждение террористов в справедливости их действий и отсутствии легальных путей изменения ситуации, создавая ложное чувство осмысленности, исторической значимости их жизни и смерти, причастности к национальному героико-террористическому пантеону.

Проблематика терроризма в отечественной психологической науке стала интенсивно исследоваться с начала 1990-х годов. Стимулом для исследований послужило проведение круглого стола «Психологи о терроризме», организованного в 1994 г. журналами «Государство и право» и «Психологическим журналом», в котором приняли участие специалисты разных психологических ориентаций. За круглым столом были обсуждены различные аспекты этого феномена и связанные с этим практические задачи. Главное, что было зафиксировано на этой встрече, — обоснование системности и сложности этого социального феномена. Было признано, что терроризм имеет этнические, религиозные, социально-экономические и идеологические причины. Его основу составляют осознание несправедливости в распределении мировых экономических ресурсов, недостаточность каналов коммуникации, традиционное применение насилия, существование экстремистских групп,

слабость политического руководства стран, эрозия доверия к существующей власти и глубокие разногласия элит. Начиная с этого периода, возрастает интенсивность проведения теоретических и прикладных исследований в данной области; проблема терроризма становится предметом активного профессионального обсуждения. Отечественные психологи включаются в международные исследовательские проекты, в частности принимают участие в постоянно действующей международной конференции «Мировое сообщество против глобализма, преступности и терроризма» (2004), организаторами которой являются «Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум», «Национальный антикриминальный и антитеррористический фонд» (Россия) и Комитет Государственной Думы РФ по безопасности. К числу значимых событий в жизни психологического сообщества последних лет, направленных на предотвращение террористической угрозы, относятся участие психологов в ряде междисциплинарных форумов, организованных Институтом психоанализа, возглавляемым М. Решетниковым, а также в работе конференций, проводимых по инициативе правоохранительных органов, круглого стола «Терроризм в современном мире» (2005) в журнале «Вопросы философии» и др.

8.1. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Социокультурный подход к анализу проблемы терроризма, к анализу социально-культурных условий и оснований мотивации деятельности потенциальных террористических групп признается многими исследователями одним из наиболее перспективных (см., например: Moghaddam, 2004; Ditzler, 2004).

При этом подчеркивается, что эти условия *не обязательно неизбежно связаны* с включением той или иной социально-культурной группы в террористическую деятельность. Просто эти условия *повышают потенциальную вероятность* такого исхода.

В социокультурном подходе к проблеме мотивации терроризма меньше внимания уделяется проблеме индивидуальной мотивации (Pearlsein, 1991), хотя признается ограниченная полезность индивидуально-психологического подхода. Обычно в анализе криминального поведения делается акцент на идентификации психологического профиля террориста, на диспозиционных характеристиках индивиду-

ального уровня. Однако такой подход считается менее эффективным при изучении проблемы терроризма в целом.

В отличие от большинства «чистых» преступников *террористы абсолютно убеждены, что правда и справедливость на их стороне*; и эта убежденность возникает из соответствующих мировоззренческих взглядов на жизненное устройство (White, 2002).

Установлены следующие основные положения социокультурного подхода к анализу проблемы терроризма:

1) наиболее эффективным подходом к пониманию терроризма является культурно-идентификационный и групповой анализ этого феномена, а не индивидуально-диспозиционный (Geerts, 1973; Moghaddam, 2002);

2) социально-культурный анализ дает возможность исследовать и идентифицировать культурный профиль условий, повышающих вероятность формирования и развития потенциальных террористических групп;

3) наиболее фундаментальной характеристикой культурного профиля потенциальной террористической группы являются *групповые стили восприятия социальных изменений и стабильности общества*;

4) наиболее важные «*предусловия*» возникновения террористической группы одинаковы независимо от того, являются ли эти группы антигосударственными или спонсируемыми государством (Moghaddam, 2004, p. 104).

Таким образом, при социокультурном подходе делается *акцент на характеристике универсальных культурных условий*, дающих рост формированию потенциальных террористических групп, признаются фундаментальные отличия в поведении различных террористических групп во всем мире (исламских и еврейских; католических и протестантских и т.п.). Хотя эти различия достаточно важны, все террористические группы возникают при конкретных культурных условиях, связанных с социально-культурной идентичностью и имеющих универсальные черты.

В целом социокультурный подход к анализу проблемы терроризма сформировался на основе исследований систем убеждения, мировоззренческих ценностей, связанных с социально-культурной идентичностью, и других характеристик террористических групп (см., например: Blazak, 2001; Kaplan, Marshall, 1996; Rapoport, 2001; Crawshaw, 1988; Atran, 2003; Barber, 2001; Hoffman, 1998; Kennedy, 1998; Laquer, 1999 и др.). Согласно социально-культурному подходу, существует ряд положений, при которых совокупность культурных условий

с наибольшей вероятностью усиливает возникновение потенциальных террористических групп независимо от индивидуальных характеристик их участников:

- по отдельности каждое условие не будет являться значимым индикатором возникновения потенциальных террористических групп в обществе;
- совокупность культурных условий (индикаторов) — это нечто большее, чем простая сумма этих условий (т.е. проявляется системный эффект);
- даже когда все условия присутствуют, остается возможность у потенциальной террористической группы избежать активно-го включения в террористическую деятельность;
- несмотря на то, что все культурные условия играют важную роль, два условия — *изоляция потенциальной террористической группы* от основного общества и *специфический стиль восприятия социальных изменений* — играют особую роль в «катализации» возникновения террористических групп; их следует рассматривать особо.

Культурные условия и предпосылки, способствующие возникновению потенциальных террористических групп, можно рассматривать как расположенные на континууме: на одном полюсе группируются культурные условия, связанные с социетальными и структурными характеристиками, на другом — с индивидуальными восприятиями. При этом важно рассматривать эти индивидуальные характеристики как возникающие из культурно обусловленной социализации, как основанные на типе культуры, а не как внутренне и имманентно при-сущие отдельным индивидам.

Исходя из этих предпосылок, выделяются следующие самые общие положения, связанные с конкретными социально-культурными условиями и особенностями социально-культурной идентификации, влияющие на вероятность возникновения террористических групп обществе:

- восприятие изолированности социально-культурной группы зачастую исходит из намеренного притеснения и исключения ее из жизни социума (или шире — из восприятия той или иной нации, государства, его национально-культурной мировоззренческой или религиозной ориентации как не соответствующей общим тенденциям мирового развития);

- противопоставление «доброй божественной воли» и «дьявольской воли»;
- восприятие существующего общества как незаконного и несправедливого;
- восприятие необходимости и потребности радикального изменения общества;
- убежденность в том, что идеальное общество — это цель, которая оправдывает средства для ее достижения;
- убежденность в том, что акты терроризма — это эффективное средство дестабилизации существующего несправедливого строя.

В этой связи многие исследователи терроризма — представители *незападной* социально-культурной ориентации — обращают особое внимание на то, что для более объективного анализа этого системного феномена западным исследователям полезнее исходить не из своих этноцентрических ориентаций, а объективно признать важную роль культурных условий возникновения этого феномена, в том числе — мотивацию и поведение террористов-самоубийц. Для более объективного подхода им полезно объективно осмыслить историю самой западной цивилизации, в которой самопожертвование, мученичество, героизм и т.п. ради сохранения своей независимости, социально-культурной идентичности были широко распространены и одобряемы (Modhaddam, 2004, p. 117).

Вообще правильное понимание мотивации самопожертвования человека ради групповых интересов невозможно без рассмотрения более широкого социально-культурного контекста, в рамках которого формируются представления «о хорошем солдате», «хорошем христианине», «хорошем мусульманине» и вообще — «о патриоте своего Отечества», нации, о нравственных ценностях своей религии.

В этой связи с позиций социокультурного подхода к проблеме терроризма главное внимание необходимо направлять на анализ, устранение социальных и культурных условий и соответствующих социально-психологических процессов, дающих рост групповому насилию (Staub, 2004, p. 151).

Прежде всего, массовое насилие — это следствие трудных условий жизни в обществе, тяжелых экономических проблем, политических конфликтов, быстрых социальных изменений, социально-культурной, религиозной и политической дискриминации или комбинации этих факторов. Все это оказывает большое психологическое воздействие на психику человека. В общей массе населения они фрустрируют ба-

зовые потребности людей — потребности в безопасности, положительной идентичности, чувстве эффективности течения собственной жизни и контроля над ним, ощущении надежных перспектив своего существования (Staub, 1989; Burton, 1990; Kelman, 1990). С другой стороны, конфликт между социально-культурными группами в *обществах*, особенно в отношении «витальных» потребностей, приобретает особую значимость. Кроме материальных составляющих (экономических, трудностей разделения территории и т.п.), они связаны с психологическими составляющими феномена терроризма — это часть культурной идентичности. Поскольку базовые потребности воспринимаются фрустрированными и связанными с социально-культурной идентификацией, это превращает конфликт в трудноразрешимый.

Базовые различия между группами в обществах — во властных позициях, привилегиях, перспективах развития, социально-культурной и религиозной специфике — могут существовать длительное время без насилия. Однако когда группа начинает испытывать *депривацию* своих витальных потребностей и приходит к осознанию того, что ее положение в обществе несправедливое, конфликт может актуализироваться.

Базовый мотив стремления к справедливости, естественно, трактуемый разными социально-культурными группами в соответствии с их положением в обществе, в мире в целом и со спецификой социально-культурной идентичности, становится составной частью стремления к сопротивлению и, в конечном счете, — к использованию терроризма как крайнего средства выживания группы в борьбе за справедливость.

Одним из важных и «трудных условий» современного мира являются быстрые и масштабные культурные изменения. Традиционные коллективистские общества, которые отвергают свободу самовыражения граждан в западно-либеральном смысле или изменение религиозно-идейных основ существования, сталкиваются с особыми трудностями. Перед этими странами встают принципиальные проблемы духовно-нравственного и религиозного плана, связанные с невозможностью принятия ценностей западной цивилизации.

В условиях экспансии западной парадигмы существования жесткое разграничение на «Мы» и «Они» по социально-культурным основаниям и религиозным ценностям являются именно базовыми психологическими установками, создающими условия для возникновения современного феномена терроризма.

Кроме того, как утверждают многие исследователи проблем терроризма (Staub, 2004, р. 155), **международная политика США и негативные реакции на ее осуществление во многих регионах мира объективно**

вызывают рост причин и мотиваций для террористической деятельности в современном мире. В этом смысле Соединенные Штаты, независимо от своих национальных интересов, в определенной степени являются «козлом отпущения», ответственным как главный организатор культурных изменений в мире за эти изменения, которые трудно воспринимать традиционным обществам. Одно из явлений, которое может стимулировать рост насилия, — это «обесценивание» социально-культурной группы в обществе (Staub, 1989, 1999, 2001). Поэтому бедные слои населения, ограниченные в своих правах и властных позициях, могут присоединяться к группам и движениям, декларирующим в своих целях изменение социального порядка (Pilisuk, Wang, 2002).

Для успешной борьбы с терроризмом необходимо обращать максимальное внимание на причины формирования чувства безысходности, потери перспектив жизненного развития и надежд у широких масс населения с точки зрения удовлетворения базовых потребностей существования. Это требует установления идеологии плюрализма, «демократии и экономического развития для всех», достойных материальных условий и удовлетворения психологических потребностей людей и групповых образований (Staub, 2004, p. 167).

Разработка соответствующих мер противодействия терроризму, ослабления соответствующей мотивации, программ восстановления баланса в обществе должна начинаться с оценки целей терроризма, его мотивации и реализации действий террористов. Опыт показывает, что есть общие основания мотивации терроризма, социально-культурные и контекстуальные факторы, способствующие его актуализации. Можно сделать ряд обобщений, касающихся взаимосвязей между целями, тактиками и особенностями средств выполнения террористических действий (Ditzler, 2004, p. 188):

- террористы обычно представляют специфические национальные группы;
- их тактики обычно являются асимметричной формой вооруженной борьбы, аналогичной традиционным формам партизанской борьбы;
- их мотивации в целом являются политическими или культурно обусловленными даже в тех случаях, когда террористические действия на индивидуальном уровне соответствуют общепринятым формам совершения преступных действий;
- террористические действия обычно направляются на мирное население.

8.2. ТЕРРОРИЗМ И ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ: МОТИВАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Как же действует механизм психологической идентичности (в широком смысле), обуславливающий формирование условий, способствующих «укреплению и пополнению» рядов террористов (т.е. мотивации террористической деятельности)?

Теория социальной или коллективной идентичности позволяет дать ответ на подобные вопросы. Она не заменяет анализа других психологических и социально-психологических процессов в понимании феномена терроризма (см., например: Unger, 2002), она является важным социально-психологическим инструментом анализа, обеспечивающим более глубокое понимание условий, способствующих возникновению терроризма.

Исходя из определения терроризма как экстремальной формы политически или религиозно мотивированного насилия, рациональной основой террористических действий могут выступать следующие макрофакторы. Во-первых, некоторые социально-культурные группы не могут защитить свои жизненные интересы и ценности от экспансии более сильных групп и тем самым достичь своих политических целей обычными средствами (в том числе и военными) просто в силу своей слабости (экономической, военной и т.д.). Во-вторых, они не могут привлечь внимание противников и победить политическими средствами в силу их маргинального положения в идеологическом плане. Поэтому террористическая деятельность и ее направленность на мирное население «противника» с целью ввергнуть его во всеохватывающую атмосферу страха, возмущения и социальной поляризации может оказаться единственным средством, доступным для таких групп, совершенно не способных «состязаться» с более сильным противником в военном или политическом плане.

Теоретический конструкт Я-концепции, в широком смысле включающий как индивидуальные, так и социальные компоненты (см., например: Журавлев, Соснин, Красников, 2006; Tajfel, 1981; Tajfel, Turner, 1978), общепризнанно считается одним из центральных для объяснения человеческого поведения, в том числе может с успехом применяться для раскрытия мотивации терроризма (Taylor, 2002).

Теория социальной идентичности предлагает четыре основных концепта для анализа межгрупповых отношений: самоидентификацию (категоризацию), самооценку, личностно-индивидуальную идентичность и коллективную, или групповую, идентичность. Традиционно при

анализе поведения людей с использованием теории Я-концепции акцент делается на ее индивидуальных компонентах: личностной идентичности и самооценке (Baumeister, 1999). Однако многие исследователи предлагают сместить акценты: для более глубокого понимания динамики межгрупповых отношений правильнее отдавать приоритет именно групповой, коллективной идентичности, поскольку личностная идентичность и самооценка — это производные составляющие Я-концепции (Taylor, 2002). Несмотря на то, что личностная идентичность и самооценка являются центральными для индивидуального функционирования личности, личностную идентичность невозможно сформировать без коллективной как основного базиса для самооценивания. Именно поэтому коллективная идентичность обладает «психологической приоритетностью», что имеет колоссальные последствия для мотивации терроризма (Taylor, Louis. 2004, p. 173).

В целом индивид без ясного определения своей коллективной идентичности не может сравнивать себя с другими людьми и формировать индивидуальную идентичность. В этом отношении коллективная идентичность террористической организации определяет для ее членов групповые убеждения, ценности, установки и жизненные цели. Более того, она конкретизирует пути и способы усвоения индивидом своих личных ценностей и жизненных целей. В этом плане индивидуальный террорист начинает думать, что у него есть воля, убежденность, что он делает самостоятельный выбор и несет индивидуальную ответственность за этот выбор. Однако личностная идентичность может быть определена только на основе коллективной.

Исходя из этих положений, каждый индивид имеет множество идентификаций: от этнических и гендерных групп до групп проведения досуга. Тем не менее, одна из групповых идентификаций имеет для индивида главное, преобладающее значение: это его социально-культурная, а в ряде случаев религиозная коллективная идентичность. Культурная и религиозная идентичность имеют особый статус, поскольку охватывают все аспекты личной жизни человека. Культура и религия неразделимы, поскольку оба этих аспекта жизни являются для человека всеохватывающими (Соснин, 2002). Благочестивые евреи, мусульмане, буддисты и христиане действительно относятся к своей религии как к критерию оценки любого аспекта своей жизни. Поэтому культура и религия могут рассматриваться как явления, имеющие в основе социально-культурную идентичность.

В этой связи возникает вопрос: почему религиозная и культурная идентичность так важна для людей? Кроме других частных идентич-

ностей (профессиональных, поло-ролевых и т.д.), культурная коллективная идентичность дает человеку основу и критерии поведения в различных сферах жизнедеятельности, включая структуру семьи, воспитание детей, приемлемое поведение с представителями противоположного пола и старшими, понимание того, как относиться к смерти, к проблемам взаимности, статусов в профессиональной сфере и объяснение непонятных событий. Культурная идентичность обеспечивает людям объяснение их истории, своих групповых целей и приемлемых способов их достижения.

В этой связи наиболее важным для анализа мотивации терроризма с точки зрения социально-культурной перспективы становятся не объективные стандарты бедности людей традиционных обществ сами по себе, а степень разрушения коллективной идентичности в целом. Другими словами, культурная идентичность дает ее носителям чувство структурной рациональности общественного устройства, понимание того, как ориентироваться и организовывать свою жизнь в соответствии с канонами и нормами общества и понимание того, что ценно в жизни и к чему необходимо стремиться.

Глобализация мира по западным ценностным образцам диктует всем обществам единую ценностно-культурную парадигму — фактически замену своей социально-культурной идентичности, установленной системы норм и ценностей на другие, которые вступают в тотальное противоречие с прежней культурной идентичностью.

Стремление представителей традиционных обществ сохранить свою прежнюю культурную идентичность не является чем-то новым. В этой связи встает вопрос: какие социальные группы традиционных обществ наиболее уязвимы при столкновении с этими изменениями? Именно молодые люди становятся жертвами подобных изменений. Именно они, ориентированные на будущее, испытывают наибольшую неопределенность и беспокойство, поскольку у них нет ясно сформированной коллективной идентичности, обеспечивающей им ориентиры самоопределения и формирования положительной личностной идентичности как основы для достижения своих индивидуальных жизненных целей.

В момент глубоких социальных изменений кто страдает больше всех? Это именно молодое поколение традиционных обществ. Эти молодые люди, рожденные в условиях «изначального» отсутствия равных перспектив для индивидуального развития переживают чувство тотальной безнадежности, хотя и не обязательно побуждаются к политическим действиям. Не имея возможности сформировать но-

вую коллективную идентичность, эти молодые люди, изначально не имеющие равных возможностей для своей самореализации, будут испытывать состояние всеохватывающей демотивации и аномии.

Вот, например, описание бедственного положения молодых людей в лагерях беженцев: «Около шести миллионов перемещенных лиц живут в лагерях беженцев по всему миру. Некоторые из них являются беженцами в третьем поколении. Они не имеют никакого официального статуса, никаких возможностей для образования, работы, санитарных и социальных условий для нормальной жизни. Каждый представитель подобных лагерей надеется найти прибежище в той или иной стране и как-то реализовать свои возможности, и вместе с тем каждый из них знает, что их шансы равны нулю» (Palmer, Taylor, 2002, p. 178).

Однако что будет происходить с теми молодыми людьми из этой среды, которые получили образование и имеют возможность слушать ВВС или «Голос Америки», т.е. с теми, кто имеет относительно привилегированное положение в своем обществе? Именно эти амбициозные молодые люди, понимая угнетенность своей социально-культурной группы (своего общества) — наиболее вероятные кандидаты не только для вступления в террористическую организацию, но и для руководства ею.

Существенной чертой функционирования коллективной идентичности является не только детерминация тех или иных аспектов человеческого существования, ценностных аспектов жизнедеятельности, но и способов и условий их достижения (как уже говорилось, она выполняет функцию объяснения того, почему конкретная «группа не достигает такого же успеха, как и другие культурные группы»).

Во многих странах с традиционным коллективистским типом культуры (особенно в странах мусульманского мира), где уровень ограничений и депривации в личной жизни их членов достаточно высок, люди не могут «конструировать» и инкорпорировать в свою социально-культурную идентичность новое понимание социальных условий, ограничивающих их свободное развитие.

Как только одна из наиболее сильных в мире культур — западная в целом и американская в частности — начинает восприниматься, оцениваться и рассматриваться в качестве единственной и исключительной причины депривации и ущемления стран с коллективной идентичностью, результирующий вывод становится неизбежным. Достижения могут реализовываться только посредством освобождения мусульманских стран от ущемленного положения в современном мире. И это может быть достигнуто только в конфронтации с наиболее

сильной культурой в мире. И поскольку вы не можете бороться с таким сильным противником обычными военными или дипломатическими средствами, то организованный терроризм становится неадекватным, но единственным решением. Именно в силу этих геополитических и социально-экономических тенденций современного мирового развития с глобальной экспансией западной цивилизации, население многих стран традиционных обществ, особенно молодое поколение стран мусульманского мира, становится базой для рекрутирования в террористические организации.

Многие молодые представители стран мусульманского мира и вообще стран с коллективистским типом культуры в целом могут в какой-то степени опереться на свою социально-культурную, религиозную идентичность. Но безнадежное ущемление прав их культурного сообщества внушает им чувство нахождения на обочине общества без четкой социально-культурной идентификации, независимо от передачи им взрослым поколением исторического содержания их коллективной идентичности. И это постольку, поскольку самым важным аспектом этой идентичности для молодого поколения становится то, что она не дает им адекватного ответа на вопрос, какими путями можно достичь культурно одобряемых социальных целей, т.е. в этом аспекте она остается для них «пустой коллективной идентичностью» (Taylor, Louis, 2004, p. 179).

Именно поэтому для многих из них становится привлекательным предложение террористических организаций, которые, отталкиваясь от базовой социально-культурной и религиозной основы коллективной идентичности, предлагают им такую «обновленную» коллективную идентичность, которая содержит четко определенный путь для улучшения условий индивидуального и группового существования.

Коллективная идентичность террористической организации становится для индивидуального террориста нормативной основой соотнесения для формирования своей личной идентичности. С психологической точки зрения коллективная идентичность террориста становится для индивида в высшей степени привлекательной постольку, поскольку удовлетворяет базовую социальную потребность человека — потребность в принадлежности к группе. Она базируется на «своей» социально-культурной идентичности; на религиозной основе, не требующей никакого особого подтверждения (независимо от того, в какой степени индивидуальный террорист знаком с основами своей религии); имеет четко определенное объяснение и рационализацию бесправного положения молодого поколения в частности и подавляю-

щего числа членов общества в целом; а также предлагает четкий и ясный путь — как конкретный индивид может достичь социально одобряемого статуса и уважения. Кроме этого, коллективная идентичность, предлагаемая террористической организацией, дает общую перспективу достижения лучших условий группе и индивиду.

Необходимо подчеркнуть, что не для всех членов ущемленных в социальном плане групп привлекательно коллективное действие в форме терроризма. Во-первых, независимо то того, в каком бесправном положении находится социально-культурная группа, в любом обществе есть социальные сегменты, находящиеся в привилегированном положении: религиозные, политические или экономические элиты. Это члены группы, чье положение в обществе зависит от статус-кво; поэтому они не склонны к включению себя в какую бы то ни было новую или обновленную идентичность, связанную с террористической активностью. Во-вторых, большинство членов социально-культурной группы обычно привержены к традиционной коллективной идентичности, даже если она не очень хорошо служит им в целом. Однако анализ формирования коллективной идентичности тех сегментов населения, которые не «тяготеют» к терроризму, помогает лучше понять привлекательность терроризма для молодого поколения.

В этой связи показателен анализ современных тенденций динамики социокультурной идентичности в исламских обществах, проведенный Ф. Мохаддамом, известным социальным психологом, имеющим солидный опыт жизни в исламском мире (Иран, Ирак) и признанным специалистом в области психологии терроризма.

В своей работе *«Терроризм с позиции самих террористов: что они переживают и думают, и почему они становятся террористами»* (Moghaddam, 2006) автор концентрируется на рассмотрении проблемы возникновения терроризма в исламском мире и предлагает ответ на вопросы: почему индивиды вовлекаются в террористические организации, каковы психологические процессы, с помощью которых они подвигаются на совершение террористических актов? В основу анализа он кладет концепцию кризиса социокультурной идентичности в исламских обществах в условиях глобализирующегося мира.

По его мнению, люди в исламском мире становятся террористами в силу того, что их традиционные общества позволяют им удовлетворить витальную потребность в идентичности, только вступая в такие относительно автономные исламские организации, как террористические группы (т.е. через «дополнение» традиционной социокультурной иден-

тичности своего сообщества идентичностью террористической организации). Неспособность и невозможность реализовать индивидуальные права и развить свои личностные качества в рамках традиционной социокультурной идентичности порождает недовольство и отчаяние и стремление найти «новую» идентичность на основе традиционной, вступая в террористическую организацию. Автор показывает также, что, тогда как закрытость традиционных обществ и их ограниченность пределами исламского фундаментализма способствует формированию условий для приверженности террористов к разрушению, политика США в регионе с поддержкой деспотических правительств и репрессивной политики Израиля в отношении Палестины, превратили Соединенные Штаты в неизбежную цель терроризма. Он приходит к выводу, что военные усилия США не смогут искоренить терроризм на Ближнем и Среднем Востоке до тех пор, пока они сами не изменят свою политику поддержки современных деспотических режимов и более корректно не станут поддерживать развитие демократических условий в регионе. При этом автор признает наличие внутренних проблем у стран исламского мира в связи современными глобализационными тенденциями мирового развития. Вести борьбу с кризисом социокультурной идентичности в исламских обществах он рекомендует через концентрацию усилий по формированию так называемой «контекстуальной демократии», которая позволит мусульманам обратиться к решению своих политических (по-видимому, внутренних) проблем, одновременно сохраняя свою аутентичную идентичность.

Итак, нормативная структура коллективной идентичности террористических организаций обеспечивает психологическую основу для индивидуального поведения, т.е. четко сформулированную совокупность групповых норм. Наряду с тем, что эта коллективная идентичность позволяет индивиду на личностном уровне «запускать» процесс формирования индивидуальной идентичности и личностной самооценки, с течением времени индивид начинает просто следовать поведенческим нормам, конкретизированным в коллективной идентичности террористической организации. В межгрупповой ситуации, активизирующей групповую идентичность террориста, собственная группа индивида обуславливает соответствующие установочные или поведенческие нормы, которым следует придерживаться, особенно по отношению к внешней группе. В психологическом плане социальная идентичность собственной группы (и террористической в том числе) опирается на положение, что ингрупповые нормы выполняют функцию «исключительного руководства» на поведенческом уровне в меж-

групповых ситуациях взаимодействия (Журавлев, Соснин, Красников, 2006; Terry, Hogg, White, 2000 и др.). Осуществленные исследования помогают понять, как террористические группы влияют на группы большинства — они заявляют о себе громко, выступают регулярно и единым фронтом (Moscovici, 1994). Фактически террористические группы в своем сообществе — это группы меньшинств, обычно их взгляды считаются в обществе исключительно экстремистскими. Именно поэтому нормы коллективной идентичности террористической организации, как правило, являются максимально «рельефными», экстремально упрощенными и ясными для индивидуальных членов, исключая возможность какой-либо неправильной интерпретации. Такая ясность и упрощенность этих норм удовлетворяет важную психологическую потребность членов террористических организаций; дополняя коллективную идентичность социально-культурного сообщества, к которому они принадлежат, это позволяет им получить «вразумительный» ответ на вопрос о своей индивидуальной жизненной перспективе. Данное обстоятельство помогает глубже понять, почему террористическая организация становится такой привлекательной для конкретных категорий (членов) социально-культурных обществ, занимающих в современном геополитическом «мировом ландшафте» угнетенное положение.

8.3. НОРМАТИВНАЯ СТРУКТУРА ДОМИНАНТНЫХ ВНЕШНИХ ГРУПП И ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В государствах и сообществах, занимающих невыгодное, «ущербное» положение в мировом социуме, в которых жизнь в связи с процессами глобализации приобретает хаотический характер, влияние и проведение международной политики наиболее развитых и «сильных» стран (введение эмбарго, инициация локальных конфликтов, культурная экспансия и т.д.) вынуждает рядовых членов этих сообществ как-то сопротивляться и защищать свой суверенитет, опираясь на свою коллективную идентичность. Молодое поколение этих стран не имеет такой сильной привязанности к своей коллективной идентичности, как старшее, и встает перед проблемой получения ясного ответа на вопрос: почему их социально-культурная общность так страдает и ущемляется в общем геополитическом ландшафте? Убеденность

в существовании несправедливости, идентификация «зловредного врага», распространяющего несправедливость, а также приписывание этому врагу ответственности за ущемленное положение своей этнокультурной группы в огромной степени упрощают для членов террористических организаций понимание истоков социальной несправедливости, перед которыми оказалась их социально-культурное сообщество. Для рядовых членов угнетенных социально-культурных групп этот объяснительный механизм зачастую принимает форму глобальной мировоззренческой установки (как защитной реакции) и убежденности в несправедливости мироустройства (Crocker, Major, 1989; Staub, 2001). Эта установка имеет психологическую ценность потому, что может выступать «точной репрезентацией» и объяснительной основой существования межгруппового неравенства и поддерживаться членами угнетенной группы, обеспечивая тем самым разумное руководство коллективным действием. Даже если эта глобальная объяснительная установка объективно не совсем верна, непротиворечивое понимание социальной несправедливости, которое она обеспечивает (как происходящей от зла и внешней доминантной группы), обладает специфической психологической ценностью. Она снимает неопределенность и позволяет экстернализовать вину на внешний мир и тем самым защитить и сохранить собственную самооценку.

Кроме этого, можно предположить, что идентификационные процессы, мотивирующие явления терроризма, выдвигаются на первый план в случае понимания терроризма как фундаментально интерактивного процесса. Другими словами, можно утверждать, что если потенциальные террористы сталкиваются с неопределенностью формирования коллективной идентичности своей социально-культурной группы, они будут направлять свою эмоциональную энергию на отвержение внешней доминантной группы.

Фактически, чем больше неопределенность в подтверждении ценности и значимости собственной коллективной идентичности, тем больше вероятность того, что потенциальные террористы будут стремиться к формированию ясной, до предела упрощенной идентификационной парадигмы, позволяющей им определять себя как «не принадлежащих к внешней группе».

В психологической литературе по проблемам социального влияния неприятие, отвержение норм внешней доминантной группы обозначается термином «реактивное сопротивление» (Brehm, 1966; Neilman, 1976) или «антиконформизм» (Neil, MacDonald, Levy, 2000). При этом исключительную важность приобретает связь между про-

цессами оказания влияния и выстраиванием политической стратегии. Для угнетенных групп, ориентированных на отрицание статус-кво, их энергия отрицания приобретает самостоятельное политическое значение (например, социальное движение имеет такие лозунги, как «Сопrotивление», «Борьба с несправедливостью», «Расизм не пройдет» и т.п.).

Таким образом, осознанное нарочито показное отрицание влияния «врага» может обеспечивать террористическим организациям психологическую «анкеровку» для формирования собственного коллективного Я и новой ориентации для коллективных действий при отсутствии каких-либо позитивных параметров, позволяющих сформировать коллективную идентичность (Louis, Taylor, 2002). Поэтому, если говорить о странах мусульманского мира, «совмещенность» слабых силовых возможностей этих сообществ в достижении своих жизненных целей на мировом уровне с убежденностью в ответственности западного культурного сообщества (прежде всего американского), препятствующего достижению глобальных целей своего существования, становится основой деятельности террористических организаций, направленной на реализацию негативных последствий для внешних доминантных групп.

Именно поэтому, как это ни парадоксально, структура норм и ценностей доминирующих социально-культурных групп оказывает влияние на действия, которые предпринимают террористы. В той степени, в которой социокультурный подход к объяснению мотивации террористической деятельности позволяет приблизиться к пониманию существующих реалий и оказывается релевантным, следует еще раз повторить: доминирующая социально-культурная ценностная парадигма западной цивилизации — это тот главный мотивирующий фактор (с социально-психологической точки зрения), который детерминирует глобальный ответ сообществ, имеющих коллективную идентичность, для своей защиты, в том числе и мотивацию террористической деятельности.

* * *

В заключение раздела кратко рассмотрим следующий вопрос: в анализе проблемы мотивации террористической деятельности с позиций социокультурного подхода в условиях глобализации акцент был сделан на несовпадении социально-идентификационных характери-

стик обществ с коллективистическим и индивидуалистическим типами культур. Воплощением последней является доминирующая западная индивидуалистическая культура. Но в спектре традиционных обществ также есть, по меньшей мере, две социально-культурные парадигмы: с одной стороны, страны мусульманского мира с пассионарной включенностью в политическую активность, социально-культурная идентичность которых, с точки зрения духовно-религиозных ценностей, может способствовать активизации террористической деятельности как глобальной реакции на доминирование западной культуры и угрозу своей социально-культурной идентичности и независимости, с другой — социально-культурная идентичность традиционных обществ с православной христианской ориентацией.

Отличительной чертой традиционных обществ такого типа является то, что базовый социально-культурный архетип их членов (включающий такие ценности, как смирение, милосердие, послушание, терпимость к членам иных этнических групп и т.д.) принципиально препятствует мотивации террористической деятельности при защите норм и ценностей своей социально-культурной идентичности. В истории нашего государства есть примеры участия его граждан в террористических организациях и осуществления террористической деятельности. Но важно подчеркнуть, что эта террористическая активность, как свидетельствует история, была направлена не на защиту традиционных устоев общества, а на их разрушение (т.е. эти террористические организации и их члены были своеобразными «проводниками», инструментом и орудием экспансии западной цивилизации на устои традиционного общества).

Для традиционных обществ, принадлежащих к православной ориентации, конечным глобальным ответом на угрозу своего культурного существования, как показывает история, оказывается не террористическая активность, а сопротивление в форме всеобщего бунта. Естественно, это тема отдельного анализа. Но в условиях глобализирующегося мира и доминирования западного образа жизни конечным «ответом» одной наиболее «объемной» этнокультурной группы — русских — и других этнокультурных групп, близких им по мировоззрению, будет не терроризм, а сопротивление в форме глобального бунта. И об этом свидетельствует многовековая история нашей страны.

Борьба с международным терроризмом — это экзистенциальная проблема, связанная с пересмотром глобальных отношений мирового устройства. Еще раз можно подчеркнуть, что движение к однополярному миру по «лекалам» западной цивилизации — это губительный

путь мирового развития. Если мы принадлежим к роду разумных существ, то должны осмыслить и признать необходимость смены существующей цивилизационной тенденции развития, т.е. понять и начать предпринимать действия, пока еще есть время для глобального межкультурного диалога, в том числе и на уровне политической воли руководителей стран, именно реального диалога, а не его декларации, и устройства мира с учетом более справедливых норм межгруппового взаимодействия.

РАЗДЕЛ III

Социально-психологические аспекты противодействия терроризму

ГЛАВА 9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АКТОВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Данная глава в сжатом виде суммирует психологические последствия от воздействия актов терроризма на психику и здоровье жертв насилия и проблемы реагирования и оказания психологической помощи с позиции психологической науки.

Исследования по преодолению последствий посттравматического стресса у жертв преступлений и насилия традиционно проводятся в рамках *медицинской психологии* и сформировавшейся в последнее десятилетие самостоятельной отрасли науки о психическом здоровье — *психотравматологии*. Основным направлением деятельности этой отрасли является изучение последствий переживания людьми экстремальных ситуаций — военных, антропогенных, стихийных, преступных, в том числе террористических — и оказания им адекватной психотерапевтической помощи. Предметом ее исследования является широкий спектр психических состояний, охватываемых *понятиями психологической травмы и посттравматического стресса*. В данной отрасли работают как клиницисты, так и психологи, а актуальность и интенсификация исследовательских работ в этой отрасли как у нас, так и за рубежом непрерывно увеличивается в связи с растущим количеством жертв насилия от террористических действий (см., например: Марьин, Касперович, 2007; Осухова, 2007; Ромек, Конторович, Крукович, 2004; Тарабрина, 2000, 2003; Danieli, 1998 и др.).

В целом литература по данной проблеме достаточно обширна. В данной главе основная акцент будет сделан на выделении и рассмотрении наиболее типичных травматических реакций и поведенческих тенденций жертв насилия от посттравматического стресса и используемых стратегий реагирования в работе с жертвами террористических актов и оценке их эффективности с позиций психологии.

9.1 ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА: ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СИНДРОМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Концепция психологической травмы является общепризнанной как профессионалами, так и более широкой публикой. Основная идея состоит в том, что люди, перенесшие травму от стрессового события, спустя определенное время могут обнаружить, что они просто не способны нормально функционировать и справляться с возникающими жизненными ситуациями. Хотя эмпирических исследований терроризма и поведения террористов в настоящее время относительно мало, но есть внушительный объем научных исследований по проблеме реагирования людей на психологические травмы, которые объединяются под рубрикой посттравматического стресса. Посттравматическому стрессу подвержены как непосредственные жертвы, так и «зрители», которые явились свидетелями травматического события или узнали о нем и «увидели» его с помощью средств массовой информации (см., например: Linley et al., 2003; Linley, Joseph, 2004).

Результатом является целый спектр трудных симптомов. Это переживание крайнего беспокойства или паники, повторяющиеся ночные кошмары или тревожные воспоминания из прошлой жизни, повторяющиеся эмоциональные переживания травмирующего события, дисфункции поведения в семье, на работе и др. Последствия террористического акта и угроза совершения последующих терактов — будь то отдельные индивиды или групповые образования — имеют как кратковременные, так и долговременные компоненты (Bongar et al., 2007).

В той степени, в какой психологическая травма нарушает нормальное течение индивидуальной, семейной, профессиональной и коммунальной жизни, она имеет огромные отрицательные последствия для повседневной жизни непосредственных жертв насилия и для более широкого окружения (населения). Это включает те формы индивидуального и социального поведения, которые связаны с множеством причин болезненных психических состояний и смертности*.

---

* Об этом свидетельствуют многочисленные статистические данные. Поскольку отечественные статистические источники по данной проблематике труднодоступны, сошлемся на зарубежные: см., например: National Center for Health statistics, 2003. Accessed, January 16, 2006 (<http://www.cdc.gov/hchs/icd9.htm>); National Institute of Mental Health, 2004. Facts about posttraumatic stress disorder. Retrieved January 16, 2006 (<http://www.nimh.nih.gov/publicat/ptsdfacts.cfm>).

Даже беглый обзор литературы показывает, что психологические перемены являются важными факторами риска для хронических заболеваний. Так, негативные эмоции, возникающие при переживании стресса, непосредственно связаны с повышением уровня восприимчивости к инфекциям. Такие состояния, как ужас, гнев, патологическое возбуждение, играют негативную роль в регуляции стресса и в возникновении сердечно-сосудистых заболеваний (см., например: Blas-covich, Tomaka, 1996; Herbert, Cohen, 1993).

Кроме того, восприятие и ожидание опасности могут опосредовать воздействие стрессоров и самого события теракта и иметь самостоятельное негативное воздействие на оценку индивидом своих ресурсов, превышающих его возможности или угрожающих его благополучию (см., например: Lazarus, Folkman, 1986).

К числу наиболее серьезных психических расстройств от воздействия психологической травмы, наряду с другими, исследователи и практики относят *острое стрессовое расстройство* (ASD) и *посттравматическое стрессовое расстройство* (PTSD*, русская аббревиатура — ПТСР). Эти заболевания являются хорошо идентифицируемыми психическими расстройствами, «запускаемыми» травматическим событием, серьезно нарушающими качество жизни людей. Это может оборачиваться устойчивой психической неспособностью человека к нормальному функционированию. На уровне групп и общества эти последствия создают известные «абберации» общественного сознания и психологической атмосферы в обществе, которые оказывают дезорганизующее влияние на все сферы общественной жизни.

Поскольку террористические акты по определению являются всеохватывающими травматическими событиями, воздействующими на большие массы населения, люди, пережившие эти события и остав-

---

* Далее по тексту психологические расстройства от воздействия травмы будут сокращенно обозначаться по аббревиатуре слов английского названия расстройства с необходимой расшифровкой (так ACD — Acute Stress Disorder, PTSD — Posttraumatic Stress Disorder). Это связано с тем, что в мировой психотерапевтической и психиатрической практике исследователи и клиницисты обычно пользуются Международным нозологическим классификатором заболеваний Всемирной организации здравоохранения (International Classification of Diseases (ICD-10); World Health Organization, 1992) и Диагностическим статистическим руководством по психическим расстройствам Американской психиатрической Ассоциации (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-IV); American Psychiatric Association, 1994).

шиеся в живых, являются группой повышенного риска к синдрому посттравматического расстройства. Поэтому они являются основными «объектами» оказания психологической и психотерапевтической помощи со стороны соответствующих служб экстренного реагирования государства на массовые катастрофические события, в нашем случае — на акты террористической деятельности.

9.2. ОСНОВНЫЕ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ И РАССТРОЙСТВА, СВЯЗАННЫЕ С МАССОВЫМИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМИ СОБЫТИЯМИ

Как показал предыдущий анализ, определение терроризма — это комплексная проблема, являющаяся предметом последующих научных дискуссий и обсуждений в научном сообществе. В целом терроризм как явление содержит в себе систематические, неожиданные насильственные действия или угрозу использования насилия с целью вызвать состояние массового террора у населения и «заставить» руководство страны — объекта терроризма — выполнить условия террористов в соответствии с их идеологическими, политическими и мировоззренческими установками.

Безотносительно к способам и методам осуществления разрушительных актов, террор — это психологическое оружие. Он может быть единичным или массовым, но, с точки зрения последствий его воздействия, он более «злокачествен», чем естественные и техногенные катастрофы. Его воздействие распространяется далеко за пределы непосредственных жертв, которые были убиты или получили ранения. Исследования показывают, что травматические события, которые намеренно «сотворены» людьми, которые неожиданны и насильственны, имеют намного большее разрушительное воздействие, чем естественные катастрофы (Norris, 2002).

Массовая паника, характеризующаяся асоциальными и иррациональными проявлениями, как это показывается в фильмах по этой тематике, фактически является редкой реакцией на катастрофическое событие. А такие реакции, как массовое беспокойство и *проявление множественных и порой малообъяснимых психических и психосоматических симптомов* (OMUS — **Outbreaks of Multiple Unexplained Symptoms**) у жертв насилия, — это обычное и широко распространенное явление (Danieli, Engdahl, Schlenger, 2004, p.228).

Психологические травмы, которые связаны с катастрофическими событиями и массовыми жертвами, включают: посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD), острое стрессовое расстройство (ASD), большое депрессивное расстройство (MDD – Major Depressive Disorder), синдром психологического выгорания или истощения (Burnout), тревожность, нарушение сна, злоупотребление алкоголем и наркотиками (Beutler, Reyes et al., 2007).

В некоторых случаях специалисты-практики сталкиваются с внезапным возникновением так называемого «синдрома множественных необъяснимых симптомов» (OMUS) (Bleish, Gelkopf, Solomon, 2003).

Концепция OMUS отражает современную интерпретацию более традиционных описаний «массовых психогенических заболеваний» и «массовой истерии» или «психологического заражения» (Рошин, Соснин, 1995; Pastel, 2001).

В целом синдром OMUS как феномен массовой истерии наблюдается как неконтролируемая реакция на ненаблюдаемое заражение окружающей среды, реальное или предполагаемое, и появляется во множестве соматических симптомов без видимых физических причин (Pastel, 2001).

Многие исследователи отмечают такой потенциальный эффект воздействия террористического акта на психику людей, переживших трагическое событие, как *переживание травматического горя* (TG – Traumatic Grief). Это расстройство можно определить как констелляцию ряда симптомов: сосредоточенность на погибших близких; состояние тоски, болезненного сочувствия, потери веры в себя и жизненной перспективы; неспособность принять смерть близких; состояние горечи или гнева в отношении смерти; избегание людей (в том числе близких), «напоминающих» о потерях (Shear, Frank et al., 2001; Prigerson, Jacobs, 2001).

Следующее ниже краткое описание клинических диагностических критериев этих психологических расстройств (за исключением некоторых пунктов) приведено по четвертому изданию «Диагностического статистического руководства психических расстройств» (DSM-IV-TR)*. В целом основное внимание уделено вопросам психотерапии острого стрессового расстройства (ASD) и предотвращения возникновения хронического PTSD. Это связано с тем, что состояние

* Эти описания даны только с информационными целями. Заинтересованный читатель может обратиться к данному «Руководству» для более детального описания и формальных диагностических процедур.

дел с лечением этих расстройств на данный момент заключает в себе главные проблемы, связанные с воздействием травмы. С этими проблемами неизбежно сталкиваются практические работники, и эти же проблемы находятся в фокусе внимания авторов, анализирующих литературные источники по психологии катастрофических событий (Beutler et al., 2007, p. 42).

Посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD). Посттравматическое стрессовое расстройство может возникать после воздействия экстремального травмирующего стрессора, когда индивид является прямым свидетелем ситуаций со смертельными жертвами и сталкивается с непосредственной угрозой смерти и/или получения физического повреждения. Реагирование индивида на такую ситуацию включает сильный аффективный компонент интенсивного страха, беспомощности и/или ужаса. Наличие одного или нескольких основных симптомов повторного переживания события, три или более симптомов избегания и/или оцепенения, два или более симптома повышенного возбуждения соответствуют полному клиническому критерию заболевания.

Симптомы должны проявляться, по меньшей мере, 1 месяц и считаются острыми, если они длятся менее чем 3 месяца. Они считаются хроническими, если сохраняются на протяжении более чем трех месяцев. Дети могут представлять слегка иную картину.

Острое стрессовое расстройство (ASD). Проявление этого расстройства в целом аналогично симптоматике PTSD, но проявление симптомов короче по длительности и фокусируется в большей степени на диссоциативных симптомах, чем PTSD (Brewin, Andrews et al., 1999). Считается, что ASD «...является развитием характерного беспокойства, диссоциативных и иных симптомов, проявляющихся в течение 1 месяца после воздействия экстремального стрессора» (DSM-IV-TR).

Симптомы должны проявляться, по меньшей мере, в течение 2 дней до того, как будет поставлен диагноз. Как и в случае с PTSD, индивид должен быть непосредственным свидетелем/участником события, которое угрожало его жизни или завершилось нанесением физического вреда самой жертве или другим людям, и представлять интенсивную аффективную реакцию, включающую страх, беспомощность или ужас. Для диагностики этого расстройства необходимо проявление трех или более диссоциативных симптомов, выраженное избегание, беспокойство или симптомы возбуждения.

Большое депрессивное расстройство (MDD). Депрессия диагностируется в период от 2 и более недель после события, в течение кото-

рого индивид сообщает о своем депрессивном состоянии или отсутствии воли к жизни. Депрессия в целом связана с совокупностью вегетативных симптомов, таких, как трудности со сном и летаргия. Часто возникают переживания по поводу своей личностной ненужности, никчемности и суицидальные мысли.

В ситуации, когда жертвы оказались массовыми, симптомы, связанные с лишениями, утратами, должны отделяться от потенциально-го диагноза, а лечение следует специально адресовать к проблеме переживания горя (TG), если индивид потерял близких родственников или друзей.

Синдром психологического выгорания (Burnout). Хотя это расстройство не включено в классификацию DSM-IV-TR, тем не менее, синдром выгорания является результатом крайне стрессовых ситуаций на работе/службе и может разрушительно влиять на результаты трудовой и служебной деятельности. Индивид, переживающий ситуацию психологического выгорания, может проходить несколько различных стадий, а симптомы будут аналогичны стрессовым, тревожности/беспокойства и депрессивного расстройства. Постепенно, после пролонгированного переживания интенсивных стрессовых состояний и тревожности, индивид может социально изолироваться, стать апатичным и, возможно, невыносимым (крайне раздражительным) в общении. После этой стадии он может впасть в депрессию и проявлять классические симптомы депрессивного состояния.

Синдром тревожности/беспокойства. Субклинические симптомы тревожности могут быть общими в условиях массового катастрофического события с человеческими жертвами. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что чувство испуга или тревоги, возникающее сразу после крупномасштабной катастрофы, может повышать риск возникновения PTSD. Однако клинический диагноз обобщенной психопатии тревожности (GAD — **generalized anxiety disorder**) требует того, чтобы симптомы присутствовали (проявлялись) постоянно в течение 6-месячного периода.

Людям, страдающим GAD, трудно контролировать свою тревожность, они проявляют, по меньшей мере, сочетание трех из следующих симптомов: суетливость, утомляемость, ослабление концентрации внимания, раздражительность, мышечную зажатость, нарушения сна (либо сонливость, либо бессонница). Для постановки диагноза у детей достаточно проявление одного из этих симптомов.

Нарушения сна. Диагноз бессонницы устанавливается тогда, когда индивид испытывает трудности с засыпанием, с прерыванием сна

или с отсутствием сна, восстанавливающего силы, в течение 1 или более месяцев. Бессонница вызывает серьезное истощение жизненных функций и не обусловлена биологическими проблемами со сном, такими, как остановка дыхания или расстройство сердечного ритма. У травмированных людей могут возникать ночные кошмары как специфическое расстройство сна. Обычно это сопровождается частым прерыванием сна с детальным припоминанием кошмарного сновидения или с развернутыми пугающими фантазиями, связанными с безопасностью, вопросами жизни и смерти или с потерей самооценки. Ночные кошмары, которые соответствуют клиническому критерию диагноза расстройства, вызывают ряд значимых трудностей в жизненном функционировании человека и не проявляются при наличии другого расстройства, такого, как PTSD.

Злоупотребление наркотиками, алкоголем и состояние зависимости. Психотерапевты, клиницисты и социальные работники, подозревающие у травмированных жертв террористических актов наличие той или иной специфической формы зависимости, должны обращаться за дополнительной информацией к руководству DSM-IV-TR. Мы ограничимся описанием общих критериев для выявления этими злоупотреблениями. Клиницисты-практики должны проявлять особое внимание к возможному злоупотреблению жертв террористических актов алкоголем. Критерии для установления злоупотребления включают дезорганизующие модели поведения человека в различных сферах жизнедеятельности: неспособность полностью выполнять свои функциональные обязанности на работе, в школе или дома; повторяющиеся злоупотребления алкоголем, которые ставят индивида на грань риска физической травмы; возникновение трудностей с законом, связанных с злоупотреблением алкоголем и продолжающееся его использование, несмотря на социальные или личные проблемы, связанные с интоксикацией. Эти характеристики должны проявляться на протяжении 12-месячного периода. Как и в случае с депрессией, зависимость от злоупотребления сигаретами, алкоголем или наркотиками, судя по имеющимся результатам, особенно вероятна при интенсификации террористических действий (Vlahov, Galea et al., 2002).

Синдром множественных необъяснимых симптомов (OMUS). Синдром OMUS не входит в таксономию руководства DSM-IV-TR. В отличие от классической массовой паники, феномен OMUS случается достаточно часто и периодически наблюдается как реакция на специфические средовые факторы (Small et al., 1991). Проявление этого

синдрома часто подкрепляется СМИ, слухами и наглядным реагированием экстренных и специальных служб на катастрофическую ситуацию.

Как уже отмечалось, феномен OMUS относят к «массовой тревожности» или «массовой истерии» в ранних формулировках. Однако, поскольку этот феномен является, скорее всего, эволюционирующим реагированием на потенциально неизвестный, невидимый патогенный фактор, его не следует рассматривать как целиком дисфункциональную реакцию (Pastel, 2001). Феномен OMUS может генерировать реальные психосоматические симптомы, включая рвотные рефлекс, диарею, кожную аллергию, затруднение дыхания, которые трудно отделить от симптомов, вызванных воздействием химических, радиологических или биологических компонентов при совершении террористических актов. Это явление часто обозначается как «психологическое заражение» или «социальная передача» симптомов (Jones, Craig et al., 2000; Small et al., 1991). Этот феномен рассматривается как социальная и психологическая реакция на потенциальные средства заражения, часто в отсутствие актуальной угрозы, вызывая соматические симптомы, которые быстро распространяются среди населения и имеют обычно временный характер (Small et al., 1991).

9.3. КЛАССИФИКАЦИЯ ЖЕРТВ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ И ИХ ОСНОВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ

После любого катастрофического события (в нашем случае террористического акта) у людей, причастных к нему, в целом возникает две группы потребностей, которые необходимо удовлетворять службам экстренного реагирования*.

Естественно, наиболее важными являются потребности выживших жертв террористического акта. Хотя определение того, кого относить к числу жертв, может осуществляться расширительно. Например, к чис-

---

* Этот общий термин будет употребляться для описания функционирования различных структур «помогающих» профессий в ситуации ликвидации последствий террористического акта и осуществляющих его информационное обеспечение — спецслужб, правоохранительных органов, подразделений чрезвычайного реагирования, пожарных, медицинских и психологических служб.

лу жертв относятся не только те люди, которым физически удалось выжить и покинуть место катастрофы, но также члены их семей, знакомые и другие члены местного сообщества, подвергнувшегося террористическому акту. Вторая группа потребностей относится к сотрудникам самих институциональных служб, занимающихся ликвидацией последствий террористического акта и оказывающих различные виды помощи непосредственным жертвам (Clizbe, Hamilton, 2007).

В целом опыт работы специалистов экстренных служб по ликвидации последствий терактов и иных катастрофических событий (в том числе и представителей психологических служб) позволил выделить рабочую классификационную схему жертв терактов (см., например: Taylor, 2007).

Причем под «жертвами» понимаются люди, жизнь которых подверглась сильному риску от воздействия катастрофического события.

Эта классификационная схема содержит несколько категорий:

- люди, которые серьезно пострадали в эпицентре катастрофического события;
- их семьи, близкие друзья и знакомые;
- сотрудники экстремальных служб и организаций, работа которых обязывает их к прямому участию в опасных операциях по ликвидации последствий терактов;
- члены местного сообщества, переживающие постигшее горе и идентифицирующие себя со страдающими жертвами;
- люди с отклоняющимися психологическими и психическими поведенческими реакциями: так называемые возбудители напряженности, которые склонны использовать ситуацию в своих собственных интересах;
- другие люди, которые испытали потрясение.

Причем выделенные категории являются достаточно размытыми, и некоторые люди могут попадать в более чем одну категорию. Кроме этого, не все люди той или иной категории будут нуждаться в одном и том же типе помощи, поскольку их потребности будут зависеть от ряда факторов: личного восприятия травматического события, текущего состояния психического и физического здоровья, их психической выносливости и сопротивляемости стрессовым событиям и т.д. Но во всяком случае эта классификация обеспечивает «стартовую позицию» для психологов и психотерапевтов, стремящихся оценить разнообразие восприятий и психологических проблем пострадавших людей (Office for victims of Crime, 2001).

Потребности жертв террористического акта

Потребность в поддержке. Точная природа такой поддержки иногда совершенно очевидна, а иногда нет, причем как для жертв, ожидающих помощи, так и для «помогающих». Тем не менее, широкий круг людей явно ощущает необходимость того или иного вида помощи. Считается, что эмоционально-психологическая помощь (хотя это и не всегда так) является важной, хотя другие виды поддержки зачастую на первых этапах являются более первостепенными и выражаются как напрямую, так и косвенно. Это может включать необходимость финансовой помощи, помощи родственников. Многие ищут кого-либо, чтобы подсказал им, что делать, если вообще что-то можно сделать.

Для многих людей необходимость в поддержке напрямую связана с их личными жизненными обстоятельствами: для старых людей, больных и детей — повышенная необходимость в физической помощи, в попечении, для раненых — в физическом лечении и психологической поддержке.

Потребность в связи. Во время катастрофических событий помогающие службы должны удовлетворять потребности жертв в обеспечении связи между семьями, пережившими трагедию, и сообществом. Во-первых, есть группа людей, которые переживают отчаяние в связи с тем, что не находят своих близких, которые могли погибнуть в катастрофе. Многие пытаются достичь места катастрофы, чтобы установить контакты с близкими людьми. Жертвы, убедившиеся в потере своих близких, нуждаются в связи с другими членами семьи и друзьями. Члены семей, проживающие за границей, также стремятся к установлению связи с близкими.

Потребность в информации. Информация зачастую становится наиболее важным видом поддержки. Люди, проживающие как в регионе совершения террористической атаки, так и в других регионах, нуждаются в объективной информации о случившейся катастрофе.

Во-первых, они хотят знать о ситуации «на основе фактов» и обращаются к помогающим службам и правительственным структурам для ее получения: «Что случилось? Как это произошло? Сколько людей погибло и ранено? Кто жертвы? Что сделано и что будет сделано?» и т.д. Далее следуют сотни более мелких практических вопросов: «Какие улицы и здания подверглись разрушению? Какие транспортные средства доступны для передвижения? Как можно выбраться из населенного пункта?» и т.д.

Во-вторых, людям необходима информация о доступности экстренных служб. Потерпевшие пытаются отыскать представителей таких служб еще до того, как эти службы сформированы и начинают функционировать на месте катастрофы. Кто поможет отыскать близких? Кто скажет, что сейчас необходимо делать? Как достать пищу? Кто поможет с финансами? Какую помощь можно получить? и т.п.

В-третьих, людям необходима информация о том, что будет происходить дальше с течением времени. Кто поможет найти работу? Кто скажет, как разговаривать со своими детьми? Кто поможет членам семьи собраться вместе? Кто будет помогать с похоронами? Кто предлагает психотерапевтическую помощь и где ее найти? Кто поможет найти другое место работы? и т.п. В этой связи люди задают вопросы о том, как им подготовиться к другой террористической атаке? Что делать местному населению, чтобы лучше подготовиться? Что необходимо предпринять семье? Какие превентивные действия необходимо предпринять по охране здоровья? и т.п.

Потребность в оказании медицинской и психологической помощи. Потребность в оказании непосредственной медицинской помощи жертвам теракта очевидна и не нуждается в особом описании.

Потребности экстренных служб и помогающих структур

Службы, занимающиеся ликвидацией последствий террористического акта, также имеют свои потребности для обеспечения эффективного реагирования и собственного выживания.

Потребность в оценке ситуации. При жесткой необходимости оказания экстренной помощи жертвам теракта помогающие структуры одновременно должны стремиться понять и оценить, что происходит. Что произойдет в ближайшее время? Что потребуются в быстро изменяющейся среде? и т.п. Поэтому, если экстренные службы должны планировать и предсказывать необходимые требования для реагирования на возникающее развитие ситуации, они должны быть способны к осуществлению комплексной многоплановой оценке ситуации. Такая оценка имеет две составляющих. Эти службы должны оценить многое из того, в чем нуждаются жертвы теракта. Сколько людей пострадало? Сколько людей способны эвакуироваться с места трагедии? Каково количество раненых? Из какой они местности — местные или приезжие? и т.п.

Кроме этого, они должны сделать объективную самооценку. Что они готовы делать? Какие человеческие и материальные ресурсы у них есть в распоряжении и каких ресурсов недостает? и т.д. Они также

должны оценить: кто является их первичными клиентами и в какого рода помощи они нуждаются в первую очередь? Если первоочередная потребность состоит в оказании помощи людям, потерявшим своих родственников, то работа должна вестись в этом направлении. Если сотни и тысячи людей пострадали экономически, возникает другой контингент, с которым нужно работать.

В целом, чтобы оценить свои собственные наличные возможности, помогающие структуры должны определить свои штатные ресурсы. Такая самооценка также необходима для взаимодействия с другими структурами.

Потребность в координации и обмене информацией при взаимодействии с общественностью. Эта группа потребностей не нуждается в особом пояснении. В ситуации хаоса и неразберихи в первый период катастрофы экстренные службы зачастую распространяют несогласованную и даже противоречивую информацию. Не нужно говорить, что этот фактор отрицательно влияет на все последующие аспекты ликвидации последствий катастрофы.

В этом отношении сотрудники различных экстренных служб, участвующих в ликвидации последствий теракта, должны, по меньшей мере, осознавать, что их коллеги уже сказали или что собираются сказать. Экстренные службы в целом должны действовать согласованно в подаче информации для широкой публики. Например, соблюдая конфиденциальность при подаче информации для общественности, вырабатывать четкую структуру публичного информирования.

Потребность учета культурной специфики сообщества, пережившего катастрофу. Эта проблема выдвигает для сотрудников экстренных служб, работающих в зоне катастрофы, в том числе и для психотерапевтов и клиницистов, необходимость учета этнокультурных факторов во взаимодействии с местным населением. Эти вопросы касаются следующих аспектов: работают ли они в своем культурном регионе или в регионе с отличающимися культурными традициями, где установки, убеждения, традиции, обычаи и особенности общения существенно отличаются от их собственных. Сотрудники психологических служб должны быть убеждены в том, что их психотерапевтические концепции, методы оценки и лечения являются приемлемыми для этнических групп и условий, в которых они будут применяться (см., например: Marsella, Friedman et al., 1996; Waxler-Morrison, Richardson et al., 2001).

9.4. ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ: ОБЗОР ОСНОВНЫХ МЕТОДОВ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА, ТЕКУЩАЯ ПРАКТИКА

В целом, как показывает практика, в настоящее время существуют четыре первоочередных компонента реагирования, которые могут оказать положительный эффект в устранении последствий психологической травмы.

- Индивидуальное консультирование острых кризисных состояний людей, индивидуальные консультации в сочетании (при необходимости) с медикаментозным лечением. Эти виды помощи оказываются обычно в срочном порядке для серьезно травмированных людей, для тех, кто начинает испытывать трудности с нормальным функционированием в повседневной жизни.
- Краткие обсуждения/дебрифинги произошедшего события в небольших группах. Эти дискуссии предназначены для того, чтобы снять острые симптомы стресса, такие, как высокий уровень тревожности и горя, «работая» с этими переживаниями, а также предотвратить возможное развитие хронических расстройств.
- Долговременные сессии в малых группах для участников события (Mitchell, Everly, 1996). Цель этих сессий — работа с переживаниями жертв, чтобы они смогли в последующем самостоятельно функционировать без трудностей психологического порядка.
- Процедуры вмешательства в семейные кризисы, возникающие после катастрофы. Жизнь рядом с травмированным человеком, пережившим кризис, может оказаться трудной для близких людей в семье, коллег на работе, находящихся с ним в близком межличностном контакте. Цель — оказание терапевтической помощи семьям, соседям и т.п.

Как видно из сказанного, наиболее часто используемая модель для ослабления и уменьшения последствий психологической травмы в попытках предотвращения наступления PTSD и других психологических последствий — это использование метода *дебрифинга критического стрессового инцидента* (CISD — **Critical Incident Stress Debriefing**) (Litz, Gray, 2004).

Этот метод был разработан Дж. Митчеллом в начале 1980-х годов и предназначался для обеспечения управления стрессовыми ситуациями для сотрудников экстренных служб (Mitchell, 1983).

В дальнейшем этот подход эволюционизировал и превратился в индивидуальную и групповую методическую процедуру, известную под современным названием *управление критическими стрессовыми инцидентами* (CISM – Critical Incident Stress Management). Система CISD используется как исключительная процедура вмешательства в катастрофических ситуациях при ликвидации последствий травматических инцидентов в последние два десятилетия (Litz, Gray, 2004).

Таким образом, CISD эволюционизировал от специфического инструментария для сотрудников экстренных служб к стандартному методу оказания психотерапевтической помощи/лечения почти всех жертв катастрофических событий, хотя он и не предназначался для этих целей. Митчелл подчеркивал, что применение этого инструментария неприемлемо для гражданских жертв, которые непосредственно подверглись воздействию катастрофы (кто был серьезно ранен или потерял близких), и что почти нет эмпирических данных по его использованию в более общем контексте (Litz, Gray, 2004).

Как было первоначально сформулировано, процедура CISD предполагала проведение одной разовой групповой сессии. В рамках лечебной группы специалист в области психического здоровья (психолог, психотерапевт, клиницист, социальный работник), прошедший подготовку по ведению CISD, проводит сессию дебрифинга в последовательности семи стадий или шагов:

- введение;
- фактуальная фаза (в которой воспроизводится событие через воспоминания/истории участников);
- фаза обсуждения (в которой участники сессии описывают свои мысли и психологические состояния во время кризиса);
- фаза реагирования (в которой участники могут переживать катарсис);
- фаза обсуждения симптоматики (в которой обсуждаются текущие симптомы/переживания каждого из участников);
- обучающая фаза (в которой происходит нормализация симптомов участников посредством психологического образования);
- восстановительная фаза (в которой завершается сессия, при необходимости даются рекомендации или отсылки к другим специалистам) (Everly, Mitchell, 1999). В модели CISD предполагается, что вмешательство должно осуществляться настолько это возможно срочно, вскоре после травматического события, а длительность вмешательства колеблется от 24 до 72

часов. Эта психотерапевтическая модель делает акцент на обсуждении «прохождения» травматического события и оживления эмоциональных переживаний в защищенных условиях (Litz, Gray, 2004). Теоретическая основа CISM предполагает, что совместное переживание травмирующего опыта помогает нормализации симптомов и обеспечивает выздоровление благодаря жизненным перспективам участников.

Первичная психологическая помощь. Как показывает практика работы с жертвами терактов, в том числе и с бывшими заложниками, по-видимому, наиболее важным первым шагом в оказании психологической поддержки и помощи является восстановление чувства безопасности и обеспечение базовых потребностей жертв в пище, крове и контактах с близкими. Специалисты утверждают, что оказание физической поддержки сразу после травматического события — это первоочередная психологическая поддержка. Этот подход, называемый *первичная психологическая помощь* (PFA — Psychological First Aid), не рассматривается как программа психотерапевтического лечения (Miller, 2002; Litz et al., 2002).

Первичная психологическая помощь отличается от моделей психологического дебрифинга в том отношении, что главное внимание концентрируется на обеспечении психологического комфорта и психологического образования для нормализации симптомов у жертв террора. Короче говоря, при оказании первичной психологической помощи «...ставится на место система регулирования поведения людей, которые испытывают необходимость в оказании помощи» (Beutler et al., 2007, p. 48). В отличие от подхода, используемого в CISD, Литц с коллегами утверждают: «..эта позиция исходит из того, что большинство людей не страдает от PTSD [или более того, от острого стрессового расстройства (ASD)] в первые дни после события; скорее большинство людей будут иметь переходные стрессовые реакции, которые со временем будут затухать» (Litz et al., 2002).

При использовании PFA укрепляются существующие социальные связи, которые могут побуждать людей к проведению естественного дебрифинга без психолога*. Такие подходы, как обнаружилось, зачастую оказываются более эффективными и лучше воспринимаются, чем дебрифинги, проводимые под руководством практического психолога (Gist, Lubin, 1999).

---

* Например, проведение дебрифингов с членными семьи или сослуживцами.

И наконец, этот подход позволяет также психологу или другому профессионалу в области психического здоровья осуществлять включенный мониторинг динамики выздоровления и диагностировать тех лиц, у которых есть большой риск заболеть PTSD, и, если необходимо, вмешиваться.

Поскольку первичная психологическая помощь обеспечивает приемлемую основу для определения возможной стратегии психотерапевтического вмешательства, исследователи отмечают, что «...сейчас имеются подкрепляющие друг друга данные, что приблизительно 80% лиц, которым был поставлен диагноз ASD, соответственно, страдают хроническим PTSD» (Bryant, Harvey, 2000, p. 84).

В свете этих данных ранние эффективные интервенции необходимы для выявления тех жертв, которым не удастся выздороветь естественным путем. Если снижение симптомов не происходит спустя приблизительно 1–2 недели, то специалисты-практики должны решать вопрос о более глубоком психотерапевтическом вмешательстве.

Следующие шаги при оказании психотерапевтической помощи жертвам террора. В первые дни и недели после кризиса трудно надежно выявить тех лиц, кто не освободился от травмирующей стрессовой симптоматики. И обычно не рекомендуется пытаться проводить формальную диагностику состояния психического здоровья до истечения двух или более недель. Однако краткое первоначальное сканирование (качественная диагностика) состояния жертв* может помочь идентифицировать тех лиц, с кем следует вступить в повторный контакт спустя несколько недель, и рассмотреть вопрос о необходимости более пролонгированного лечения.

Такое *первоначальное сканирование* факторов риска может ограничиваться четырьмя ненавязчивыми вопросами:

1. Не случилось ли индивидам переживать другие случаи/события травматизации (случалось ли нечто подобное с вами ранее)?;
2. Не приходилось ли ранее обращаться за психологической помощью или не было ли каких-либо обстоятельств, когда они сами или другие люди считали, что следовало бы обратиться за помощью к психотерапевту?

---

* До тех пор пока это не начинает мешать оказанию срочной физической и медицинской помощи вместе с обеспечением и поддержкой комфортных условий.

3. Есть ли у индивидов знакомые, с которыми они могут делиться своими проблемами? Оказывались ли в прошлом такие беседы полезными и продуктивными?
4. Где индивиды, по их мнению, подвергались стрессовому воздействию травматического события?

Лиц, переживающих затяжные трудности после того, как первоначальное воздействие прошло (порядка 2–6 недель), необходимо оценивать для оказания психотерапевтической помощи на постоянной профессиональной основе. Когда выявилась необходимость в дальнейшей терапии, проведение лечения с использованием *метода когнитивно-поведенческой терапии* (см. ниже), который процессуально состоит из четырех–пяти сессий, следует рассматривать в первую очередь* (Beutler et al., 2007, p. 50). Индивидуальное сопровождение, включающее системы социальной поддержки, также должно рассматриваться как важное средство для обеспечения лучшего эффекта.

Пролонгированные подходы. Модель CISTD опирается на одноразовое вмешательство, более строгие длительные интервенции, включающие мысленное повторение травмирующего события в ряде сессий, продемонстрировали существенную редукцию симптомов PTSD. Техники длительного предъявления (PE — prolonged exposure) обычно включают процедуры воспоминания травматического события в течение периода времени не менее, чем 50 минут. Этот подход имеет целью полностью активировать воспоминания, связанные с переживанием страха от травмирующего события в течение времени, достаточного, чтобы обеспечить привыкание к стимулам (Bryant, Harvey, 2000).

Когнитивно-поведенческая терапия (CBT — Cognitive Behavioral Therapy). Хотя специалисты-практики по проблемам психического здоровья в целом признают, что необходимо использовать эмпирически проверенные методы вмешательства, до настоящего времени исходные результаты исследований, анализирующих работу экстренных служб, связанных с ликвидацией последствий терроризма, ограничены. Пока сделаны оценки небольшого числа компонентов работы служб психического здоровья, а методологическая база многих существующих исследований недостаточно строга, чтобы давать ясные и обоснованные рекомендации (Ruzek, Maguen, Litz, 2007, p. 247).

---

* Специалистам помогающих профессий, стремящихся проводить долговременные процедуры вмешательства, следует стремиться пройти специальный тренинг и супервизорство для использования этих подходов.

Исходя из доступных литературных данных, специалисты признают, что элементы когнитивно-поведенческой терапии, включающие процедуры пролонгированного предъявления, по-видимому, являются наиболее приемлемыми инструментами редукции первоначальных стрессовых симптомов и симптомов ASD в предотвращении развития хронического PTSD (Litz et al., 2002). Имеющиеся данные, подтвержденные контролируемыми измерениями с использованием метода случайной выборки, подтверждают эффективность когнитивно-поведенческой терапии для лечения острого стрессового расстройства (ASD) и хронического PTSD.

Техника СBT содержит целый арсенал интервенций, предназначенных благополучному аффективно-стрессовому управлению состояниями, ассимиляции и аккомодации смысловых значений травматических переживаний и процесса остаточных явлений травмы. Ключевыми характеристиками метода являются длительное обращение участников сессий к воспоминаниям переживаний травматического события с постепенным подведением к ситуациям, которые клиент старается избегать, когнитивным переструктурированием и последующими домашними заданиями, которые поддерживают терапевтический процесс (Bryant, Harvey, 2000; Litz et al., 2002). Одним из важных компонентов этого подхода является то, что вмешательство осуществляется много раз в течение нескольких недель, позволяя осуществлять воспоминания травмирующих переживаний в поддерживающих условиях (Litz, Gray, 2004). Под тщательным наблюдением опытного практика признаки заболевания, которые могут быть упущены и оставлены неразрешенными в одноразовой сессии, могут быть выявлены и подвергнуты дальнейшему лечению.

Методики СBT, объединяемые с PE, в настоящее время, по-видимому, являются наилучшим известным подходом психотерапии травматических состояний жертв террористической деятельности. При этом специалисты обращают особое внимание на то, что при проведении сессий следует быть предельно внимательными к пациентам, которые крайне травмированы, имеют суицидальные наклонности и сопутствующие психологические проблемы со здоровьем или продолжают находиться под воздействием стресса из-за продолжительного повторения воспоминаний катастрофы. Эффекты от такой терапии могут сокрушить таких пациентов и привести к тому, что они прерывают терапию (Bryant, Harvey, 2000).

Следует добавить, что, тогда как большинство исследований в области психотерапии в настоящее время изучают эффекты различных

компонентов дебрифинга, когнитивно-поведенческой терапии и других «разговорных терапий», фармакологические методы вмешательства также находятся в стадии интенсивного анализа. В ряде исследований отмечается проявление симптомов длительного физического возбуждения у жертв, помещенных в безопасное место, таких как индикатор наступления PTSD. Некоторые исследователи предполагают, что фармакологические средства, подавляющие симпатическую нервную систему (такие, как пропранолол — *propranolol*, бета-блокаторы — *beta-bloker*), могут оказаться эффективными для подавления реакций возникающего страха и, в свою очередь, служить цели снижения риска возникновения PTSD (Ruzek, Maguen, Litz, 2007).

Методы психотерапии травматического горя как психологическое расстройство (TG). В 1999 г. Пригерсон с коллегами выдвинули положение, что травматическое страдание является отдельным расстройством, отличным от ASD, PTSD, депрессии или тревожности. Они предложили систему классификации, при помощи которой клинические проблемы, связанные с тяжелой утратой близких, у жертв катастрофических событий могут быть идентифицированы (Prigerson et al., 1999). В соответствии с этой таксономией, чтобы вынести диагноз TG, человек, переживший смерть близких, должен сообщить о наличии у него следующих четырех состояний (симптомов):

- навязчивые мысли о покойном;
- ощущение тоски о погибшем;
- продолжение поисков погибшего;
- и/или чувство потерянности и одиночества как результат смерти близкого.

Кроме того, индивид может проявлять множество других симптомов, например ощущение бессмысленности жизни, бесчувственность, трудности с признанием факта потери близкого и т.п. Эти симптомы должны проявляться, по меньшей мере, в течение двух месяцев и существенно нарушать нормальное функционирование личности.

Клинически многие из этих симптомов объединяются с симптоматикой PTSD, однако психотерапевты и клиницисты могут путать TG с PTSD, что неприемлемо, поскольку последнее расстройство не может охватить уникальные проблемы, возникающие вследствие потери близких (Raphael, Minkov, Dobson, 2001; Ruzek, Maguen, Litz, 2007).

К настоящему времени существует немного систематических и специализированных методов лечения TG. Шиир с коллегами (Shear,

Frank et al., 2001) разработали технику, являющуюся комбинацией межличностной терапии депрессии и когнитивно-поведенческой терапии для PTSD, обсужденной выше.

Они провели пилотажное исследование, состоящее из 16 сессий (без контрольной группы) с людьми, страдающими от потери близких. Основными стратегиями для редукции страдания были воспоминания событий и связанных с ними переживаний с прослушиванием аудиозаписей личных оценок пациентов травматического события. Спустя 4 месяца была зафиксирована редукция симптомов страдания, депрессии и тревожности. Однако авторы не сообщили последующих данных, поэтому эффективность этой техники осталась неизвестной.

В настоящее время психотерапевтические исследования «травматического горя» находятся в начальной стадии. А предложенный подход нуждается в проведении тщательной проверки, прежде чем рекомендовать его для широкого использования. Более того, исходя из того, что индивидуальные или групповые сессии не были проведены для жертв терактов, потерявших близких, применимость его к таким ситуациям остается под вопросом.

О способах психотерапии лиц, прибегающих к злоупотреблению алкоголем в результате актов террора. В исследованиях была установлена связь между травматизацией хроническим PTSD и злоупотреблением алкоголем (Owimette, Brown, 2002).

Есть также данные, свидетельствующие о том, что злоупотребление алкоголем может повышать последующую подверженность индивида травматическим/террористическим событиям (Vlahov, Galea et al., 2004 и др.).

Согласно литературным данным, подтверждается эффективность кратких методов психотерапии, способствующих снижению уровня употребления алкоголя (см., например: Dunn, 2003).

Однако до сих пор почти ничего не известно, как травмированные жертвы реагируют на эти подходы.

Заключая, можно констатировать несколько положений. Исходя из достаточно большого объема данных, подтверждающих использование методов СBT в лечении PTSD в целом, и некоторых данных, свидетельствующих о применимости этих методов к лечению PTSD, вызванного актами террора (Gillespie, Duffy, 2002), эти подходы, по-видимому, следует применять к жертвам терроризма, у которых развилось PTSD.

Методы психотерапии для клиентов, страдающих расстройством TG, находятся на ранней стадии разработки/развития, и их следует рассматривать как пробные/исследовательские. И наконец, методы

кратковременного вмешательства для уменьшения употребления алкоголя, используемые в стационарных условиях, оказались эффективными и поэтому могут быть рекомендованы специалистам для работы с жертвами террора.

9.5. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОКАЗАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЖЕРТВАМ ТЕРАКТОВ: ОЦЕНКА И ТЕНДЕНЦИИ

В предыдущих разделах данной главы эта проблема косвенно затрагивалась. В настоящем разделе в целом кратко суммируется имеющийся исследовательский и практический опыт и обозначаются наметившиеся тенденции.

Отрасли психологии, связанные с проблемой объяснения явления терроризма и лечения жертв террора, достаточно новые и в целом опираются на экстраполяцию знаний, полученных в других связанных отраслях. Однако многие обычные средства и методы лечения, используемые по отношению к жертвам террора и сотрудникам экстренных служб, оказались менее эффективными, чем при лечении психических травм в целом (Litz, Adler, 2002). Серьезные вопросы возникли в отношении того, будут ли психотерапевтические методы лечения, применяемые в естественных обычных условиях или даже в катастрофических событиях, связанных с военными действиями, столь же эффективны по отношению к людям, подвергающимся систематическим атакам террористов или опасности их совершения (Beutler, Reyes et al., 2007).

Как показывают имеющиеся данные, процентная выраженность заболевания PTSD при естественных катастрофических событиях, в ситуациях совершения террористических актов и вообще динамика возникновения различной психогенной посттравматической симптоматики различны (см., например: Marlowe, 2001; Schlenger, Caddel et al., 2002; Resnick, Acierno et al., 2000).

Терроризм в сравнении с естественными катастрофическими событиями вызывает у людей разные психологические реакции. Интенционность (т.е. осознанная целенаправленность) акта терроризма выступает в качестве знакового фактора, дифференцирующего реакции жертв естественной катастрофы от реакций жертв террористической атаки. Исполнение намеренно преступного деяния, которое не может быть эффективно предсказано или предотвращено, а также сопутствующие этому чувства неопределенности, недоверия и потери

контроля являются фундаментально отличными от переживаний, связанных со случаями естественных катастроф, даже если они серьезные и крупномасштабны. Человек может подготовиться к землетрясению или урагану, природа теракта принципиально неопределенна, и к нему невозможно эффективно подготовиться.

Из-за различий между травмами, инициируемыми актами террора и другими формами гражданских и военных травм, в психотерапевтической и психотравматологической литературе ведутся интенсивные дискуссии по ряду вопросов, связанных с проблемами исследования и лечения травм, вызванных актами террора. И главный из них: приемлемы ли установившиеся методы психотерапевтического лечения PTSD для травм, инициируемых актами террора?

Одной из трудностей оценки, развития и совершенствования методов лечения жертв терактов является недоступность проведения систематических эмпирических исследований событий непосредственно после совершения террористического акта (Neria, Suh, Marshall, 2004).

Поскольку по своей природе террористические атаки — это неожиданные события, это обстоятельство не дает возможности исследователям проводить систематические наблюдения за реакциями жертв и проводить тщательно подготовленные исследования для анализа эффективного лечения. Поэтому у специалистов есть две возможности: либо проводить экспресс-исследования сразу после совершения террористического акта в условиях дефицита времени и подготовки, либо исследовать подобные события, которые имеют **большую** вероятность возникновения и **большую** предсказуемость и тем самым поддаются **большому** экспериментальному контролю. Но тогда опять возникает вопрос в приложимости этих результатов для жертв терактов. Какова же текущая практика и наметившиеся тенденции в решении этих проблем?

В целом оценка текущего состояния усилий профессионального сообщества по оказанию квалифицированной психологической помощи жертвам катастрофических событий в результате терактов, по мнению ряда специалистов, по меньшей мере, выглядит достаточно сдержанной. Эти усилия «...оказались в целом разбросанными, неорганизованными, с недостаточным укомплектованием специалистами, включающими в основном здравомыслящих, но не вполне адекватно подготовленных людей... Недостаточная подготовка сотрудников психологических экстренных служб не была полностью их недостатком, поскольку доступность получения такого рода тренинга оказалась крайне ограниченной» (Bougar, 2007, p. 6).

Основное внимание специалистов в этой связи было направлено на оценку эффективности использования метода *дебрифинга критического стрессового инцидента (CISD) в применении к жертвам террора*. В профессиональном сообществе до недавнего времени это была общая ориентация в подходах к лечению травмы и заключалась она в том, что «промывание» эмоций жертвы сразу после травматического события является необходимым для предотвращения PTSD.

Однако накапливается все больше эмпирических данных, позволяющих предполагать, что раннее психотерапевтическое вмешательство в лечение травмы может отрицательно интерферировать с естественным процессом выздоровления (Gist, Lubin, 1999; Litz, Gray et al., 2002; McNally et al., 2003; Rose, Bisson et al., 2001; Van Emmerick, Kamphuis et al., 2007).

Фактически интервенции, целиком базирующиеся на повторном эмоциональном «проживании» события спустя дни после совершения трагедии, ставят людей, которые могли бы восстановиться нормально и самостоятельно, в ситуацию повышенного риска возникновения PTSD (Rose et al., 2001). После травматического события индивид обычно переживает диссоциативные симптомы, такие, как эмоциональное оцепенение, отчуждение, снижение уровня осознаваемости происходящего, деперсонализацию. Эти симптомы могут быть вполне нормальными здоровыми реакциями на экстремальные стрессовые события (McNally et al., 2003). Диссоциация фактически может служить временным буфером, позволяющим индивиду переработать стрессовую информацию без сознательного обращения к стрессовому событию. Однако установившаяся модель CISD побуждает специалистов по психическому здоровью прежде всего обращаться к этому защитному средству и повторно вызывать мощную эмоциональную реакцию на травму сразу же после травмирующего события.

Важно отметить, что ряд специалистов пришли к выводу, что популярные модели реагирования на посттравматические стрессовые расстройства (методы, основанные на модели CISD) являются потенциально опасными для жертв терактов. Так, Литц с коллегами (2002) отмечают: по-видимому, есть достаточно данных, чтобы рекомендовать не применять одноразовый психологический дебрифинг сразу после возникновения травм. Однако есть согласие в том, что обеспечение комфортных условий, информационной поддержки и удовлетворение прямых практических и эмоциональных потребностей играют полезную роль в преодолении человеком экстремального

стрессового события, т.е. оказание первичной психологической помощи (о чем упоминалось выше) полезнее осуществления психологического дебрифинга.

Роуз с коллегами (2001) приходят к аналогичному выводу: нет никаких данных, свидетельствующих о том, что психологический дебрифинг является полезным психотерапевтическим инструментом для предотвращения посттравматического стрессового расстройства (PTSD) после травматических событий. Проведение дебрифингов, навязываемых жертвам травмы от терактов, следует прекратить.

Девилли и Коттон (Deville, Cotton, 2004) осуществили критический обзор литературы по использованию метода дебрифинга критических стрессовых состояний (CISD) и пришли к следующему выводу:

«Удивительно, что CISD превратился в универсально приемлемое средство. Несмотря на это, нет никаких данных о его эффективности как метода психотерапевтического вмешательства, подтвержденного проверками на основе метода случайной выборки... Действительно, как отмечалось ранее, два недавних исследования позволяют предположить, что CISD либо неэффективен, либо в действительности ухудшает симптоматику PTSD... Очевидно, что необходимы дальнейшие исследования. Тем не менее, поскольку мы спрашиваем себя... каким образом CISD смог привлечь к себе столько убежденных сторонников без наличия убедительных данных, ответ может лежать в низкой распространенности PTSD среди индивидов, переживших естественные катастрофы... Если у большинства людей, переживших естественные катастрофы, никогда не будет развиваться PTSD, то у подавляющей массы людей, подвергшихся действию естественных катастроф и прошедших CISD, никогда не будет развиваться PTSD. Следовательно, возникает уместный вопрос: будут ли у индивидов с наибольшей степенью риска PTSD после острой травматизации более благоприятные исходы, если они пройдут CISD. Естественно, мы должны пойти дальше клинических впечатлений и описательных исследований к более строгим методам изучения, основанным на принципе случайной выборки, если мы хотим изучить вопрос: может ли CISD действительно предотвращать последующее развитие PTSD среди остро травмированных индивидов?» (р. 35).

Авторы тщательно проанализировали причины, почему метод CISD может оказываться вредным, и выделили пять основных факторов:

- отсутствие выбора;
- дефицит времени;

- повторная травматизация жертв террора;
- поверхностность проведения дебрифинга.

В целом методы вмешательства, основанные на модели CISD, стали объектом повышенного внимания по ряду причин.

Литц с коллегами (2004) перечисляют проблемы, возникающие в связи с этим подходом.

Во-первых, на теоретическом уровне дебрифинг, по-видимому, не учитывает естественного хода психологического выздоровления, который имеет место для большинства людей после травматического стрессового события.

Во-вторых, большинство работ, анализирующих модель CISD, осуществлены членами группы специалистов, которые его разрабатывали.

В-третьих, большинство работ по CISD страдают от недостатка критического методологического анализа.

В-четвертых, эта модель первоначально разрабатывалась для оказания психотерапевтической помощи сотрудникам экстренных служб (о чем упоминалось ранее), которые первыми вступают в борьбу с ликвидацией последствий произошедшей трагедии. И разработчики метода не предполагали, что этот метод неприемлем для использования по отношению к широкой публике.

И наконец, специалисты отмечают, что в имеющейся практике пока не разрабатывались и экспериментально не проверялись альтернативные подходы в сравнении с моделью CISD. Однако Литц с коллегами предупреждают быть осторожными с интерпретацией имеющихся результатов или результатов, полученных Роузом с коллегами, как представляющих неопровержимое свидетельство негативных побочных эффектов с использованием этого инструментального подхода.

Но в целом Литц пришла к выводу, что «...заклчениям адвокатов противоречит отсутствие достаточно убедительных эмпирических данных в пользу использования CISD/CISM в процедурах вторичного предотвращения хронического PTSD. Работы с контрольными группами показали, что этот инструментарий оказался терапевтически инертным» (Litz et al., 2004, p. 101).

Какие же современные проблемы и тенденции в сфере психологического противодействия и оказания экстренной психологической помощи жертвам террора выделяют зарубежные специалисты?

В 1999 г. американские исследовательские организации — *Национальный совет исследований* (National Research Council) и *Институт медицины* (Institute Medicine) — выработали ряд рекомендаций, касающихся направления дальнейших исследований в области пси-

хотравматологии. Они идентифицировали ряд «сфер озабоченностей», в которых необходимо достижение немедленного прогресса:

— *тренинг*: оказание помощи профессиональным организациям по проблемам психического здоровья в развитии тренинговых программ для своих членов с акцентом на организацию непрерывного образования; включая тренинг по реагированию на химические и биологические террористические атаки;

— *экспресс-диагностика и оценка*: идентификация подходящих психологических методов оперативной диагностики для использования сотрудниками служб экстренного психологического реагирования и, возможно, сотрудниками других экстренных служб, дифференциация реакций от применения химических и биологических атак от более серьезных психологических заболеваний (например, паническая дезорганизация, PTSD, психозы, депрессия). Проведение исследований по идентификации характеристик травмы и моделей поведения, по которым можно предсказывать возможное развитие долговременного расстройства;

— *коммуникация*: разработка образовательных материалов по проблемам психического здоровья и реагирования в критических ситуациях для населения и по проблемам информирования об угрозах риска и восприятия угрозы отдельными индивидами и группами для официальных властных структур, а также об особой роли СМИ и Интернета в трансляции беспокойства и неуверенности* (Bougar, 2007).

Американская психологическая ассоциация в 2005 г. (APA Monitor, February, 2005) сообщила о результатах конференции, состоявшейся в ноябре 2004 г.** Основной темой конференции было обсуждение проблем национальной безопасности, связанных с вкладом психологии и других поведенческих наук. Обсуждение проблем и предложений включало, в частности, такие темы: человеческое поведение и социальная динамика в катастрофических событиях; динамика принятия решений в условиях кризиса и стресса; потребность для психологов в изучении содержательных проблем национальной безопасности с позиции психологии и других поведенческих дисциплин.

---

* О психологических особенностях и последствиях эффективного и неэффективного информирования населения о возможных террористических угрозах см.: McDermott, Zimbardo, 2007.

** В ней приняли участие более 100 участников — представителей служб национальной безопасности федерального, регионального и местного уровней и от основных исследовательских институтов и университетов.

На конференции обсуждался также вопрос об учреждении Центра поведенческих и социальных наук по проблемам борьбы с терроризмом. Участники конференции выработали ряд положений в отношении более глубокого понимания психологии терроризма. Было констатировано, что реальное понимание психологии терроризма включает:

- современные знания о том, почему индивиды вступают на путь терроризма и разработка методов противодействия вступлению в террористические группы;
- современные знания о взаимоотношениях между террористами и террористическими группами и использование этого знания для разработки способов влияния и прекращения функционирования этих групп;
- углубление понимания путей и способов реагирования индивидов и групп на террористические события, разработка контртеррористических стратегий для уменьшения негативных эффектов терроризма и негативных реакций населения на контртеррористические действия;
- разработка эффективных методов распространения информации в отношении риска террористических акций для политических деятелей, сотрудников экстренных служб и общественности с учетом закономерностей психологии (восприятие риска, техника передачи информации, социальное влияние) и разработка информационных материалов, которые были бы информативны и понятны населению;
- разработка ограничивающих методов в распространении террористами страха, неуверенности и состояния тревоги (Bougar, 2007).

Как убедился читатель, анализ данной проблемы был произведен на основе зарубежных источников. Это не означает, что этих проблем нет в исследовательской и непосредственной психологической практике работы с жертвами террористических актов в отечественных условиях. Это не означает также, что возникающие проблемы в отечественных условиях принципиально отличаются от подобных проблем, возникающих на Западе. Как показывает практика, западные ученые во многих отношениях оказываются более оперативными в решении этих проблем. С другой стороны, отечественная практика в этом отношении в основном носит закрытый характер, и соответствующая информация пока мало доступна для анализа.

ГЛАВА 10

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

10.1. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С СОВРЕМЕННЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Борьба с терроризмом как социально-психологическим феноменом имеет свои особенности. Как показывают результаты исследований, если их не учитывать, то это может снизить эффективность противодействия терроризму и даже привести к его эскалации (см., например: Wagner, Long, 2004).

Во-первых, терроризм столь радикален по степени жестокости, что ответные меры требуют еще большей беспощадности по отношению к его организаторам и участникам. Сочетание непредсказуемости террористических атак, массовости их жертв, чувства потери контроля над собственной судьбой и постоянной уязвимости дестабилизирует общество и провоцирует государство на несимметричный ответ. Жертвами правительственных силовых действий или «удара по оси зла» становятся не столько террористы (раскрываемость террористических преступлений составляет около 17%), сколько мирные жители (Лунев, 2004). Рост ксенофобии, спровоцированный терактами, вызывает «чувство второсортности» у этнических меньшинств и расширяет число потенциальных сторонников и участников террористической деятельности. Несимметричный ответ террористов на прямое или структурное насилие со стороны государства провоцирует еще более несимметричный ответ силовых структур, направленный против террористических формирований, который восстанавливает против этих силовых структур многочисленную часть этнической группы, от имени которой выступают террористы. Таким образом, теракт запускает движение в порочном круге, подкрепляя убеждение террористов в справедливости их действий и отсутствии легальных путей изменения ситуации, создавая ложное чувство осмысленности, исторической значимости их жизни и смерти, причастности к национальному героико-террористическому пантеону (Баранов, 2004).

Во-вторых, терроризм сочетает высокую интенсивность атак с высокой конспиративностью. Сетевая организация террористических формирований и разнородность их идеологических мотивировок превращают терроризм в неявного врага. Это ведет к нескольким психологическим эффектам. С одной стороны, усиливает персонификацию угрозы в лице наиболее известных террористов. Так, например, объявление Усамы бен Ладена «террористом номер один» и личным врагом США подкрепляет иллюзию, согласно которой, терроризм — это террористы, а борьба с терроризмом — это уничтожение его лидеров. Смещение акцента на краткосрочные антитеррористические операции с наглядным результатом отвлекает внимание общества от системной, социокультурной природы терроризма. С другой стороны, персонификация террористической угрозы вызывает приписывание событиям ложных причинно-следственных связей. Например, формируется ложное мнение о том, что локальный и международный терроризм организуется из единого центра. Действительно, одно и то же событие (например, публикация карикатур на пророка Мухамеда или неосторожные заявления Папы Римского по поводу ислама) могут спровоцировать серию терактов по всему миру, что как будто доказывает существование «единого нервного командного центра» террористов. Однако фактически терроризм имеет ценностную природу: одно и то же событие может стать пусковым механизмом для разных, напрямую не связанных между собой групп, так как интерпретируется в рамках одной и той же системы представлений и ценностей (противопоставление богатого Запада или Севера и бедного Востока или Юга). Наконец, терроризм не только направлен на анонимных жертв, но и сам чаще всего анонимен. Нередко за совершенный теракт не берет на себя ответственности ни одна террористическая группировка, или сразу несколько групп объявляют о своей причастности к его организации. Современный терроризм существует в виде сети, и эта размытость образа врага в общественном сознании позволяет приписывать угрозе любое лицо. Невидимая угроза дает возможность оправдать превентивные меры против любой политической группы. Это укрепляет позиции так называемых этнических предпринимателей, т.е. политиков, использующих межнациональные конфликты для реализации собственных властных и экономических интересов (Паин, 2002). Помимо устрашающего, травмирующего воздействия на общество, теракт имеет и другой косвенный эффект: он может быть использован политическими группами для разжигания ксенофобии и межэтнических столкновений. Таким образом, анонимность терактов

стимулирует стереотипизацию образа «врага» (например, перенесение образа террориста на всех представителей кавказских национальностей или на всех арабов).

В-третьих, терроризм публичен, его целью является воздействие на общество в целом. Поэтому противодействие терроризму перестает быть обычной полицейской или военной операцией. Оно также получает политическое измерение и оказывается вынужденно публичным: эффективность противодействия террористам влияет на рейтинг политических деятелей, находящихся у власти. Часто сама тема борьбы с террористами становится элементом политической борьбы и используется оппозицией для дискредитации власти. Это провоцирует военных и политических деятелей на радикальные заявления (например, объявление войны против «террористических государств») и демонстративные акции возмездия (например, оккупация Афганистана, Ирака), которые в долгосрочной перспективе только усиливают глобальный терроризм. Публичность борьбы с терроризмом затрудняет переход к переговорам в случаях, когда радикальные политические силы по тем или иным причинам объявляют о своей готовности к диалогу. Это связано со страхом потерять лицо, лишиться поддержки сторонников, действуя вопреки публично заявленной ранее позиции.

Наконец, публичность требует принятия быстрых мер противодействия или возмездия. Необходимость быстрого реагирования часто приводит к острому дефициту времени и социально-психологическому эффекту «сдвига к риску». Будучи одним из проявлений группового мышления, «сдвиг к риску» наиболее характерен для высокочленимых групп с жесткой системой норм в условиях внешней угрозы (Janis, 1972). Ему подвержены и антитеррористические подразделения, и силовые структуры, например, при исполнении преждевременного или недостаточно просчитанного приказа, что может привести к гибели заложников или мирного населения.

10.2. «ПСИХОЛОГИЯ МИРА» КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ XXI В. И ЕЕ ПОТЕНЦИАЛ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

С завершением XX столетия, в течение которого ежегодно велось 15–25 войн, не снизилась актуальность проблемы сохранения мира. Анализ психологической литературы показывает, что исследо-

вания 1990-х годов по сравнению с исследованиями 1980-х значительно меньше затрагивают проблематику психологических причин и последствий ядерной угрозы, но в значительно большей степени направлены на изучение межэтнических отношений (прежде всего межнациональных стереотипов и этноцентризма) и методов разрешения конфликтов (Blumberg, 1998). Рост числа конфликтов и терроризма послужил толчком к формированию *психологии мира* как самостоятельного направления в современной психологической науке. Она была институционально оформлена Американским психологическим обществом (48-я секция — «Общество изучения мира, конфликта и насилия»), регулярно проводятся международные симпозиумы, посвященные вкладу психологии в укрепление мира, ежеквартально выходит специальный журнал. Психология мира имеет своей целью «разработку теорий и практических подходов, направленных на предотвращение и ослабление как прямого, так и структурного насилия, она способствует ненасильственному разрешению конфликтов и защите социальной справедливости» (Christie et al., 2001, p. 7). Основными направлениями исследований в этой области являются изучение психологических механизмов *прямого и структурного* насилия, исследование эффективности различных методов его сдерживания, миротворчества и развития культуры мира. Психологию мира можно рассматривать и как сообщество психологов, занимающихся конфликтологической проблематикой, и как научное направление, опирающееся на собственную теоретическую платформу, включающую несколько ключевых положений (Christie, Wagner, Winter, 2001).

Во-первых, ее представители выступают за системный подход к изучению причин и последствий насилия как на макро-, так и на микроуровнях, за изучение прямого и структурного (скрытого) насилия, а также его культурных оснований. Под прямым насилием понимается физический или психологический ущерб, нанесенный одним или несколькими лицами (сообществами, государствами) другим лицам (обществам, нациям). Это этнические чистки, взрыв Всемирного торгового центра и башен-близнецов, нападение на школу в Беслане. В отличие от прямого структурное насилие осуществляется в неявной форме безличными социальными институтами общества. К нему относятся бедность, эксплуатация детского труда, дискриминация женщин, рабство, ограничение свободы слова, разрушение природных ресурсов, отрицание этнической и культурной идентичности.

Во-вторых, серьезной критике подвергается культурная универсальность подходов и технологий, сложившихся в западной психоло-

гии конфликта. Подчеркивается роль культурного контекста, идентичности и социальных норм как в формировании конфликтов, так и в их разрешении. Профессиональные стандарты академического сообщества, система производства, передачи и применения научного знания *нечувствительны к западным, традиционным формам разрешения конфликтов* (таким, например, как совет старейшин, совместная молитва, покаяние, ритуалы примирения), не позволяют использовать опыт и знания местных сообществ о различных факторах мира и насилия. Переход западных психологов с позиции экспертов на позицию учеников, способных учиться у представителей других культур, будет способствовать предотвращению ущерба, наносимого «повальным» использованием западных социальных технологий в обществах, которые не «исповедают» западные индивидуалистические и материалистические ценности (Brenes, Wessells, 2001).

В-третьих, растет понимание того, что в долгосрочной перспективе наиболее эффективны ненасильственные методы разрешения конфликтов и устранения социокультурных предпосылок насилия, т.е. развитие «культуры мира», основанной на ценностях ненасилия, соблюдения прав человека, равенства, свободы, толерантности, солидарности, сохранения природных ресурсов (Gerstein, Moeschberger, 2003).

В-четвертых, ответом на вызовы XXI в. должно стать переосмысление роли психологии и психологов в борьбе с насилием. Задачами психологии становятся: 1) опровержение биологического детерминизма в объяснении войн и неравенства; 2) прояснение различий между конфликтом и насилием, а также убеждение общества в неизбежности и естественности конфликтов; 3) опровержение легитимности насилия на всех уровнях общества; 4) содействие ненасильственному восстановлению справедливости; 5) восстановление коммуникации между конфликтующими сторонами; 6) превращение борьбы за справедливость и мир в одну из центральных проблем психологии. Развитие диалога в самом психологическом сообществе, знакомство западных психологов с работами национальных психологических школ, упрочение международных партнерских отношений между психологическими ассоциациями и научными центрами. Призывая перенести внимание и усилия с симптомов насилия на его истоки, представители «психологии мира» выделяют четыре *основные* причины терроризма (хотя вполне понятно, что реально таких причин значительно больше).

1) Тяжелые условия жизни: голод, неравенство и болезни, процветающие в странах третьего мира; контраст их жизни условиям «богатого Запада» (Staub, 2001).

2) Базовая потребность в безопасности (Christie, 1997), субъективная оценка условий существования как опасных для жизни (своей собственной, своей семьи и своего сообщества). Страх перед угрозой своему существованию может быть нереалистичным и толкать потенциальных террористов, правительственных чиновников и общество на несимметричный ответ. Так, борьба США с «осью зла» может создать иллюзию безопасности внутри страны, но при этом сделать оправданной террористическую деятельность в глазах населения тех стран, на территории которых ведутся антитеррористические и военные операции.

3) Потребность в независимости, способности самостоятельно принимать решения относительно собственной жизни, свободы и счастья. Как правило, терроризм развивается в странах, где существенно и массово нарушаются человеческие права.

4) Потребность в общественном уважении, в признании своей этнической, культурной и религиозной идентичности.

Подчеркнем еще раз, что выделенные базовые причины терроризма — это не оправдание террористической деятельности, а призыв к системному подходу в анализе проблемы.

Очевидно, что борьба против террористов, уничтожение их баз и лидеров не способна устранить глубинные истоки терроризма. Миротворческие военные операции могут сдержать войну и предотвратить часть терактов, но сдерживание конфликтов не ведет к установлению мира. Переговорный процесс затрагивает лишь некоторые аспекты конфликта (например, представительство партий католиков и протестантов в ирландском парламенте), но не устраняет его глубинных причин (униженное положение католиков в Ирландии на протяжении нескольких столетий). Психология мира выступает за переход от миротворчества к строительству мира, основным психологическим механизмом которого являются эмпатия и понимание, развитие способности сторон встать на точку зрения друг друга. Психологи могут внести серьезный вклад в борьбу с терроризмом через проведение Т-групп и кросскультурных семинаров в зонах этнических конфликтов, через организацию совместных культурных программ в рамках «дипломатии второго пути», расширение программ международного академического обмена, развитие ценностей культуры мира в школах и повышение кросскультурной компетентности молодежи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время крепнет понимание того, что природа войны, которую объявило мировое сообщество международному терроризму, является, помимо прочих составляющих, и *психологической*. По мнению специалистов, психологическая наука может предложить мировому сообществу ряд решений по многим социальным проблемам (Levant, Barbanel, DeLeon, 2004). Исходя из обоснования психологической природы терроризма, западные ученые выдвигают тезис, согласно которому психологическая наука начинает играть главную роль в решении проблем противодействия вызовам третьего тысячелетия. Например, Американская психологическая ассоциация, реагируя на события 11 сентября 2001 г., сформировала специальную подкомиссию (Levant, Barbanel, DeLeon, 2004), **основная цель которой — координация усилий психологического сообщества, разработка мер и способов участия психологов в решении практических проблем реагирования на угрозы и последствия террористических действий.**

Представители психологической науки могут реагировать на вызовы международного терроризма по следующим направлениям:

- формирования в мировом сообществе культуры мира и развития межкультурного диалога;
- обеспечения социальных знаний и экспертиз в таких сферах, как отбор и подготовка персонала, работающего в области борьбы с терроризмом;
- объяснения способов формирования террористических установок, предубеждений, фанатизма, экстремизма, гетеростереотипов;
- работы с жертвами актов насилия и терроризма;
- формирования гуманистических установок и ориентаций личности;
- проведения прикладных и эмпирических исследований конкретных аспектов и вопросов терроризма.

В целом психологическая наука всегда позиционировалась в обществе как способствующая обеспечению нормального, ненасиль-

ственного функционирования социума, реагированию на его социальные запросы в исторической перспективе. Она может занять одно из ведущих мест в противостоянии угрозам существованию современной цивилизации.

В этой связи особенно велико значение социальной психологии в исследовании и преодолении терроризма. Именно социальная психология позволяет выявить скрытые механизмы и глубинные корни терроризма в непосредственном общении между людьми, во взаимодействии микро- и макросреды. Она позволяет увидеть за поступками террориста не только его устойчивые личностные характеристики, но и влияние социальной ситуации, террористической группы, общества в целом.

Оглядываясь на путь, пройденный психологией терроризма, можно заметить, что она развивалась в направлении все большего учета социального контекста при объяснении действий террориста. На место представлений о террористах как патологических личностях постепенно пришло понимание значимости межличностных и межгрупповых отношений, в которые сегодня включены те, кто завтра станет участником или жертвой теракта. За последние 15 лет в психологической литературе, посвященной терроризму, основное внимание уделяется уже не поиску какой-либо основной его причины, а выявлению взаимосвязей между факторами разного порядка: начав с внутриличностного уровня анализа терроризма, психологическая наука осваивает внутригрупповой, межгрупповой и социетальный уровни. Не случайно среди наиболее часто используемых теоретических подходов в области психологии терроризма лидирующие позиции занимают социокогнитивные подходы: теория социальной идентичности и самокатегоризации, теория научения, теория имплицитного лидерства, теория разделенных когний и внутригрупповых процессов переработки информации. Терроризм коренится не в труднодоступных горных ущельях, не в базах боевиков, затерянных в лесах, и даже не в головах отдельных его лидеров. Подлинные источники террористической угрозы находятся в нас самих — в том, как видят свое положение крупные социальные группы и как они его объясняют.

Социально-психологический анализ истоков терроризма дает основания говорить о том, что не существует этносов и культур, полностью защищенных от терроризма. С одной стороны, изобретение информационных технологий и оружия массового уничтожения привело к тому, что несимметричный ответ на угрозу группе обращен уже не только к правительству своей страны, но к мировому сообществу.

Если следовать логике террористов, чем глобальнее угроза, тем она эффективнее. С другой стороны, ни одно сообщество не защищено от возникновения в нем настроений, симпатизирующих террористическим способам отстаивания своего мнения.

Напрашивается сопоставление феномена терроризма с другим чудовищем, также получившим распространение в XX в., — фашизмом. После Второй мировой войны социальных психологов интересовало, возможно ли повторение ужасов геноцида и тоталитарных режимов. Позднейшая политическая история не только развивающихся, но и европейских стран ответила на этот вопрос положительно. Но проведенные еще раньше эксперименты С. Милгрема и Ф. Зимбардо показали, что самый обыкновенный человек, не страдающий психическими отклонениями, может совершать бесчеловечные поступки в определенной ситуации, оправдывая их благими намерениями. Фашизм может повториться. Не только в послевоенных и посттоталитарных обществах, но и там, где социализация подростков связана с чувством унижения за свою этническую или религиозную принадлежность, социальная группа может легитимировать несимметричное насилие: убийство может восприниматься как героизм.

Говоря о перспективах социально-психологического исследования терроризма, хотелось бы подчеркнуть, что из трех обозначенных нами уровней анализа, — внутриличностного, внутригруппового, межгруппового и социетального, — наиболее освоенными можно считать первый и последний.

По сравнению с 1980-ми годами психологическая наука существенно не продвинулась в понимании внутригрупповых процессов в террористических организациях (Analysen zum Terrorismus, 1982; Post, 1986). Мы по-прежнему очень мало знаем о террористических группах: лидерстве, ролевой и коммуникативной структуре, социализации новых членов, динамике межличностных отношений в группе и внутригрупповых конфликтах, стадиях развития группы, критериях готовности группы к совершению терактов и т.д. Очевидно, что такая информация дает возможность не только для более эффективной борьбы с уже действующими группами, но и для предотвращения рекрутирования в их ряды новых участников. Очевидно и то, что возможности сбора такой информации еще далеко не исчерпаны психологами: возможно проведение глубинных интервью с бывшими участниками террористических бандформирований, успешно интегрировавшимися в нормальную жизнь, интервью с террористами, отбывающими тюремное заключение (в России таких заключенных более 3 тысяч).

Также мало разработанным остается межгрупповой уровень анализа. В частности, по-прежнему совершенно не изучена роль соперничества между террористическими организациями: как формируется межорганизационное доверие и партнерство, в каких случаях конкуренция между организациями приводит к эскалации террористической активности, а в каких — к ее снижению? Мы мало знаем о динамике отношений между террористической группой и сообществом, от имени которого она выступает. Например, какие социально-психологические механизмы обеспечивают террористам поддержку со стороны местного сообщества? При каких условиях между террористической группой и местным сообществом возникает напряженность? Какую роль этнические и политические внутригрупповые конфликты играют в жизни террористической организации? Наконец, очень мало изучены психологические механизмы, определяющие то, как террористы реагируют на действия своих противников: международных и национальных спецслужб, политических и правительственных группировок и т.д. Какие формы противодействия терроризму провоцируют совершение терактов? Как вернуть террористов и тех, кто им симпатизирует, за стол переговоров? Как преодолеть взаимный образ врага?

Одной из важных задач, которые социальной психологии еще только предстоит решить, является более четкое, с психологической точки зрения, разграничение феноменов, близких к терроризму: экстремизма, ксенофобии, фанатизма, вандализма и др. Продвижение в этом направлении позволит подобрать более эффективные методы предупреждения терроризма и снижения негативных последствий уже совершенных терактов.

Наконец, борьба с терроризмом все еще сконцентрирована на самих террористах, а не на социальных источниках этого феномена. Социальные психологи могут немало сделать для снижения террористической угрозы, если их внимание будет обращено не только на объяснение негативных явлений и процессов (социальную напряженность и конфликты, ксенофобию, интолерантность), но и на механизмы социальной интеграции. Далеко не случайно в социальной психологии на протяжении последних 10 лет наблюдается возобновление интереса к механизмам социальной интеграции. Намечился переход от изучения конфликтов и противоречий к исследованию доверия, социального обмена, социальных сетей, он-лайнных и местных сообществ, социального капитала, совместного знания. В собственно конфликтологии это проявляется в пристальном интересе к процессу построения мира, феноменам взаимного примирения, восстановления

доверия, к специфическим и органичным для определенной культуры методам разрешения конфликтов. Иными словами, понимание причин терроризма ничего не даст для борьбы с ним, если мы не будем отчетливо представлять, как инициировать, усиливать и подкреплять интегративные общественные процессы: формирование доверия, толерантности, сетей социальной поддержки, позитивной групповой идентичности, культуры диалога и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев Ю.И.* Основные тенденции современного терроризма // Современный терроризм: состояние и тенденции / Под ред. Е.И. Степанова. М., 2000. С. 137–175.
- Адлер А.* Очерки по индивидуальной психологии. М.: Когито-Центр, 2002.
- Адорно Т. и др.* Исследования авторитарной личности. М.: Академия исследований культуры, 2001.
- Антонян Ю.М., Белокуров Г.И., Боковиков А.К.* Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Аспект-Пресс, 2006.
- Баранов А.С.* Терроризм и гражданское мученичество в европейской политической культуре Нового и Новейшего времени // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 77–88.
- Батуева Е.Б.* Возрастные особенности отношения личности к терроризму // Материалы общероссийской научной конференции, посвященной 35-летию Института психологии РАН. М., 2007.
- Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. М., 2000.
- Будницкий О.В.* Терроризм глазами историка: идеология терроризма // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 3–19.
- Бэрн Р., Бирн Д., Джексон Б.* Социальная психология: Ключевые идеи. СПб.: Питер, 2003.
- Кожин В.* Россия: Век XX-й, 1903–1939. Опыт беспристрастного исследования. М.: Алгоритм, 2001.
- Викток В.В.* Терроризм постперестроечной эпохи // Социальные исследования. 1993. №2. С. 42–50.
- Викток В.В., Эфилов С.А.* «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987.
- Гиппенрейтер Ю.Б., Фаликман М.В.* Психология мотивации и эмоций. М.: Че-Ро, 2006.
- Гостев А.А., Соснин В.А., Степанов Е.И.* На путях становления отечественной конфликтологии // Психол. журн. 1996. Т. 17. № 2. С. 110–130.
- Грачев Г.* Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. Волгоград, 2004.
- Гришко А.Я., Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е.* Личность осужденного за террористическую деятельность (экспериментальные исследования и пути построения воспитательного и психокоррекционного воздействия). Рязань:

- Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006.
- Делягин М.Г.* Глобальная миссия России // Наш современник. 2004. № 9. С. 203–211.
- Делягин М.Г.* Мировой кризис. Общая теория глобализации. М.: Инфра-М, 2003.
- Дзагуто В.* Интернет-лагерь террористов // Время новостей. 2002. № 183. Октябрь.
- Добаев И.П.* Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика: Дис. ...докт. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
- Ениколопов С.Н., Лебедев С. В., Бобосов Е.А.* Влияние экстремального события на косвенных участников // Психол. журн. 2004. Т. 25. № 6. С. 73–81.
- Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А.* Социальная психология. М.: Форум–Инфра-М, 2006.
- Иванов В.Н.* Современный терроризм. М.: Библиотечка журнала «Наука — Политика — Предпринимательство», 2004.
- История терроризма в России / Сост. О. В. Будницкий. Ростов-на-Дону, 1996.
- Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990.
- Кива А.В., Федоров В.А.* Анатомия терроризма // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 130–142.
- Козер Л.* Функции социального конфликта. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 114.
- Кольцова В.А., Нестик Т.А., Соснин В.А.* Психологическая наука в борьбе за мир: история, направления исследований // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 5. С. 5–15.
- Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований / Под общ. ред. Е. Ю. Садовской, И. Ю. Чупрыниной. Алматы: Конфликтологический центр; М.: Центр конфликтологии института социологии РАН, 2002. Т. 1–3.
- Короткина Е.Д., Княгинина О.В.* Представления о терроризме у жителей разных регионов России // Материалы общероссийской научной конференции, посвященной 35-летию Института психологии РАН. М., 2007.
- Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.* Социальная психология малой группы. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 120–130.
- Кудрявцев В. Н. Лунев В.В., Петрищев В. Е.* Терроризм и организованная преступность в условиях глобализации // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75. № 1. С. 3–9.
- Куттер П.* Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей. СПб.: Б.С.К., 2004.
- Лапланд Ж., Поталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М.: Высшая школа, 1996.

- Левицкий Р., Сондерс Д., Барри Б., Минтон Дж.* Самое главное о переговорах. М.: Форум, 2006.
- Леонгард К.* Акцентуированные личности. Киев: Высшая школа, 1981.
- Луис Б.* Ислам и Запад. Серия «Диалог». М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2003.
- Лунев В.В.* Политическая, социальная и экономическая несправедливость в мире и терроризм // *Общественные науки и современность*. 2004. № 3. С. 81–87.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2003.
- Марьян М.И., Касперович Ю.Г.* Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности. М.: Изд. Центр «Академия», 2007.
- Мировое сообщество против глобализации, преступности и терроризма (2-я Международная конференция). Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум. М.: Экономика, 2003.
- Налчаджян А.* Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван: Огебан, 2000.
- Нестик Т.А.* Социально-психологический подход к анализу причин терроризма // *Конфликтология*. 2005. № 5. С. 108–115.
- Нестик Т.А.* Социально-психологический подход к анализу феноменов террора, терроризма и террористической деятельности: Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола») // *Вопросы философии*. 2005. № 6. С. 3–36.
- Нестик Т.А., Соснин В.А.* Современный терроризм: социально-психологический анализ // *Террор и терроризм*. Под ред. Королева А.А. и Пеньковского Д.Д. М.: Национальный институт бизнеса, 2008, С. 101–117.
- Одергон А.* Отель «война». Психологическая динамика вооруженных конфликтов. М.: Aenigma, 2008.
- Ольшанский Д.В.* Психология террора. М.: Академический проект, 2002.
- Осухова Н. Г.* Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях. М.: Изд. центр «Академия», 2007.
- Паин Э. А.* Социальная природа экстремизма и терроризма // *Общественные науки и современность*. 2002. № 4. С. 113–124.
- Психологи о терроризме: круглый стол // *Психол. журн*. 1995. Т. 16. № 4. С. 37–48.
- Разешение и предупреждение конфликтов в СНГ // *Международный справочник организаций*. Алматы, 2002.
- Решетников М.М.* Особенности состояния, поведения и деятельности людей в экстремальных ситуациях с витальной угрозой // *Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора*/ Под ред. М.М. Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004.
- Ромек В.Г., Конторович В.А., Крукович Е.И.* Психологическая помощь в кризисных ситуациях. СПб: Речь, 2004.

- Рошин С.К.* Западная психология как инструмент идеологии и политики. М.: Наука, 1980.
- Рошин С.К.* Политическая психология // Психол. журн. 1980. Т. 1. № 1. С. 141–156.
- Рошин С.К., Соснин В.А.* Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества и государства // Российский монитор. 1995. № 6.
- Словарь по общественным наукам. Глоссарий.py // www.glossarii.ru.
- Соснин В.А.* Исследования социального конфликта в социальной психологии США: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1979.
- Соснин В.А.* Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психол. журн. 1997. Т. 18. № 1. С. 50–60.
- Соснин В.А.* Проблема экстремизма в контексте конфликтного взаимодействия. Материалы международной юбилейной конференции, посвященной 35-летию ИП РАН и 80-летию со дня рождения Б.Ф. Ломова. Москва, январь 2007.
- Соснин В.А.* Психология религии: американский опыт // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 2. С. 118–127.
- Соснин В.А.* Терроризм начала 21 века: проблема интерпретации и источников терроризма (о социально-психологических и идейных истоках современного терроризма): Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 3–36.
- Соснин В.А.* Урегулирование и разрешение конфликтов: проблема посредничества в прикладной исследовательской практике Запада // Психол. журн. 1994. Т. 15. № 5. С. 130–143.
- Соснин В.А., Лунев В.А.* Как стать хозяином положения. Анатомия эффективного общения. М.: Изд-во ИП РАН, 1996.
- Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е., Боковиков А.К., Белокуров Г.И.* Подсознание террориста. М.: PerSe, 2006.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2007.
- Струве П. Б.* Преступление и жертва // Русская мысль. 1911. Кн. 10.
- Тарабрина Н.В.* (Ред. и сост.). Клиническая психология. СПб., 2000.
- Тарабрина Н.В.* Основные итоги и перспективные направления исследований посттравматического стресса // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 4. С. 5–18.
- Терроризм в современной России: состояние и тенденции (круглый стол) // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 3–11.
- Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 3–36.
- Триандис Г.К.* Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007.
- Фетискин Н.П., Кондрат Е.Н. Миронова Т.И., Шепелева С.В.* Психология молодежного экстремизма в российской ментальности. СПб.; Кострома, 2007.

- Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ и новый цикл. М.: Фирма СТД, 2006.
- Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я». М.: Высшая школа, 1998.
- Хлебников В. Разговор с варваром. М.: Детектив-Пресс, 2003.
- Хоффман Б. Терроризм: взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003.
- Цыцарев С.В. Социальная психология и психопатология терроризма // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии анти-террора / Под ред. проф. М.М. Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004.
- Чаликова В. Терроризм // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989.
- Юзик Ю. Невесты Аллаха. М.: Ультра. Культура, 2003.
- Юрьев А.И. Политическая психология терроризма // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора / Под ред. проф. М.М. Решетникова. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004.
- Aaron T., Reck M.D. Prisoners of hate: The cognitive basis of anger, hostility and violence. N.Y.: Harper Collins Publishers, 1999.
- Abi-Hashem N. Ethno-political conflicts: A Lebanese perspective // International Psychology Reporter: APA division 52 Newsletter. 1999. Fall-winter. 3(2, 3). P. 29–31.
- Abi-Hashem N. Peace and War in the Middle East: A Psychopolitical and Social-cultural Perspective // Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 49–67.
- Abi-Hashem N. Psychology, time, and culture // American Psychologist. 2000. 55. P. 342–343.
- Abi-Hashem N. Reflections on international perspectives in psychology // American psychologist. 1997. N 52. P. 569–570.
- Abi-Hashem N. The impact of the Gulf War on the churches in the Middle East: A social-cultural analysis // Pastoral Psychology. 1992. 41 (1). P. 4–26.
- Abrams D. et al. Knowing What To Think By Knowing Who You Are: Self-Categorization and the Nature of Norm Formation, Conformity and Group Polarization // British Journal of Social Psychology, 1990. P. 97–116.
- Abu-Rabbi' I. M. Intellectual origins of Islamic resurgence in the modern Arab world. Albany: State University of New York Press, 1996.
- Adorno T. et al. Authoritarian personality. N.Y., 1950.
- Ahmad K. (Ed.). Islam: Its meaning and message (3rd ed.). Leicester, UK: The Islamic Foundation, 1999.
- Akbar S.A. Islam today: A sort introduction to the Muslim world. N.Y.: St. Martin's Press, 1999.
- Alexander I., Maxwell S. (Eds.). Terrorism: Interdisciplinary Perspectives. N.Y.: 1979. P. 3–4.

- Allen V.* Situational factors in conformity // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1965. V. 2.
- Altman N.* On the Psychology of Suicide Bombing // *Tikkun*. 2005. V. 20. Issue 2. P. 15–17.
- Analyzen zum Terrorizismus*. Vol. 1–4. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1981, 1982, 1983, 1984.
- Arblaster A.* Terrorism: Myths, Meaning and Morals // *Political Studies*. 1977. 25. N 3. P. 413–424.
- Armstrong K.* The battle for God: Fundamentalism in Judaism, Christianity, and Islam. N.Y.: Knopf, 2000.
- Atran S.* Genesis of suicide terrorism // *Science*. 2003. N 299. P. 1534–1539.
- Atran S.* In Gods we Trust: The Evolutionary Landscape of Religion. N.Y.: Oxford University Press, 2002.
- Atwan A. B.* The Secret History of al Qaeda. Los Angeles, University of California Press, 2006.
- Bandura A.* Aggression: A social learning analysis. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1973.
- Bandura A.* Moral disengagement in the perpetration of inhumanities // *Personality and Social Psychology Review*. 1999. V. 3. P. 193–209.
- Bandura A.* The role of selective moral disengagement in terrorism and counterterrorism // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions* / F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 122–150.
- Barakat H.* The Arab World: Society, culture, and states. Los Angeles: University of California Press, 1993.
- Barber F.* Political violence, social integration and youth functioning: Palestinian youth from the Intifada // *Journal of Community Psychology*. 2001. V. 29. P. 259–280.
- Barber B.* Jihad vs. McWorld. N. Y.: Random House, 1996.
- Baumann M.* Terror or Love? Bommi Baumann's Own Story of his Life as a West German Urban Gerrilla. N.Y.: Grove, 1979.
- Baumeister R.F.* (Ed.). The self in social psychology. Philadelphia: Psychology Press, 1999.
- Begin M.* The revolt. Los Angeles: Nash, 1972.
- Benjamin A., Levi A.* Minefields in Intergroup Conflict Resolution: The Sdot Yam Workshop // *Journal Applied Behavioral Science*. 1979. V. 13. N 4. P. 507–519.
- Berke J.* The tyranny of malice: Exploring the dark side of culture and character. N.Y.: Summit Books, 1988.
- Berks N.* The Development of Secularism in Turkey. Monreal, 1964.
- Beutler L.E., Reyes G. et al.* The Need for Proficient Mental Health Personals in the Study of Terrorism // B. Bogner, L.M. Brown, L.E. Beutler, J. N. Breckenridge, Ph.G. Zimbardo (Eds.) *Psychology of Terrorism*. USA, Oxford University Press, 2007. P. 32–55.

- bin Laden O.* Fatwa. 1998. February 23. Al Quds, al' Arabi, n.p.
- Blake R., Mouton J., Solma R.* The Union-Management Intergroup Laboratory: Strategy for Resolving Intergroup Conflict // *Journal Applied Behavioral Science*. 1965. V. 1. N 2. P. 25–57.
- Blascovich J., Tomaka J.* The biopsychological model of arousal regulation // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1996. N 28. P. 1–51.
- Blazak R.* White boys to terrorist men: Target recruitment of Nazi skinheads// *American Behavioral Scientist*. 2001. N 44. P. 982–1000.
- Bleish A., Gelkopf M., Solomon Z.* Exposure to terrorism, stress-related mental health symptoms, and coping behaviors among a nationally representative sample in Israel // *Journal of the American Medical Association*. 2003. 290 (5). P. 612–617.
- Blumberg H. H.* Peace psychology after the Cold War: A selective review // *Genetic, Social and General Psychology Monographs*. 1998. V. 124. N 1. P. 5–37.
- Blumberg H.H.* Understanding and dealing With Terrorism: A Classification of Some Contributions from the Behavioral and Social Sciences // *Peace and conflict: Journal of Peace Psychology*. 2002, 8(1). P. 3–16.
- Bodansky Y.* Bin Laden: The man who declared war on America. N.Y.: Random House/Forum, 2001.
- Bongar B. et al. (Eds.)*. Psychology of Terrorism. N.Y.: Oxford University Press, 2007.
- Bouas K.S., Arrow H.* The development of group identity in face-to-face and computer-mediated groups with membership change // *Computer supported cooperative work*. 1996, N. 4. P. 153–178.
- Bougar B.* The Psychology of Terrorism // B. Bognar, L.M. Brown, L.E. Beutler, J.N. Breckenridge. Ph.G. Zimbardo (Eds.) *Psychology of Terrorism*. USA, Oxford University Press, 2007. P. 3–12.
- Bowers S.R., Derrick A.A., Olimov M.A.* Suicide terrorism in the former USSR // *The Journal of Social, Political and Economic Studies*. 2004. V. 29. N 3. P. 261–279.
- Brehm J.* A theory of psychological reactance. N.Y.: Academic Press, 1966.
- Brenes A., Wessells M.* Psychological contributions to building cultures of peace // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2001. N. 7. P. 99–107.
- Brewin C., Andrews B. et al.* Acute stress disorder and posttraumatic stress disorder in victims of violent crimes // *American Journal of Psychiatry*. 1999, 156 (3). P. 360–366.
- Brinthaup T.M., Moreland R.L., Levine J.M.* Sources of Optimism Among Prospective Group Members // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1991. 17. P. 36–43.
- Bryant R., Harvey A.* Acute stress disorder: A handbook of theory, assessment, and treatment. Washington DS: American Psychological Association, 2000.
- Buffa P.V., Guistolisi F.* Non sono un pentito, sono stanco // *L'Espresso*. 1984. 8 April. P. 16–19.

- Burns R. B.* The Self-concept: Theory, measurement, development and behavior. Longman, London, N.Y., 1979.
- Burton J.* (Ed.). Conflict: Human needs theory. N.Y.: St. Martin's Press, 1990.
- Burton J. W.* Resolving deep-rooted conflict: A handbook. Landham, MD: University Press of America, 1987.
- Burton J., Dukes F.* Conflict series. Vol. 1–4. San-Francisco, 1990.
- Carnevale P. J., O'Connor K. M., McCusker C.* Time pressure in negotiation and mediation // Time pressure and stress in human judgment and decision making. O. Svenson & A.J. Maule, (Eds.). New York: Plenum Press, 1993. P. 117–126.
- Carr C.* The lessons of terror: A history of warfare against civilians, why it has always failed and why it will fail again. New York: Random House, 2002.
- Carter A.* Anarchism and violence // Anarchism. Ed. by J.R. Pennock & J.W. Chapman. N.Y.: New York University Press, 1978. P. 320–340.
- Choueiri Y.V.* Islamic fundamentalism. Boston: Twayne, 1990.
- Christie D.J.* Reducing direct and structural violence: The human needs theory // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 1997. N 3. P. 315–332.
- Christie D.J., Wagner, R.V., Winter D.D.* (Eds.). Peace, conflict, and violence: Peace psychology for the 21st century. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2001.
- Clark R.* Patters in the Lives of ETA Members // Terrorism. 1983. 6. N 3. P. 423–454.
- Clizbe J.A., Hamilton S.* The Response of Relief Organizations to Terrorist Attacks // B. Bongar, Brown L.M. et al. (Eds.). Psychology of Terrorism. Oxford, N.Y.: Oxford University Press. 2007. P. 194–206.
- Collins Aukai.* My Jihad: The True Story of An American Mujahid's Amazing Journey from Ūsama Bin Laden's Training Camps to Counterterrorism with the FBI and CIA. N.Y.: Pocket Books, 2003.
- Condon W.S.; Ogston W.D.* A segmentation of behavior // Journal of psychiatric research. 1967. Vol. 5 P. 221–235.
- Cooper H.* Psychopath as terrorist: A psychological perspective // Legal Medical Quarterly. 1978. № 2. P. 188–197.
- Cooper H.* What is Terrorist: A psychological perspective // Legal Medical Quarterly. 1977. № 1. P. 16–32.
- Cooper J., Nettler R., Mahmoud M.* (Eds.). Islam and modernity: Muslim intellectuals respond. N. Y.: Palgrave, 2000.
- Corrado C.R.* A Critique of the Mental Disorder Perspective of Political Terrorism // International Journal of Law and Psychiatry. 1981. N 4. P. 293–310.
- Cote J., Levine C.* Identity, formation, and culture: A social psychological synthesis. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2002.
- Courbage Y., Fragues P.* Christians and Jews under Islam. N. Y.: St. Martin's Press, 1998.

- Crawshaw S. R. A.* Averting a terrorist attacks: A case study // R.H. Ward, H.E. Smits (Eds.). *International terrorism: operational issues*. Chicago: University of Illinois at Chicago Press, 1988. P. 47–59.
- Crenshaw M.* The Causes of Terrorism // *Comparative Politics*. 1981. 13. P. 379–399.
- Crenshaw M.* The psychology of terrorism: An agenda for 21-st century // *Political psychology*. 1998. N 21. P. 405–420.
- Crocker J., Major B.* Social stigma and self-esteem: The self-protective properties of stigma // *Psychological Review*. 1989. V. 96. P. 608–630.
- Cross R., Prusak L.* The People Who Make Organizations Go or Stop // *Harvard Business Review*. 2002. Vol. 80. N 6. P. 104–112.
- Dalacoura K.* *Islam, liberalism and human rights*. N.Y.: St. Martin's Press, 1998.
- Danieli Y.* (Ed.). *International handbook of legacies of trauma*. N.Y.: Kluwer Academic/Plenum Press, 1998.
- Danieli Y., Engdahl B., Schlenger W.* The psychological aftermath of terrorism // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions* / F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 223–246.
- Darby J., Gallagher A.M.* (Eds.). *Comparative Approaches to Community Relations*. Ulster: Centre for the Study of conflict, University of Ulster, 1991.
- Demaris O.* *Brothers in blood*. N.Y.; Scribner, 1977.
- Den Hartog D.N., House R.J., Hanges P.J., Ruiz-Quintanilla S.A., Dorfman P.W. et al.* Globe Country Investigators. Culture specific and cross-culturally generalizable implicit leadership theories: Are attributes of charismatic/transformational leadership universally endorsed? // *Leadership Quarterly*. 1999. 10. P. 219–256.
- Deutsch M.* Conflicts: destructive and constructive // *Journal of Social Issues*. 1969. N 25. P. 7–41.
- Devilly G.J., Cotton P.* Caveat emtor, caveat venditor, and critical incident stress debriefing/management (CISD/M) // *Australian Psychologist*. 2004. 39. P. 35–40.
- Diaz-Guerrero R.* The development of coping style // *Human Development*. 1979. 22. P. 320–331.
- Ditzler T.F.* Malevolent minds: the teleology of terrorism // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions*. F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association. 2004. P. 187–206.
- Doob L.* (Ed.). *Resolving Conflict in Africa*. Haven Conn.: Yale Univ. Press, 1970.
- Doob L., Folts W.* The Belfast Workshop // *Journal of Conflict Resolution*. 1973. V. 17. N 3. P. 489–512.
- Doob L., Folts W.* The Impact of a Workshop upon Grass-Ruts Leaders in Belfast // *Journal of Conflict Resolution*. 1974. V. 18. N 2. P. 237–256.

- Dunn C.* Brief motivational interviewing intervention targeting substance abuse in the acute care medical setting // *Seminars in Clinical Neuropsychiatry*. 2003. 8. P. 188–196.
- Dwairy M.* Cross-cultural counseling: The Arab-Palestinian case. N.Y.: Haworth Press, 1998.
- Esposito, J. L.* (Ed.). *Political Islam: Revolution, radicalism, or reformation?* Boulder, CO: Lynne Rienner, 1997.
- Everly G., Mitchell J.* *Critical incident stress management (CISM): A new era and Standard of care in crisis intervention (2d ed.)*. Ellicott, M D: Chevron, 1999.
- Extremism. <http://en.wikipedia.org/wiki/Extremism>.
- Farrell W.R.* *Blood and Rage: the Story of the Japanese Red Army*. Lexington, MA: Lexington Books, 1990.
- Fawaz A.G.* *Journey of the Jihadist: Inside Muslim Militancy*. N.Y.: Harvest Books, 2007.
- Ferracuti F.* *Ideology and repentance: terrorism in Italy* // *Origins of Terrorism* / Ed. by W. Reich. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1990. P. 59–64.
- Ferracuti F.* *Psychiatric Aspects of Italian Left Wing and Right wing Terrorism* // VII-th World Congress of Psychotherapy. Vienna, Austria, July 1983.
- Ferracuti F., Bruno F.* *Italy: A Systems Perspective* // A.P. Goldstein, M.H. Segal (Eds.). *Aggression in Global Perspective*. Elmsford, N. Y.: Pergamon, 1983.
- Ferracuti F., Bruno F.* *Psychiatric Aspects of terrorism in Italy*. // I.L. Barak–Galant, C. R. Huff (Eds.) *The mad, the bad, and the Different*. Lexington, Mass: Lexington Books, 1981. P. 199–213.
- Ferster C.F., Skinner B.F.* *Schedules of Reinforcement*. N.Y.: Knopf, 1974.
- Firestone R.* *Jihad: The origin of the holy war in Islam*. N.Y.: Oxford University Press, 1999.
- Frager R., Fadiman J.* *Personality and Personal Growth*. N.Y.: Prentice House, 2002.
- Franchi P.* Uno, cento, mille pentiti // *Panorama*. 1984. 12. March. P. 91–117.
- Fromm E.* *The anatomy of human destructiveness*. Greenwich, CT: Fawcett publications, 1973.
- Galanter M.* *Engaged Members of the Unification Church: Impact of a Charismatic Large Group on Adaptation and Behavior* // *Archives of General Psychiatry*. 1983. 40. N 11. P. 1197–1202.
- Geertz C.* *The interpretation of cultures*. London: Hutchinson, 1973.
- George J.M.* *Group affective tone* // *Handbook of work group psychology* / Ed. by M.A. West. Chichester, UK: Wiley, 1996.
- George J.M.* *Leader positive mood and group performance: The case of customer service* // *Journal of Applied Social Psychology*. 1995. Vol. 25. P. 778–794.
- Gerstein L., Moeschberger S.* *Building Cultures of Peace: An Urgent Task for Counseling Professionals* // *Journal of Counseling & Development*. 2003. V. 81. N 1. P. 115–120.

- Gerwer S., Hubbard K.* What is terrorism? Key elements and History // B. Bomgard, P.G. Zimbardo et al. (Eds.). *Psychology of Terrorism*. Oxford: University Press, 2007. P. 87–100.
- Gillespie K., Duffy M. et al.* Community-based cognitive therapy in the treatment of post-traumatic stress disorder following the Omagh bomb // *Behavior research and Therapy*. 2002. 40. P. 3454–3470.
- Gist R., Lubin B.* (Eds.). *Response to disaster: Psychological, community, and ecological approaches*. Philadelphia: Taylor and Francis, 1999.
- Goleman D.* What makes a leader? // *Harvard Business Review*. 1998. November-December. P. 93–102.
- Grunebaum G.E.* The response to Nature in Arabic Poetry // *Journal of Near Eastern Studies*. 1945. 4(3). P. 144–146.
- Gunaratna R.* *Inside Al Qaeda: Global Network of Terror*. N.Y.: A Berkley Book, 2002.
- Halliday F.* *Islam and the myth of confrontation: Religion and politics in the Middle East*. N.Y.: Tauris, 1996.
- Hamada L.B.* *Understanding the Arab world*. Nashville, TN: Thomas Nelson, 1990.
- Hamady S.* *Temperament and character of the Arabs*. N.Y.: Twayne, 1960.
- Han H.* (Ed.). *Terrorism and political violence: Limits and possibilities of legal control*. N. Y.: Oceana, 1993.
- Haqqani H., Kimmage D.* The online bios of Iraq martyrs // *The New Republic*. 2005. 14 October.
- Harre R.* The Social Construction of Terrorism // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions*. F.M. Moghaddam and A.Y. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 91–102.
- Hatfield E., Cacioppo J.T., Rapson R.* *Emotional Contagion*. N.Y.: Cambridge University Press, 1994.
- Hefner R.W.* *Civil Islam*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000;
- Heilman M.E.* Oppositional behavior as a function of influence attempt intensity and retaliation threat // *Journal of Personal and Social Psychology*. 1976. N 33. P. 574–578.
- Herbert T.B., Cohen S.* Depression and immunity // *Psychological Bulletin*. 1993. N 13. P. 472–486.
- Heskin K.* The Psychology of Terrorism in Ireland // Y. Alexander, A. Day (Eds.). *Terrorism in Ireland*. N. Y.: St. Martin's Press, 1984.
- Heyman E., Mickolus E.F.* Imitation by terrorists: quantitative approaches to the study of diffusion patterns in transnational terrorism // *Behavioral and Quantitative Perspectives on Terrorism* / Ed. by Y. Alexander & J.M. Gleason. N.Y.: Pergamon, 1981. P. 175–228.
- Hitchcock R.K.* The essence and power of evil // *Touchstone*. 2001. November. 14 (9).

- Hitchcock R. K., Tweedt T.M.* Physical and cultural genocide of various indigenous peoples // S. Totten, W.S. Parsons, I.W. Charny (Eds.). *Century of genocide: Eyewitness accounts and cultural views*. N.Y.: Garland Publishing, 1997.
- Hoffman B.* Holly terror: The implications of terrorism motivated by a religious imperative // *Studies in Conflict and Terrorism*. 1995. N 18. P. 271–284.
- Hoffman B.* *Inside terrorism*. N.Y.: Columbia University Press, 1998.
- Holmes G.* (Ed.). *The Oxford history of medieval Europe*. Oxford, England: Oxford University Press, 1992.
- Horgan J.* *The Psychology of Terrorism*. L.–N.Y.: Routledge, 2005.
- Hourani A.* *A history of Arab peoples*. N.Y.: Warner Books, 1991.
- House R.J., Wright N.S., Aditya R.N.* Cross-cultural research on organizational leadership: A critical analysis and a proposed theory // *New perspectives in international organizational psychology* / P.C. Early & M. Erez (Eds). San Francisco: New Lexington, 1997. P. 535–625.
- Hoveyda F.* *The broken crescent: The “threat” of militant Islamic fundamentalism*. Westport, CT: Praeger, 1998.
- Hubard D.* *The Psychodynamic of Terrorism* // Y. Alexander, T. Adeniran (Eds.) *International violence*. N. Y.: Praeger, 1983.
- Hunt J.G., Boal K.B., Sorensen R.L.* Top management leadership: Inside the black box // *Leadership Quarterly*. 1990. 1. P. 41–65.
- Hunter S.T.* *The future of Islam and the West: Clash of civilizations or peaceful coexistence?* Westport, CT: Praeger, 1998.
- Inside Terrorist Organizations* / Ed. by D. Rapoport. 2nd ed. London, Portland, OR: Frank Cass, 2001.
- Iwao S.* *The Japanese woman: Traditional image and changing reality*. N.Y.: Free Press, 1993.
- Janis I.L.* *Victims of groupthink*. Boston: Houghton Mifflin, 1972.
- Johnson J.T.* Jihad and just war // *Things*. 2002. June/July. 124. P. 12–14.
- Jones T., Craig A. et al.* Mass psychogenic illness attributed to toxic exposure at a high school // *New England Journal of Medicine*. 2000. 342 (2). 96–101.
- Kaplan D.E., Marshall A.* *The cult at the end of the world: the terrifying story of the Aum doomstady cult, from the subways of Tokyo to the nuclear arsenals of Russia*. N.Y.: Crown, 1996.
- Kelly J.R.* Mood and emotions in groups // *Group Processes*. *Blackwell Handbook of Social Psychology* / By M.A. Hogg and S. Tindale. London: Blackwell Publishing, 2003. P. 164–181.
- Kelly J.R., Karau S.J.* Group Decision Making: The Effect of Initial Preferences and Time Pressure // *Personality & Social Psychology Bulletin*. 1999. Vol. 25. N 11. P. 1342–1354.
- Kennedy M.* The 21-st century condition likely to inspire terrorism // Y. Kushner (Ed.). *The future of terrorism: Violence in the new millennium*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.

- Kernberg O.* Borderline Conditions and Pathological Narcissism. N.Y.: Jacob Aronson, 1975.
- Khalid U., Olsson P.* Suicide Bombing: A Psychodynamic View // Journal of the American Academy of Psychoanalysis & Dynamic Psychiatry. 2006. V. 34. Issue 3. P. 523–530.
- Kidder L.* Requirements for being «Japanese»: Stories of returnees // International Journal of Intercultural Relations. 1992. 16. P. 383–394.
- Klandermans B.G.* Mobilization and participation in social movements: a socialpsychological expansion on resource mobilization theory // American Sociological Review. 1984. Vol. 49. P. 583–600.
- Knutson J.* (Ed.) Handbook of political psychology. San Francisco, 1973.
- Kohut H.* The analysis of the self. N.Y.: International University Press, 1983.
- Koopman P.L., Den Hartog D.N., Konrad E. et al.* National Culture and Leadership Profiles in Europe: Some Results From the GLOBE Study // European Journal of Work and Organizational Psychology. 1999. 8 (4). P. 503–520.
- Krebs V.* Mapping Networks of Terrorist Cells // Connections. 2002. Vol. 24 (3). P. 43–52.
- Kursman C.* Liberal Islam. N.Y.: Oxford University Press, 1998.
- Lakin M.* Interpersonal Encounter: Theory and Practice in Sensitivity Training. N.Y.: Mcgram Hill, 1972.
- Langholtz H.* Comments on Jerald's article: Differentiating the threat of chemical and biological terrorism: Motivations and constraints // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2002. N 8. P. 219–221.
- Laquer W.* (Ed.). The terrorism Reader. A Historical Anthology. London, 1979. P. 1–2.
- Laqueur W.* Interpretation of terrorism: Facts, Fiction and Political Science // Journal of Contemporary History. 1977. January. P. 15–17.
- Laqueur W.* The age of Terrorism. Boston: Little Brown, 1987.
- Laqueur W.* The new terrorism: Fanaticism and the arms of mass destructions. N.Y.: Oxford University Press, 1999.
- Lawrence B.B.* Shattering the myth: Islam beyond violence. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998.
- Lazarus P.S., Folkman S.* Cognitive Theories of stress and the issue of circularity // M.H. Appley, R. Trumbull (Eds.). Dynamics of stress: Physiological, Psychological and social perspectives. N.Y.: Plenum series on Stress and Coping, Plenum, 1986.
- Lerner M.J.* The belief in a just world: A fundamental delusion. N.Y.: Plenum Press, 1980.
- Levant R., Barbanel L., DeLeon P.* Psychology's Response to Terrorism // Understanding terrorism: psychological roots, consequences, and interventions / F. Moghaddam, A. Marrsella (Eds). Washington, DC.: American Psychological Association, 2004. P. 265–282.

- Levine R.V., Norenzayan A.* The pace of life in 31 countries // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1999. 30. P. 178–205.
- Lewis B.* The political Language of Islam. Chicago, 1988.
- Lifton R.J.* Destroying the world to save it: Aum Shinrikyo, apocalyptic violence, and the new global terrorism. N.Y.: Henry Holt, 1999.
- Linley P.A. et al.* Positive and negative changes following vicarious exposure to the September 11 terrorist attacks // *Journal of Traumatic Stress*. 2003. Vol. 16. P. 481–485.
- Linley P.A., Joseph S.* Positive change following trauma and adversity: A review // *Journal of Traumatic Stress*. 2004. 17. P. 11–21.
- Litz B., Bryant R., Adler A.* Early intervention for trauma: Current status and future directions // *Clinical Psychology: Science and Practice*. 2002. 9 (2). P. 112–134.
- Litz B., Gray M.* Early intervention for trauma in adults // B. Litz (Ed.). *Early intervention for trauma and loss*. N.Y.: Guilford, 2004.
- Loewenstein G., Elster J.* *Choice Over Time*. Russell Sage Foundation. N.Y., 1992.
- Lord R., Maher K.J.* Leadership and information processing: Linking perceptions and performance. Boston: Unwin-Everyman, 1991.
- Louis W.R., Taylor D.M.* Understanding the September 11-th terrorist attack on America: The role of intergroup theories of normative influence // *Analyses of Social issues and Public Policy*, 2002. V. 2b. N 1. P. 87–100.
- Malik H.C.* Between Damascus and Jerusalem: Lebanon and Middle East peace (2nd ed.). Washington, DC: The Washington Institute for Eastern Policy, 2000.
- Mardin S.* The Genesis of Young Ottoman thought: A Study in Modernization of Turkish Ideas. Princeton, 1962.
- Marion R., Uhl-Bien M.* Complex Theory and Al-Qaeda: Examining Complex Leadership // *Emergence*, 2003, n.5(1). P. 54–76.
- Marlowe D.N.* Psychological and psychosocial consequences of combat and deployment. Santa Monica: RAND, 2001.
- Marsella A.J.* Reflections on international terrorism: issues, concepts, and directions // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions* / F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 11–47.
- Marsella A.J., Friedman M.J. et al.* (Eds.). *Ethnocultural aspects of posttraumatic stress disorders: Issues, research, and clinical applications*. Washington, DC: American Psychological Association, 1996.
- Marsella A.J.* Reflections on international terrorism: issues, concepts, and directions // *Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions* / F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004.
- McDermott R., Zimbardo Ph.G.* The psychological consequences of terrorist alerts // B. Bogner, L.M. Brown, L.E. Beutler, J.N. Breckenridge, Ph.G. Zimbardo (Eds.) *Psychology of Terrorism*. USA, Oxford University Press, 2007. P. 357–372.

- McCauley C.* Making sense of terrorism after 9/11 // R. Moser (Ed.). Shocking violence II: Violent disaster, war, and terrorism affecting our youth. Spring-field, IL: Thomas, 2005.
- McCauley C.R., Segal M.D.* Terrorist individuals and terrorist groups: The normal psychology of extreme behavior // J. Grobel, J. F. Goldstein (Eds.). Terrorism. Seville, Spain: Publicaciones de la Universidad de Sevilla, 1989. P. 39–64.
- McCauley C. R., Segal M. E.* Social Psychology of Terrorist Groups: Group Processes and Intergroup Relations // Annual Review of Social and Personality Psychology. V. 9 / Ed. by C. Hendrick, Beverly Hills: Sage, 1987.
- McCormick G.H.* Terrorist decision making // Annual Review of Political Science. 2003. V. 6. N 1. P. 473–507.
- McIntosh D.N., Druckman D., Zajonc R.B.* Socially induced affect // Learning, remembering, believing: Enhancing human performance. Druckman, D. and Bjork R. (Eds.). Washington, DC, 1994. P. 251–276.
- McKenna K.Y., Bargh J.A.* Coming out in the age of the Internet: Identity «demarginalization» through virtual group participation // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. 75. P. 681–694.
- McNally et al.* Does early psychological intervention promote recovery from post-traumatic stress? // Psychological Science in the Public Interest. 2003. 4 (2). P. 45–79.
- Medved M.* Can Hollywood change its ugly version of the USA? // USA Today. 2002. October 15. P. A 17.
- Miller L.* Psychological interventions for terroristic trauma: Symptoms, syndromes, and treatment Strategies // Psychotherapy: Theory / Research / Practice / Training. 2002. 39 (4). P. 283–296.
- Miller M., File J.* Terrorism factbook. Peoria, IL: Bollix Press, 2001.
- Mitchell J.T., Everly G.S.Jr.* Critical incident stress debriefing (CISD): An operations manual for the prevention of traumatic stress among emergency services and disasters workers (2d ed.). Ellicott, MD: Chevron, 1996.
- Mitchell J.* When disaster strikes... the critical incident stress debriefing process // Journal of Emergency Medical Services. 1983. 8. P. 36–39.
- Mittleman J.* The globalization syndrome: Transformation and resistance. Princeton, NJ: Princeton, University Press, 2000.
- Moen D.G.* Arming dictators, 1993 // Center for Defense Information, Japan: retrieved September 10, 2002, from http://rsujiru.net/moen/video_trams/003.html.
- Moghaddam F.M.* The individual and society: A cultural integration. N. Y.; Worth, 2002.
- Moghaddam F.M.* From the Terrorist Point of View: What Thy Experience and Why Thy Come to Destroy. Praeger, Security international General Interest-Cloth, 2006.
- Moghaddam F.M.* Cultural Preconditions for Potential Terrorist Groups: Terrorism and Societal Change // Understanding terrorism: Psychological roots, con-

- sequences and interventions / F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 103–117.
- Moghaddam F.M., Marsella A.Y.* Introduction // Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 3–7.
- Mohamedou M.* Understanding Al Qaeda: The Transform of War. Ann Arbor, MI, Pluto Press, 2007.
- Montiel C.J., Anuar M.K.* Other terrorism, psychology and media // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2002. N 8. P. 201–206.
- Morf G.* Terror in Quebec. Toronto, 1970.
- Morgan J.N.* Try little humility [Letter to editor] // The New York Times. 2002. January 21. P. A19.
- Mortimer E.* Faith and power: The politics of Islam. N.Y.: Random House, 1982.
- Moscovici S.* Three concepts: Minority, conflict, and behavioral style // S. Moscovici, A. Musshi-Faina, A. Maas (Eds.). Minority influences, Chicago: Nelson Hall, 1994. P. 233–251.
- Moussalli A.S.* Intrudition to Islamic fundamentalism: Realities, ideologies, and international politics // A. S. Moussalli (Ed.), Islamic fundamentalism: Myths and realities. Reading, United Kingdom: Ithaca Press, 1998.
- Nail P.R., MacDonald G., Levy D.A.* Proposal of a four-dimensional model of social response // Psychological Bulletin. 2000. Vol. 126. P. 554–470.
- Nasiri O.* Inside the Jihad: My Life With Al Qaeda: A Spy's Story. N.Y.: Basic Books, 2006.
- Nasser G.A.* The Philosophy of the Revolution. Cairo, 1954.
- Neal M.A., Bazerman M.H.* Cognition and rationality in negotiation. The Free Press, N.Y.–Toronto, 1991. P. 105.
- Neria Y., Suh E.J., Marshall R.D.* The professional response to the aftermath of September 11, 2001 in N.Y. City: Lessons learned from treating victims of the World Trade Center attacks // B. Litz (Ed.). Early intervention for trauma and loss. N.Y.: Guilford, 2004. P. 201–215.
- Norris F.N.* Psychological consequences of disasters // PTSD Research Quarterly. 2002. 13 (2). P. 1–7.
- O'Brein C.* Thinking About Terrorism // Atlantic Monthly, June, 1986. P. 62–66.
- Office for victims of Crime. OVC Handbook for coping after terrorism. Washington, DS: US Department of Justice Programs, 2001.
- Owimette P., Brown P.J.* Trauma and substance abuse: causes, cosequences, and treatment co morbid disorders. Washington, DC: American Psychological association, 2002.
- Palmer D.L., Taylor D.M.* A proposed alteranative policy for the granting of asylum within Canada's borders. Unpublished manuscript, 2000, цит. по: Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 103–117.

- Pape R.A.* Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism. N.Y.: Random House, 2005.
- Pape R.A.* The Strategic Logic of Suicide Terrorism // American Political Science Review. 2003. V. 97. N 3. P. 1–19.
- Pastel R.* Collective behaviors: Mass panic and outbreaks of multiple unexplained symptoms // Military Medicine. 2001. 166 (12). P. 44–46.
- Pearlstein R.M.* The mind of a political terrorist. Wilmington, DE: Scholarly Resources, 1991.
- Perina K.* Suicide terrorism // Psychology Today. 2002. V. 35 Issue 5. P. 15.
- Pick T.M.* The Myth of the trauma / The trauma of the myth: myths as mediators of some long-term effects of war trauma // Peace and Conflict. Journal of Peace Psychology. 2001. N 7. P. 201–226.
- Pilisuk M., Wong A.* State terrorism: When the perpetrator is the government // C. Stout (Ed.). Psychology of terrorism. Praeger Publication, 2002.
- Political Psychology // The Encyclopedic Dictionary of Psychology. Basil Blackwell Publishers Limited. Oxford, 1983. P. 372–373.
- Post J.* «Hostilité», «Conformité», «Fraternité»: The Group Dynamics of Terrorist Behavior // International Journal of Group Psychotherapy. 1986. 36. N 2. P. 211–224.
- Post J.M.* Differentiating the threat of chemical and biological terrorism: Motivations and constraints // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2002 a. N 8. P. 187–200.
- Post J.M.* Response // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2002 b. N 8. P. 223–227.
- Post J.* Narcissism and the Charismatic Leader-Follower Relationship // Political Psychology. 1986. V. 7. N 5. P. 675–688.
- Post J.* Notes of Psychodynamic Theory of Terrorist Behavior // Terrorism. 1984. 7. N 3. P. 241–256.
- Post J.* Terrorist psycho-logic: terrorist behavior as the product of psychological forces // Origins of Terrorism. Ed. by W. Reich. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1990. P. 25–40.
- Prigerson H., Jacobs S.C.* Traumatic grief as distinct disorder: A rationale, consensus criteria, and a preliminary test // M. S. Strobe, R. O. Hanson et al. (Eds.). Handbook of bereavement research: Consequences, coping, and care. Washington, DC: American Psychological Association, 2001. P. 613–645.
- Raab J., Mikward H.B.* Dark networks as Problems // Journal of Public Administration Research & Theory. 2003. Vol. 13. N 4. P. 413–439.
- Rabasa A.* Beyond al-Qaeda. 2 vols. Part 1: The Global Jihadist Movement, Part 2: The Outer Rings of the Terrorist Universe. Santa Monica, CA, Rand, 2006.
- Ragavan Ch., Bentrup N.L., Wakefield A.M., Thalhimer Sh., Ekman M.M.* Tracing terror's roots // U.S. News & World Report. 2/24/2003. Vol. 134. Issue 6. P. 28–31.
- Raphael B., Minkov C., Dobson M.* Psychotherapeutic and pharmacological intervention for bereaved persons // M.S. Stroebe, W. Stroebe et al. (Eds.). New

- handbook of bereavement: Consequences, coping, and care. Washington, DC: American Psychological Association, 2001. P. 587–612.
- Rapoport D.C.* (Ed.). Inside terrorist organizations (2nd ed.). London: Frank Cass & Co, 2001.
- Rapoport D.C.* The politics of atrocity // Terrorism: Interdisciplinary Perspectives / Ed. by D.C. Rapoport & Y. Alexander. N.Y.: Pergamon, 1977. P. 127–216.
- Reich W.* (Ed.). Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 1998 (Original work published, 1990).
- Reich W.* Understanding terrorist behavior: The limits and opportunities of psychological inquiry // W. Reich (Ed.). Origins of terrorism: psychologies, ideologies, theologies, states of mind. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1998. P. 261–279.
- Resnick H., Acierno R. et al.* Emergency evaluation and intervention with female victims of rape and other violence // Journal of Clinical Psychology. 2000. 56. P. 1317–1333.
- Rogers C.* Steps toward Pease, 1948–1986: “Tension Reduction in Theory and Practice”, “The Underlying Theory: Drown from Experience with Individuals and Groups”, “Inside the World of the Soviet Professional” and with Ruth Sanford “Reflections on Our South African Experience” // Counseling Values. 1986. V. 32. N 1. P. 12–75.
- Rothman J.* From confrontation to cooperation: Resolving ethnic and regional conflict. Newbury Park, CA: Sage, 1992.
- Russel C., Miller B.H.* Profile of a terrorist // Perspectives on Terrorism / L.Z. Freedman and I. Alexander (Eds.). Wilmington, DE: Scholarly Resources, 1983. P. 45–60.
- Ruzek J.I., Maguen S., Litz B.T.* Evidence-based Interventions for Survivors of Terrorism // B. Bogner, L. M. Brown, L.E. Beutler, J.N. Breckenridge, Ph.G. Zimbardo (Eds.) Psychology of Terrorism. USA, Oxford University Press, 2007. P. 247–272.
- Sageman M.* Understanding Terror Networks. Philadelphia: The University of Pennsylvania Press, 2004.
- Schlenger W.E., Caddel J.M. et al.* Psychological reactions to terrorist attacks: Findings of American’ Reactions to September 11 // Journal of American Medical Association. 2002. 288. P. 581–588.
- Schmid A., de-Graf J.* Violence as communication. Newbury Park, CA: Sage, 1982.
- Schmid A., Jongman A., Stohl M.* Political terrorism: A new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories, and literature. N.Y.: North-Holland, 1988.
- Seale P.* Abu Nidal: a Gun for Hire. N.Y.: Random House, 1992.
- Sederer L., Ryan K., Rubin J.F.* The Psychological Impact of Terrorism: Policy Implications // International Journal of Mental Health. 2003. V. 32. N 1. P. 7–10.

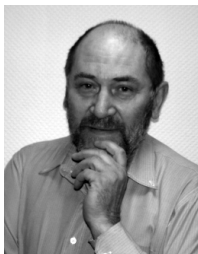
- Shear K.M., Frank E. et al.* Traumatic grief treatment: A pilot study // American Journal of Psychiatry. 2001, 158. P. 1506–1508.
- Sifaoui, Mohamed.* Inside Al Qaeda. N.Y.: Thunder Mouth Press, 2003.
- Sivan E.* Radical Islam: Medieval theology and modern politics. New Haven, CT: Yale University Press, 1985.
- Skinner B.F.* Beyond Freedom and Dignity. N.Y.: Knopf, 1971.
- Skinner B.F.* Reflections on behavior and Society. Englewood cliffs. NJ: Prentice-Hall, 1978.
- Small G. et al.* Mass hysteria among student performers: Social relationship as a symptom predictor // American Journal of Psychiatry. 1991. 148 (9). P. 1200–1205.
- Soibelman M.* Palestinian Suicide Bombers // Journal of Investigative Psychology & Offender Profiling. 2004. V. 1. Issue 3. P. 175–190.
- Staub E.* Genocide and killing: The roots and prevention // D.J. Christie, R.V. Wagner, D.D. Winter (Eds.). Peas, Conflict and Violence: Peace psychology for 21 century. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2001. P. 76–87.
- Staub E.* The cultural-societal roots of violence: The example of genocidal violence and of contemporary youth violence in the United States // American Psychologist. 1996. N 51. P. 117–132.
- Staub E.* The origins and prevention of genocide and other group violence // Peace and conflict: Journal of peace psychology. 1999. N 5. P. 303–336.
- Staub E.* The roots of evil: The origins of genocide and other group violence. N.Y.: Cambridge University Press, 1989.
- Staub E.* Understanding and responding to group violence, mass killing and terrorism // Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / F. M. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004.
- Stern J.* Terror in the Name of God: Why Religious Militants Kill. N.Y.: Harpercollins, 2003.
- Steele J.U.S.* Claims right to pre-emptive strikes / The Guardian Weekly. 2002. June 13–19. P. 14.
- Stoner J.A.F.* Risky and Cautious Shifts in Group Decisions // Journal of Experimental Social Psychology. 1968. Vol. 442.
- Storey J.W., Utter G.H.* Religion and politics: A reference handbook. Santa Barbara, CA: ABC Clio, 2002.
- Stuhlmacher A.F., Gillespie T.L. et al.* The impact of time pressure in negotiation: A meta-analysis // International Journal of Conflict Management. 1998. Vol. 9. Issue 2. P. 97–116.
- Sunstein C.R.* Why they hate us: the role of social dynamics // Harvard Journal of Law & Public Policy. 2002. Vol. 25. Issue 2. P. 429–440.
- Tajfel H.* Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge: Univ. Press, 1981.

- Tajfel H., Turner I.* An integrative theory of intergroup conflict // The Social psychology of intergroup conflict / W.G. Austin, S. Worchel (Eds.). Monterey (Call.): Brooks – Cole, 1978. P. 1–43.
- Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // S. Worchel, G. Austin (Eds.). Psychology of intergroup relations. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
- Tamimi A., Esposito J.L.* Islam and secularism in the Middle East. N.Y.: New York University Press, 2000.
- Taylor D.M.* The quest for identity: From minority groups to generation Xers. Westport, CT: Praeger, 2002.
- Taylor D.M., Louis W.* Terrorism and the Quest for Identity // Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions. F.M. Moghaddam and A.Y. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 169–185.
- Taylor D.* Defusing the Terrorism of Terror // B. Bogner, L.M. Brown, L.E. Beutler, J.N. Breckenridge. Ph. G. Zimbardo (Eds.) Psychology of Terrorism. USA, Oxford University Press, 2007. P. 373–399.
- Terrorism Research Center, The Basics of Terrorism: Part 2: The Terrorists. Dec. 16, 2001 // <http://www.geocities.com/CapitolHill/2468/bpart2>.
- Terry D.J., Hogg M.A., White K.M.* Attitude-behaviour relations: Social identity and group membership // D. J. Terry, M. A. Hogg (Eds.). Attitudes, behavior, and social context. London: Lourence Erlbaum, 2000. P. 67–93.
- Triandis H.* Culture and social behavior. McGraw-Hill, 1994.
- Undercurrent of hostility toward U. S. in Arab world // The Seattle Times, 2002, September 12, p. A10.
- Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions / F.M. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004.
- Unger R.* (Ed.). Terrorism and its consequences [Special issue] // Analyses of Social Issues and Public Policy. 2002. V. 2 (2).
- Van Emmerick A.A., Kamphuis J.H. et al.* Single-session debriefing following psycho-trauma, help or harm? A misanalysis // Lansef, 2007.
- Vlahov D., Galea S. et al.* Increased use of cigarettes, alcohols and marijuana among Manhattan residents after the September 11th terrorist attacks // American Journal of Epidemiology. 2002. 155. P. 988–996.
- Vlahov D., Galea S. et al.* Sustained increased consumption of cigarettes, alcohol, and marijuana among Manhattan residents after September 11 // American journal of Public Health. 2004. 94. P. 253–254.
- Volkan V.* Bloodlines: From ethnic pride to ethnic terrorism. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1997.
- Voll J.* Islam. Continuity and change in the modern world. Boulder, CO: Westview Press, 1982.
- Wagner R., Long K.R.* Terrorism from a Peace Psychology Perspective // Understanding terrorism: Psychological roots, consequences and interventions /

-
- F. Moghaddam and A. Marsella (Eds.). Washington, DC: American Psychological Association, 2004. P. 207–220.
- Waxler-Morrison N., Richardson E. et al.* Cross-cultural coping: a handbook for health professionals. 2nd Ed. Vancouver: University of British Columbia Press, 2001.
- Weinstein, N.D.* Optimistic Biases About Personal Risks // *Science*. 1989. 246. P. 1232–33.
- Weinstein N.D.* Unrealistic Optimism About Future Life Events // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. 39. P. 806–820.
- Weinstein N. D.* Why It Won't Happen to Me // *Health Psychology*. 1984. 3. P. 431–457.
- White R.K.* Fearful warriors: A psychological profile of US-Soviets relations. N. Y.: Free Press, 1984.
- Whittaker D.* The terrorism reader. N.Y.: Routledge, 2001.
- Woodberry J.D.* Reflections ob Islamist terrorism // *Fuller Focus*, 10 (1). 2002. Spring. P. 4.
- Youssef M.* America, oil and the Islamic mind: The real crisis is the gulf between our ways of thinking. Grand Rapids, MI: Zondervan, 1991.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Соснин Вячеслав Александрович — кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института психологии Российской академии наук. Специалист по широкому кругу проблем социальной психологии, касающихся, прежде всего, психологии общения, конфликтологии и этнической психологии. Автор многочисленных научных публикаций, трудов, соавтор многих учебных пособий по социальной психологии, а также книг по психологическому тренингу и деловому общению. Помимо научных исследований в отмеченной области, имеет большой опыт прикладной и преподавательской работы в сфере социально-психологического тренинга, отработки навыков делового общения, ведения переговоров, разрешения конфликтных ситуаций. Основные публикации: «Учимся общению: взаимопонимание, переговоры, тренинг» (1993), «Как стать хозяином положения: анатомия эффективного общения» (1996), учебник «Социальная психология» для средних учебных заведений (2003), «Тоталитарные секты: как противостоять им» (2005), учебное пособие «Социальная психология» для вузов (2006).

Нестик Тимофей Александрович — кандидат философских наук, научный сотрудник Института психологии РАН. Специалист в области психологии межгрупповых отношений, экономической и организационной психологии. Автор многочисленных публикаций по социальной психологии конфликта, психологии терроризма, формированию социальных сетей и доверия в организациях. Соавтор монографии «Социальные конфликты» (1999); соавтор учебного пособия «Социальная психология» для вузов (2006).

Научное издание

Соснин Вячеслав Александрович
Нестик Тимофей Александрович

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ Социально-психологический анализ

Редактор — *О.В. Шапошникова*
Корректор — *И.В. Клочкова*
Компьютерная верстка — *А. Пожарский*

Сдано в набор 9.10.08. Подписано в печать 28.10.08.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура PetersburgС
Усл.печ.л. 15,0. Уч-изд. л. 12,7.
Тираж 500. Заказ

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01.
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-51-29

E-mail: publ@psychol.ras.ru
www.psychol.ras.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

